Д. В. Бубрих

СЕВЕРНО-КАШУБСКАЯ СИСТЕМА УДАРЕНИЯ

Из «Известий Отделения Русского Языка и Словесности Р. А. Н.»,
т XXVII

ЛЕНИНГРАД
1924.

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук
Июнь 1924 г

Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбург.*

РС
92

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Ленинградский Гублит № 7748. — 200 экз.

Российская Государственная Академическая Типография
(В О., 9 лин., д. № 12)

Сѣверно-кашубская система ударенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

На сѣверно-кашубское удареніе мое вниманіе направилъ впервые А. А. Шахматовъ. Въ одномъ разговорѣ со мной А. А. выразилъ живѣйшее огорченіе по поводу того, что недостатокъ времени мѣшаетъ ему съ должнымъ тщаніемъ проштудировать книгу Fr. Lorenz'a Slovinzische Grammatik, и тутъ же предложилъ мнѣ заняться этой книгой, а заодно и другими трудами Fr. Lorenz'a и вообще литературой по кашубскому языку, особенно выдѣляя явленія загадочнаго сѣверно-кашубскаго ударенія. Акцентологическія темы были мнѣ близки и раньше, и потому предложеніе А. А. я принялъ съ величайшей охотой.

Лѣтомъ 1914 г. я изучилъ труды Fr. Lorenz'a и тогда же сдѣлалъ первый набросокъ настоящей работы, выработавъ, въ общемъ и цѣломъ, тотъ самый взглядъ на сѣверно-кашубское удареніе, какой проводится здѣсь. Базировался я тогда только на словинскомъ матеріалѣ. Своими впечатлѣніями я подѣлился въ двухъ докладахъ, прочтенныхъ въ скоромъ времени въ Лингвистической Секціи Неофилологическаго Общества при Петроградскомъ Университетѣ.

Событія военнаго и революціоннаго времени надолго лишили меня возможности продолжать начатое изслѣдованіе, и только лѣтомъ 1920 г. я эту возможность, несмотря на чрезвычайно тяжелую внѣшнюю обстановку, нашелъ. Въ процессѣ занятій я пережилъ два радостныхъ момента. Пока я ограничивался словинскими и вообще западно-приморскими діалектами, утвержденіе, что слабое удареніе внѣ чередованія съ сильнымъ (v^{n}ogȁrńik: v^{n}ogȁrńik^{n}ū) замѣнило слабое удареніе въ чередованіи съ сильнымъ (v^{n}ogārńik: v^{n}ogārńik^{n}ū), я могъ вы-

ставлять только гипотетически; но когда я ознакомился съ восточно-приморскими діалектами, утвержденіе это я получилъ право выставлять уже категорически, такъ какъ первоначальное состояніе въ указанномъ отношеніи въ восточно-приморскихъ діалектахъ — налицо. Пока я ограничивался приморскими діалектами, утвержденіе, что слабое рецессивное удареніе (dòp^{n}omāgāĭ) замѣнило слабое устойчивое удареніе (dop^{n}omàgāĭ какъ v^{n}ogàrńik), я могъ выставлять только гипотетически; но когда я ознакомился съ средне-кашубскими діалектами, утвержденіе это я получилъ право выставлять уже категорически, такъ какъ первоначальное состояніе въ указанномъ отношеніи въ средне-кашубскихъ діалектахъ — налицо. Попутно было и много другого въ томъ же духѣ. Чѣмъ шире я знакомился съ діалектами, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что усвоенный мною взглядъ на сѣверно-кашубское удареніе — правильный. Приходилось пожалѣть, что діалектическому разнообразію гдѣ-то долженъ быть конецъ.

Будучи закончена тѣмъ же лѣтомъ 1920 г., настоящая работа могла быть напечатана не сразу. А. А. Шахматову, ея вдохновителю, прочесть ее, увы, не придется.

ТРАНСКРИПЦІЯ

Въ настоящей работѣ принята слѣдующая *условно-общекашубская* транскрипція, въ исходныхъ чертахъ предложенная Fr. Lorenz'емъ въ его книгѣ: *Къ изученію кашубскаго языка,* но кое-въ-чемъ измѣненная.

Гласные.

a, e, o, i, u надо представлять въ ихъ обычномъ значеніи.

ë надо представлять какъ отодвинутое назадъ e (ë замѣняетъ краткіе i, u послѣ непалатализованныхъ не лабіализованныхъ согласныхъ).

ą надо представлять какъ носовое a.

ā, ē, ō, ī, ū, ą̄ надо представлять какъ долгіе a, e, o, i, u, ą.

Согласные.

b, p, v, f, m надо представлять въ ихъ обычномъ значеніи.

d, t, n надо представлять въ ихъ обычномъ значеніи.

ʒ, c надо представлять какъ «твердыя» «свистящія» аффрикаты (ʒ = д͡з, c = ц).

z, s надо представлять какъ «твердые» «свистящіе» фрикативные (z = з, s = с).

ǯ, č надо представлять какъ «твердыя» «шипящія» аффрикаты (ǯ = д͡ж, č = т͡ш).

ž, š надо представлять какъ «твердые» «шипящіе» фрикативные (ž = ж, š = ш).

ʑ, ć надо представлять какъ «мягкія» «шепелявыя» аффрикаты (ʑ = сербск. đ, ć = сербск. ћ) (ʑ, ć замѣняютъ g, k передъ передними гласными).

ź, ś надо представлять какъ «мягкіе» «шепелявые» фрикативные (ź, ś: z, s = ʑ, ć: ʒ, c) (ź, ś замѣняютъ γ, χ передъ передними гласными).

g, k надо представлять въ ихъ обычномъ значеніи.

γ, χ надо представлять какъ задненебные фрикативные (γ = г въ Бога, χ = х).

l̃ надо представлять какъ велярное l (l̃ = тверд. л).

l надо представлять какъ средневропейское l.

r надо представлятять въ его обычномъ значеніи.

ř надо представлять какъ сложный звукъ, начинающійся на r и заканчивающійся на z resp. s.

j надо представлять въ его обычномъ значеніи.

b́, ṕ, v́, f́, ḿ и ń надо представлять какъ «мягкія» (палатализованныя) b, p, v, f, m и n.

b^u, p^u, v^u, f^u, m^u и g^u, k^u, γ^u, χ^u надо представлять какъ лабіализованныя b, p, v, f, m и n g, k, γ, χ (эти лабіализованные согласные замѣняютъ соотвѣтствующіе нелабіализованные передъ лабіализованными гласными).

ЧАСТЬ I.

Сѣверно-кашубская система ударенія въ ея современныхъ чертахъ.

Изъ исторіи собиранія матеріаловъ по сѣвернокашубскому ударенію.

§ 1. Первыя замѣчанія по сѣверно-кашубскому ударенію мы находимъ у Cenôv'ы *Zarés do gramatiky* kašébsko-sĩovjnskjè *mòvé*, у Гильфердинга. *Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря*, у Ramułt'a, Słownik języka *pomorskiego czyli kaszubskiego*, XXX—XXXI. Замѣчанія эти полной картины сѣверокашубскаго ударенія не даютъ, а даютъ только наиболѣе характерные штрихи въ этой области. Уже изъ этихъ замѣчаній выясняется, что сѣвернокашубское удареніе, въ противоположность польскому (прикованному къ предпослѣднему слогу слова) и южнокашубскому (прикованному къ первому слогу слова), подвижное и очень приближающееся къ типу свободнаго.

Значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ накопленія матеріаловъ по сѣвернокашубскому ударенію дѣлаетъ G. Bronisch (сокр.: Br.), *Kaschubische Dialektstudien*, II. I. *Die Sprache der* Bêlôce 1896 (сокр.: S., пагинація оттиска изъ AsPh.), H. II. *Texte in der Sprache der* Bêlôce 1898 (сокр.: T., пагинація оттиска изъ AsPh.). Въ S. Bronisch дѣлаетъ обстоятельное, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всетаки неполное и притомъ очень неудобно построенное описаніе ударенія въ былякскомъ діалектѣ Heisternest'a (27—49) и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія дифференціальнаго характера объ ударенін въ другихъ былякскихъ діалектахъ: Kussfeld-Ceynowa (77), Schwarzauer Kämpe (78—79), Oxhöfter Kämpe (83—84). Въ T. Bronisch даетъ много акцентуированныхъ текстовъ по самымъ различнымъ былякскимъ діалектамъ (l-діалектамъ сѣверо-востока), а также по нѣкоторымъ изъ Ĩ-діалектовъ. Въ T. мы находимъ то, чего не хватаетъ въ S.

Съ 1903 г. начинаютъ, въ изданіи Россійской Академіи Наукъ, появляться замѣчательные труды неутомимаго изслѣдователя кашубскаго языка *Fr. Lorenz*'а (сокр.: Lor.), посвященные по преимуществу словинскому нарѣчію. Въ первомъ изъ этихъ трудовъ, *Slovinzische Grammatik* (сокр.: G.), Lorenz, между прочимъ, рисуетъ исчерпывающе полную картину словинскаго ударенія (167—226). Къ Slovinzische Grammatik приложена статья *Die Lautlehre des Kabatkischen*, изъ которой мы извлекаемъ свѣдѣнія объ удареніи у ближайшихъ восточныхъ сосѣдей словинцевъ — кабатковъ. Въ *Slovinzisches Wörterbuch* (сокр.: Wb.), громадномъ словарѣ свыше 1000 страницъ, слова акцентуированы. Въ *Slovinzische Texte* (сокр.: T.) много акцентуированныхъ текстовъ.

Книга *Rudnick*'аго *Przyczynki do grammatyki i* słownika *narzecza* słowińskiego 1913 (сокр.: Rudn.) ничѣмъ особенно существеннымъ наблюденія Lorenz'а по части ударенія не дополняетъ. Очень цѣнны заключающіеся въ книгѣ акцентуированные тексты. Кое-что извлекается изъ помѣщеннаго въ концѣ книги дифференціальнаго по отношенію къ Lor. Wb. словаря.

Въ общемъ и цѣломъ къ серединѣ второго десятилѣтія нашего вѣка составился матеріалъ, вполнѣ достаточный для сужденія о сѣверно-кашубскомъ удареніи вообще и въ діалектахъ. Напсанная Lorenz'емъ къ началу европейской войны книга *Къ изученію Кашубскаго языка*, въ большей своей части посвященная описанію явленій ударенія, подводитъ итогъ всѣмъ предшествующимъ наблюденіямъ, восполняя ихъ многими новыми. Книгу эту пишущему эти строки посчастливилось видѣть въ рукописи.

---

§ 2. Сѣверно-кашубская рѣчь различаетъ слѣдующія ударенія:

1) *удареніе на окончаніи,*
2) *удареніе на послѣднемъ слогѣ основы,*
3) *удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы,*
4) *удареніе на первомъ слогѣ основы.*

Замѣтимъ: какъ составная часть основы въ ударномъ отношеніи трактуется не только примыкающая къ слову приставка, но и примыкающіе къ слову отрицаніе, предлогъ и т. п.; удареніе на первомъ слогѣ основы остается удареніемъ на первомъ слогѣ основы и въ томъ случаѣ, если основа расширяется за счетъ присоединенія приставки или отрицанія, предлога и т. п., т. е. переходитъ на эти приставку или отрицаніе, предлогъ и т. п.

Настоящій характеръ ударенія сплошь и рядомъ обнаруживается только при расширеніи основы за счетъ присоединенія приставки или отрицанія, предлога и т. п. Какъ квалифицировать удареніе въ Sg. A. trą̀bą и Sg. I. trą̀bą̄? Указаніе можно найти въ Sg. A. nà-trą̀bą и Sg. I. za-trą̀bą̄. Очевидно, въ Sg. A. trą̀bą передъ нами либо удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы, за недостаткомъ этого предпослѣдняго слога основы загнанное въ послѣдній слогъ основы, либо удареніе на первомъ слогѣ основы, а въ Sg. I. trą̀bą̄ передъ нами удареніе на послѣднемъ слогѣ основы. Какъ квалифицировать удареніе въ словинскихъ Sg. A. gą̀sëną и gą̀sëzną? Указаніе можно найти въ словинскихъ Sg. A. nà-gą̀sëną и na-gą̀sëzną. Очевидно, въ первомъ случаѣ передъ нами удареніе на первомъ слогѣ основы, а во второмъ случаѣ — удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы.

Указанныя четыре ударенія можно группировать различно.

Съ одной стороны, можно остановиться на противоположности ударенія на окончаніи и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы (1—2) — и ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на первомъ слогѣ основы (3—4). Первыя два ударенія можно назвать *сильными* (совершенно условный терминъ), а послѣднія два — *слабыми* (тоже совершенно условный терминъ).

Съ другой стороны, можно остановиться на противоположности ударенія на окончаніи (1) — и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на первомъ слогѣ основы (2—4). Первое удареніе можно назвать *конечнымъ*, а послѣднія три — *основными*.

Съ третьей, наконецъ, стороны, можно остановиться на противоположности ударенія на окончаніи, ударенія на послѣднемъ слогѣ основы

и ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы (1—3) — и ударенія на первомъ слогѣ основы (4). Первыя три ударенія можно назвать *устойчивыми*, а послѣднее — *рецессивнымъ*.

Особенно важную роль играетъ въ сѣверно-кашубской рѣчи противоположность сильныхъ и слабыхъ ударенiй. Соотвѣтственно этому цѣлесообразно установить такую терминологію: удареніе на окончаніи — *сильное конечное* удареніе, удареніе на послѣднемъ слогѣ основы — *сильное основное* удареніе, удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы — *слабое устойчивое* удареніе, удареніе на первомъ слогѣ основы — *слабое рецессивное* удареніе.

§ 3. Прежде чѣмъ приступить къ описанію сѣверно-кашубскаго ударенія отъ формы къ формѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о важнѣйшихъ діалектическихъ различіяхъ.

1) Въ южной группѣ сѣверно-кашубскихъ діалектовъ, въ *среднекашубскихъ* діалектахъ, изъ четырехъ сѣверно-кашубскихъ ударенiй извѣстны только три: сильное конечное (на окончаніи), сильное основное (на послѣднемъ слогѣ основы) и слабое устойчивое (на предпослѣднемъ слогѣ основы), т. е. оба сильныя и только одно изъ слабыхъ, или, иначе, всѣ три устойчивыхъ. Слабое рецессивное удареніе (удареніе на первомъ слогѣ основы) неизвѣстно.

Въ сѣверной группѣ сѣверно-кашубскихъ діалектовъ, въ *приморскихъ* діалектахъ, извѣстны всѣ четыре сѣверно-кашубскихъ ударенія: сильное конечное (на окончаніи), сильное основное (на послѣднемъ слогѣ основы), слабое устойчивое (на предпослѣднемъ слогѣ основы) и слабое рецессивное (на первомъ слогѣ основы). Средне-кашубскому слабому устойчивому ударенію (ударенію на предпослѣднемъ слогѣ основы) на приморской почвѣ соотвѣтствуетъ вообще слабое рецессивное удареніе (удареніе на первомъ слогѣ основы) и только въ нѣсколькихъ совершенно опредѣленныхъ категоріяхъ случаевъ — такое же слабое устойчивое удареніе (удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы). Полнѣе — въ § 4.

Различіе между средне-кашубскимъ и приморскимъ удареніемъ можно проиллюстрировать такимъ примѣромъ:

	Средне-кашубск.	Приморск.
Sg. NV.	přëjàcelka	přëjàcelka > přèjacelka
G.	přejàcelćі	přëjàcelćі > přèjacelćі (dò-)
D.	přejàcelce	přëjàcelce > přèjacelce (pᵘò-)
A.	přëjàcelką	přëjàcelką > přèjacelką (nà-)
I.	přëjacèlką̄	přëjacèlką̄
L.	přëjàcelce	přejàcelce > přèjacelce (nà-)
Pl. NV.	přëjàcelćі	přëjàcelćі > přèjacelćі
G.	přejacèlk	přëjacèlk
D.	přëjacèlkām	přëjacèlkām
A.	= G.	= G.
I.	přëjacèlkamı	přëjacèlkamī
L.	přëjacèlkaχ	přëjacèlkaχ
Du. NV.	přëjàcelce	přëjàcelce > přèjacelce
GL.	přëjacèlkᵘū	přëjacèlkᵘū
DY.	přëjacèlkāma	přëjacèlkāma
	‖ —	‖přëjàcelkāma > přèjacelkāma (pᵘò-)
A.	= G.	= G.

2) Въ восточной группѣ приморскихъ діалектовъ, въ *восточно-приморскихъ* діалектахъ, слабое устойчивое удареніе (удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы) сохраняетъ способность чередоваться съ сильнымъ основнымъ удареніемъ (удареніемъ на послѣднемъ слогѣ основы). Къ числу восточно-приморскихъ діалектовъ относятся, напримѣръ, былякскіе.

Въ западной группѣ приморскихъ діалектовъ, въ *западно-приморскихъ* діалектахъ, слабое устойчивое удареніе (удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы) способность чередоваться съ сильнымъ основнымъ удареніемъ (удареніемъ на послѣднемъ слогѣ основы) теряетъ — оно обобщается на всемъ протяженіи флексіи. Есть, впрочемъ, кое-какія исключенія. Полнѣе — въ § 5. Къ числу западно-приморскихъ діалектовъ относятся, напримѣръ, словинскіе и кабатскіе.

Различіе между восточно-приморскимъ и западно-приморскимъ удареніемъ можно проиллюстрировать такимъ примѣромъ:

	Восточно-приморск.	Западно-приморск.
Sg. NV.	v́elg^{n}òrëba	v́elg^{n}òrëba
G.	v́elg^{n}òrëbë	v́elg^{n}òrëbë
D.	v́elg^{n}òrëbe	v́elg^{n}òrëbe
A.	v́elg^{n}òrëbą	v́elg^{n}òrëbą
I.	v́elg^{n}orèbą̄	v́elg^{n}orèbą̄ > v́elg^{n}òrëbą̄
L.	v́elg^{n}òrëbe	v́elg^{n}òrëbe
Pl. NV.	v́elg^{n}òrëbë	v́elg^{n}òrëbë
G.	v́elg^{n}orìb	v́elg^{n}orìb > v́elg^{n}òrīb
D.	v́elg^{n}orèbām	v́elg^{n}orèbām > v́elg^{n}òrëbām
A.	= G.	= G.
I.	v́elg^{n}orèbamī	v́elg^{n}orèbamī > v́elg^{n}òrëbamī
L.	v́elg^{n}orèbaχ	v́elg^{n}orèbaχ > v́elg^{n}òrëbaχ
Du. NV.	v́elg^{n}òrëbe	v́elg^{n}òrëbe
GL.	v́elg^{n}orèb^{n}ū	v́elg^{n}orèb^{n}ū > v́elg^{n}òrëb^{n}ū
DI.	v́elg^{n}orèbāma	v́elg^{n}orèbāma > v́elg^{n}òrëbāma
	|| —	|| v́elg^{n}òrëbāma
A.	= G.	= G.

§ 4. Какъ было указано, средне-кашубскому слабому устойчивому удареніе по приморской почвѣ соотвѣтствуетъ вообще слабое рецессивное удареніе, и только въ нѣсколькихъ совершенно опредѣленныхъ категоріяхъ случаевъ — такое же слабое устойчивое удареніе.

Случаи, гдѣ на приморской почвѣ извѣстно сильное устойчивое удареніе, слѣдующія.

1) Слова, существующія *рядомъ* со словами совершенно того же происхожденія и значенія, но съ фонетической замѣной двухъ послѣднихъ слоговъ основы однимъ (черезъ выпаденіе второго изъ гласныхъ или черезъ стяженіе гласныхъ за выпаденіемъ посредствующаго согласнаго). Сюда:

а) Несклоняемыя существительныя въ окаменѣлой формѣ Pl. G. на -ov́ic -ev́ic, существующія рядомъ съ несклоняемыми существительными въ окаменѣлой формѣ Pl. G. на -ov́c -ev́c (частью, въ силу контаминаціи, замѣняющіяся образованіями на -ov^{n}ov́c -ev^{n}ov́c). При-

мѣры: Šk^{n}onòv̋ic Lor. Wb., Bak^{n}ūzòv^{n}ov̋c Lor. Wb., Staχnòv^{n}ov̋c Lor. Wb., Stav^{n}òv^{n}ov̋c Lor. Wb. — ср. Staχnòv̋c Lor. Wb., P^{n}opuòv̋c Lor. Wb., Pavl̃ov̋c Lor. Wb., Rādk^{n}òv̋c Lor. Wb., K^{n}ovalèv̋c Lor. Wb.

Существительныя на -ov̋išče, существующія рядомъ съ существительными на -ov̋šče. Примѣры: groχ^{n}òv̋išče Br. S. 37, b^{n}ul̃v^{n}òv̋išče Br. S. 37 — ср. groχ^{n}òv̋šče, grob^{n}òv̋šče, targ^{n}òv̋šče.

Существительныя на -ov̋ica, -av̋ica, существующія рядомъ съ существительными на -ov̋ca, -av̋ca. Примѣры: groχ^{n}òv̋ina Br. S. 30 — ср. χřebtòv̋na.

Существительныя на -ov̋izna, существующія рядомъ съ существительными на -ov̋zna. Примѣры: b^{n}ob^{n}òv̋izna, b^{n}uk^{n}òv̋izna, dąb^{n}òv̋izna — ср. b^{n}ob^{n}òv̋zna, b^{n}uk^{n}òv̋zna, dąb^{n}òv̋zna.

b) Глагольныя формы съ -ova-, существующія рядомъ съ глагольными формами съ -a-. Примѣръ: daròvāl̃, daròval̃o, daròvalë — ср. darāl̃, darāl̃o, daràlë.

По аналогіи существительныхъ на -ov̋ic, -ev̋ic (неф. -ov^{n}ov̋c -ev^{n}ov̋c), -ov̋išče, -ov̋ica, -av̋ica, -ov̋ina, -ov̋izna слабое устойчивое удареніе извѣстно и въ *равносложныхъ* съ ними существительныхъ на -ic -ëc (неф. -ov̋c -ev̋c), -išče -ëšče, -ica -ëca, -ina -ëna, -izna, -ëzna. Примѣры: B^{n}ūřëšev̋c Lor. Wb., top^{n}òřëšče Br. S. 37, batòžëšče Br. S. 36, v^{n}ok^{n}òlëca, p^{n}odzèm̀ica, p^{n}ostrònńica, baràńina, p^{n}odstřèšëna, žorav̋ina, baràńizna, Kašëbizna, macéřëzna. Иногда дѣйствіе аналогіи и обратное. Замѣчательно, что у словинцевъ по аналогіи tòp^{n}ořëšče, batožëšče и gròχ^{n}ov̋išče, тогда какъ у быляковъ, согласно указанному, какъ groχ^{n}òv̋išče, такъ и top^{n}òřëšče, batòžëšče. Что касается существительныхъ на -ic -ëc (неф. -ov̋c -ev̋c), -išče -ëšče, -ica -ëca, -ina -ëna, -izna -ëzna неравносложныхъ съ существительными на -ov̋ic -ev̋ic (неф. -ov^{n}ov̋c -ev^{n}ov̋c), -ov̋išče, -ov̋ica, -av̋ica, -ov̋ina, -ov̋izna, т. е. имѣющихъ только двухсложную основу, то на нихъ дѣйствіе аналогіи послѣднихъ существительныхъ не простирается. Возникающія отсюда различія особенно рельефно выступаютъ въ западно-приморскихъ діалектахъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, слабое устойчивое удареніе обобщается на всемъ протяженіи флексіи. Тутъ съ одной

стороны Sg. A. vⁿokⁿòlëca, Sg. I. vⁿokⁿòlëcą̀ (< vⁿokⁿolècą̀), а съ другой стороны Sg. A. sńèżëca nà-, Sg. I. sńeżëcą̀; съ одной стороны, Sg. A. baràńiną, Sg. I. baràńīną̀ (< barańìną̀), а съ другой стороны, Sg. A. màlëną nà-, Sg. I. malèną̀ Въ ограниченіе указаннаго надо, впрочемъ, сказать, что въ словинскихъ діалектахъ существительныя на -izna -ëzna всѣ безъ исключенія аналогически усвоили слабое устойчивое удареніе. Какъ Sg. A. baràńizną Sg. I. baràńiznā̀ (< barańìznā̀), такъ и Sg. A. gą̀sëzną na-gą̀sëzną, Sg. I. gą̀sëznā̀ (< gąsèznā̀), ср. Lor. G. 189.

2) Слова, въ словопроизводствѣ *тѣснѣйшимъ образомъ* связанныя со словами съ основой на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Сюда:

Уменьшительныя съ односложнымъ производящимъ суфиксомъ, въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ неуменьшительными, а равнымъ образомъ съ уменьшительными съ не составляющимъ слога производящимъ суфиксомъ (-k-, -c-), каковыя неуменьшительныя и уменьшительныя съ не составляющимъ слога производящимъ суфиксомъ (-k-, -c-) имѣютъ основу на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: topⁿòŕëk topⁿòrūšk — ср. tòpⁿōr, topⁿòrk; celą̀teckⁿo, celą̀tūškⁿo — ср. Pl. NVA. celą̀ta, celą̀tkⁿo или cèlą̀tkⁿo; sąsàdečka, sąsàdūška, sąsàdčëca — ср. sąsàda, sąsàdka.

Отмужскія feminina съ односложнымъ производящимъ суфиксомъ, въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ masc., каковыя masc. имѣютъ основу на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: pasṕèŕëca—ср. pàspēŕ; dorà̀dčëna—ср. dorà̀dca (masc.).

Существительныя, означающія обитателя мѣстности, съ производящимъ суфиксомъ -ān-, -ānk-, въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ существительными, означающими мѣстность, каковыя существительныя, означающія мѣстность, имѣютъ основу на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: Bⁿorò́vān, Bⁿorò́vānka Br. S. 30 — ср. Bⁿòrovⁿo; Kⁿusvèlčān, Kⁿusvèlčānka Br. S. 30 — ср. Kⁿùsvelt... У словинцевъ, впрочемъ, въ противоположность былякамъ, существительныя на -ān, -ānka усваиваютъ болѣе обычное слабое рецессивное удареніе.

Существительныя, означающія мѣстность, съ производящими суфиксами -ov-, -ev-, или -in-, -ën-, въ словопроизводствѣ (по крайней мѣрѣ, въ моментъ возникновенія) тѣснѣйшимъ образомъ связанные съ существительными съ основой на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: Domàtov^{u}o, Sĩav^{u}ùtov^{u}o, P^{u}očèńĩino, V^{u}osĩòńĩino Br. S. 41. У словинцевъ, впрочемъ, колебаніе въ сторону болѣе обычнаго слабаго рецессивнаго ударенія, ср. Lor. G. 205.

Притяжательныя прилагательныя съ производящими суфиксами -ov-, -ev- или -in-, -ën-, въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ существительными съ основой на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: rèbàk^{u}ovĩ — ср. rèbāk; sąsàdčënĩ — ср. sąsàdka

Отглагольныя нарѣчія на -ącë, въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ Prs. глагола, гдѣ основа на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: třeṕècącë — ср. třèṕecą, třeṕèceš и т. д. provázącë — ср. pròvazą, provàzĩš и т. д., třĩmàjącë — ср. třĩmają, třĩmāš и т. д.

Сюда же, хотя и не безъ колебаній, рѣшаюсь отнести существительныя на -ńik, ńica, въ очень большомъ числѣ случаевъ въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ прилагательными на -nĩ, каковыя прилагательныя на -nĩ имѣютъ основу на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: v^{u}ogàrńik, v^{u}ogàrńica — ср. v^{u}ogàrnĩ; galąźńik, gaĩąźńica — ср. gaĩąźnĩ. Впрочемъ, существуетъ замѣтное колебаніе въ сторону слабаго рецессивнаго ударенія, ср. Lor. G. 178 и 188.

Своеобразную группу случаевъ представляютъ уменьшительныя съ производящимъ суфиксомъ -k- и со «вставкой» e въ слогѣ передъ суфиксомъ, въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанномъ съ неуменьшительными безъ «вставки» e (по крайней мѣрѣ въ рѣшающемъ большинствѣ формъ), каковы неуменьшительныя безъ «вставки» e (по крайней мѣрѣ въ рѣшающемъ большинствѣ формъ) имѣютъ основу на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче. Примѣры: Ṕòterk, Sg. G. Ṕòterka do-Ṕòterka — ср. Ṕòter, Sg. G. Ṕòtra; vrȍbelk, Sg. G. vrȍbelka do-vrȍbelka — ср. vrȍbel, Sg. G. vrȍbla; sòsterka, Sg. G.

sòsterćі do-sòsterćі — ср. sòstra; ḿòtelka, Sg. G. ḿòteĺćі — ср. ḿòtĺa; jàderkⁿo, Sg. G. jàderka do-jàderka — ср. jàdro; ṕèćeĺkⁿo, Sg. G. ṕèćeĺka do-ṕèćeĺka — ср. ṕèkĺo.

Нѣкоторыхъ случаевъ, не слагающихся въ обширныя группы, но по своей природѣ примыкающихъ къ вышеуказаннымъ, не перечисляю.

3) Ударныя объединенія словъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ предпослѣдняго компонента. Сюда:

Ударныя объединенія словъ въ настоящемъ смыслѣ. Примѣры: jemⁿù-řek Lor. G. 225, vⁿonà-jemⁿu Br. T. 2, ńe-pⁿoznàl-jeγⁿo Br. T. 2, V́elgà-vės, Robačĭ-Ĭug, dobrĭ-zeń, dobrą̀-noc.

Сложныя существительныя, представляющія много общаго съ ударными объединеніями словъ въ настоящемъ смыслѣ. Примѣры: gⁿoĺòlōd, gⁿoĺòmārz, mⁿodròkv́at, šadòmārz, žaĺtòkv́at, žątòṕēř Br. S. 36, dobròʒēj, kⁿoĺòʒēj, mⁿotòv́idĺo Br. S. 39 (говорящими воспринимается какъ сложное существительное), latòrōzga, v́elgⁿòrëba Br. S. 30, dobròʒejka, kⁿoĺòʒējka, kⁿoĺòvāž. Въ единичныхъ случаяхъ усваивается болѣе обычное слабое рецессивное удареніе. Примѣромъ можетъ служить są̀toṕēř Lor. при šą̀tòṕēř. Br. S. 36 (są̀toṕēř говорящими переживается, надо думать, какъ простое слово; интересно отмѣтить, что Lorenz причисляетъ это слово къ числу словъ съ суфиксомъ -ēř, ср. G. 180). Такъ же надо судить, повидимому, о kⁿòĺovart Lor. Нерѣдко вмѣсто одного ударенія въ сложныхъ существительныхъ появляются два ударенія, по одному въ каждомъ компонентѣ — одно главное, а другое второстепенное. Примѣры: mⁿùχⁿomⁿòr Lor., mⁿòtov́idĺo Lor. при mⁿotòv́idĺo Br. S. 39, kⁿùropàtka Lor., kⁿòĺovàž Lor. при kⁿoĺòvāž. zĺòʒēj и zĺòʒejka съ двухсложной основой имѣютъ слабое рецессивное удареніе: Sg. G. zĺòʒeja dò-zĺoʒeja и zĺòʒejći dò-zĺoʒejći.

Совершенно отдѣльно надо указать на слабое устойчивое удареніе въ склоненіи существительныхъ на -ą, Sg. G. -ica -ëca. Это удареніе въ этихъ существительныхъ замѣчательно тѣмъ, что рядомъ съ нимъ, въ другихъ формахъ, существуетъ и слабое рецессивное удареніе. Привожу для примѣра полное склоненіе существительнаго vⁿòtročą (безъ западно-приморскихъ явленій обобщенія слабаго устойчиваго ударенія):

Sg. NVA.	v^{n}òtroc̀ą nà-	Pl. NVA.	v^{n}otroc̀ąta
G.	v^{n}otròc̀ëca	G.	v^{n}otròčat (и v^{n}otroc̀ą̄t)
D.	v^{n}otròc̀ëcë	D.	v^{n}otroc̀ątām
I.	v^{n}otròc̀ëcą	I.	v^{n}otroc̀ątamī
L.	v^{n}otroc̀ëcū	L.	v^{n}otroc̀ątaχ

(Du. нѣтъ).

§ 5. Какъ было указано, въ западно-приморскихъ діалектахъ слабое устойчивое удареніе обобщается на всемъ протяженіи флексіи — но не безъ кое какихъ исключеній.

Упомянутыхъ исключеній немного. Вполнѣ достовѣрными считаю только слѣдующія.

1) dobròʒēj, Sg. L. dobroʒèjū и т. д., k^{n}olòʒēj, Sg. L. k^{n}oĺòʒèjū и т. д., dobròʒejka, Sg. I. dobroʒèjką и т. д., k^{n}oĺòʒejka, Sg. I. k^{n}oĺòʒèjką и т. д.

2) Praet. съ -ova-. Примѣръ: daròvāl, daròvaĺo, darovàĺa (!), daròvalë и т. д.

Такіе случаи, какъ v^{n}ostròv́ica, Sg. I. v^{n}ostrov́icą и т. д. Lor. G. 194, считаю только кажущимися случаями исключеній. Дѣло въ томъ, что при рядомъ съ v^{n}ostròv́ica имѣется и v^{n}òstrov́ica съ болѣе обычнымъ слабымъ рецессивнымъ удареніемъ, и Sg. I. v^{n}ostrov́icą и т. д. могутъ быть отнесены не къ первому, а къ послѣднему.

Совершенно отдѣльно надо указать на явленія въ склоненіи существительныхъ на -ą, Sg. G. -ica -ëca. Явленія обобщенія слабаго устойчиваго удареніе развиваются здѣсь раздѣльно въ формахъ съ основой на -ic- -ëc- и въ формахъ съ основой на -ąt-. Въ формахъ съ основой на -ic- -ëc- эти явленія развиваются во всѣхъ западно-приморскихъ діалектахъ одинаково (Sg. L. v^{n}otroc̀ëcū > v^{n}otròc̀ëcū). Но въ формахъ съ основой на -ąt- эти явленія развиваются только въ кабаткскихъ діалектахъ (какъ Pl. G. v^{n}otròc̀ąt, такъ и Pl. NVA. v^{n}otròc̀ąta, D. v^{n}otròc̀ątām, I. v^{n}otròc̀ątam, L. v^{n}otròc̀ątaχ), но не развиваются въ словинскихъ діалектахъ (хотя Pl. G. v^{n}otròc̀ąt — впрочемъ, при v^{n}otroč̀ą̄t—, однако неизмѣнно Pl. NVA. v^{n}otroc̀ąta, D. v^{n}otroč̀ątām, I. v^{n}otroč̀ątamī, L. v^{n}otroč̀ątaχ).

§ 6. Будучи знакомы съ указанными важнѣйшими діалектическими различіями, мы можемъ въ дальнѣйшемъ прибѣгнуть къ одному пріему, который существенно упроститъ дѣло описанія и сбережетъ много энергіи и у автора, и у читателя: мы можемъ явленія самыхъ разнообразныхъ діалектовъ сводить въ плоскость средне-кашубской трактовки слабаго ударенія, т. е. на мѣсто всякаго приморскаго слабаго рецессивнаго ударенія подставлять средне-кашубское слабое устойчивое удареніе, а на мѣсто всякаго западно-приморскаго обобщеннаго слабаго устойчиваго ударенія подставлять средне-кашубское восточно-приморское необобщенное слабое устойчивое удареніе. Никакихъ недоразумѣній вслѣдствіе этого произойти не можетъ: чуть возникнетъ какой-нибудь вопросъ о томъ, какъ трактуется слабое удареніе въ томъ или иномъ случаѣ, всегда можно навести справку въ § 4 или въ § 5. Никакого искаженія исторической перспективы это не повлечетъ: средне-кашубская трактовка слабаго ударенія, несомнѣнно, первоначальная, какъ мы въ этомъ убѣдимся въ ч. II. Запомнимъ: въ дальнѣйшемъ передъ нами будутъ не четыре, а только три сѣверно-кашубскихъ ударенія: два сильныхъ, конечное и основное, и только одно слабое, устойчивое.

Существительныя I склоненія.

§ 7. Среди существительныхъ I склоненія надо различать существительныя I склоненія краткостнаго типа и существительныя I склоненія долготнаго типа; существительныя I склоненія твердаго типа и существительныя I склоненія мягкаго типа; существительныя I склоненія съ двух-и-болѣе-сложной основой и существительныя I склоненія съ односложной основой.

Составъ окончаній слѣдующій.

Для существительныхъ I склоненія краткостнаго типа, съ двух-и-болѣе-сложной основой или съ односложной основой — безразлично:

Твор.	Мягк.		Твор.	Мягк.		Твор.	Мягк.
Sg. NV.	a	Pl. NV.	ë i	e	Du. NV.	e	i ë
G.	ë i | e	G.	— | ī		GL.	ū	
D.	e | i ë	D.	ām		DI.	āma | ma	
A.	ą	A.	= N. или G.		A.	= N. или G.	
I.	ą̄	I.	amī | mī				
L.	e | ī	L.	a⁄				

Въ словинскихъ діалектахъ ī изъ Sg. L. въ существительныхъ мягкаго типа распространяется во всѣ формы съ окончаніемъ i ë, причемъ, кстати сказать, на ударенiи эта замѣна никакъ не отражается: при Sg. L. jaḿìcī — Sg. D. jàḿicī вмѣсто jàḿicë, Du. NV. jàḿicī вмѣсто jàḿicë.

Для существительныхъ I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой (вообще мягкаго типа):

Sg. NV.	ā, ī	Pl. NV.	e	Du. NV.	i ë
G.	ē	G.	— | ī	GL.	ū
D.	ī	D.	ām	DI.	āma | ma
A.	ą	A.	= N. или G.	A.	= N. или G.
I.	ą̄	I.	amī | mī		
L.	ī	L.	a⁄		

Обратимъ вниманіе: отличія въ окончаніяхъ отъ существительныхъ краткостнаго типа только въ части формъ Sg., но не въ формахъ Pl. и Du. Вмѣсто указанныхъ окончаній охотно усваиваются окончанія, свойственныя существительнымъ I склоненія долготнаго типа съ односложной основой, см. ниже.

Для существительныхъ I склоненія долготнаго типа съ односложной основой (вообще мягкаго типа):

Sg. NV.	ā, ī	Pl. NV.	ē	Du. NV.	ī
G.	ē	G.	—	GL.	ū
			ī		
D.	ī	D.	ām	DI.	āma
					ma
A.	ą	A.	= N или G.	A.	= N. или G.
I.	ą	I.	amī		
			mī		
L.	ī	L.	aχ		

Обратимъ вниманіе: отличіе въ окончаніяхъ отъ существительныхъ краткостнаго типа также въ Sg. A, Pl. NV. и Du. NV.

Распредѣленіе существительныхъ I склоненія между краткостнымъ и долготнымъ типами слѣдующее.

Существительныя твердаго типа, а изъ существительныхъ мягкаго типа существительныя на -ca < праславянскаго -ća и -za < праславянскаго -ʒa (а также на кашубской почвѣ попавшія въ число существительныхъ мягкаго типа существительныя на -sa и -za < праславянскаго -za), вообще существительныя, *не* восходящія къ прасловянскимъ существительнымъ на -ja -ji или ихъ фонетическіе эквиваленты, — послѣдовательно краткостнаго типа.

Существительныя мягкаго типа, кромѣ существительныхъ на -ca < прасловянскаго -ća и -za < прасловянскаго -ʒa (а также на кашубской почвѣ попавшихъ въ число существительныхъ мягкаго типа существительныхъ на -sa и -za < прасловянскаго -za), вообще существительныя, восходящія къ прасловянскимъ существительнымъ на -ja -ji или ихъ фонетическіе эквиваленты, — одни долготнаго, а другія краткостнаго типа.

Послѣдовательно подъ краткостный типъ подходятъ:

1) Существительныя *masculina*, кромѣ оканчивающагося на -ī sąʒī: mądřèla, śitřèla.

2) Существительныя *pluralia tantum*: śiče, zgřèbe, dròžže, sàńe, gràble (привожу только примѣры съ односложной основой, такъ какъ при двух-и-болѣе-сложной основѣ Pl. у существительныхъ дол-

готнаго типа ничѣмъ не отличается отъ Pl. существительныхъ краткостнаго типа).

Изъ остальныхъ особыхъ замѣчаній требуютъ существительныя съ двух-и-болѣе-сложной основой и существительныя съ односложной основой.

Существительныя съ двух-и-болѣе-сложной основой вообще долготнаго типа: v́eċèr̃ā Ram., špīžărńā, pastūrńā (и другія существительныя на -ńā), g^{u}osp^{u}odĕńī (и другія существительныя на -ĕńī -ińī, въ томъ числѣ громадная категорія названій самки по самцу), bībĪĕjā, famīlĕjā (и другія слова на -ijā -ejā). Впрочемъ, существительныя безъ суфикса съ приставкой вродѣ ńeżèla, nāżèja, по способу словообразованія примыкающія къ существительнымъ твердаго типа вродѣ nāràda, dopĪàta, усваиваютъ свойственныя послѣднимъ особенности кратностнаго типа.

Существительныя съ односложной основой обнаруживаютъ явленіе, которое нельзя назвать иначе, какъ свободнымъ колебаніемъ между долготнымъ и краткостнымъ типами. У словинцевъ, напримѣръ, rolă и ròlă, toń̆ă и tòń̆ă, gĪą̆bă и gĪą̆bă, Īožă и Īòžă и т. д. безъ конца. Громадное число подобныхъ дублетовъ мы найдемъ въ любомъ діалектѣ. Если практика діалектовъ и производитъ нѣкоторую частичную группировку, то эта группировка въ различныхъ діалектахъ совершенно различная. Впрочемъ, существительныя dĕšă, zèńă и еще два-три другихъ во всѣхъ діалектахъ подходятъ опредѣленно подъ краткостный типъ.

Отдѣльно надо упомянуть о существительныхъ, которыя когда-то были прилагательными въ функціи существительныхъ или чувствовались какъ таковыя. Эти существительныя въ части формъ продолжаютъ особенности прилагательныхъ, а въ части формъ усвоили особенности существительныхъ, такъ что чрезвычайно близко напоминаютъ существительныя долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой. Разница лишь въ Pl. NV., гдѣ не -e, а, какъ и следуетъ ожидать для существительныхъ теврдаго типа, -ë -i, и въ Du. NV., гдѣ не -i -ë, а, какъ и слѣдуетъ ожидать для существительныхъ твердаго типа, -e. Сюда существительныя вродѣ Enżèlskā (и вообще названіе странъ на -skā), sĪonòvā, p^{u}ustk^{u}òvā. Сюда же существительныя вродѣ fërštènā, baróńinā или vaĪċènā, v^{u}oŕlènā (и вообще названія женщины по муж-

чинѣ, самки по самцу на -inā -ënā); эти существительныя, по происхожденію подражаніе нѣмецкимъ существительнымъ на -in, когда-то, несомнѣнно, чувствовались какъ притяжательныя прилагательныя съ суффиксомъ -in- -ën- въ функціи существительныхъ.

Въ словинскихъ діалектахъ существительныя I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основной перешли подъ краткостный типъ. Здѣсь vẹ̑cẹ̀ř̆ă, šp̑ĭžằrńă, g^{u}osp^{u}odẹ̀ńă, vaĬcẹ̀ńă (вмѣсто vaĬcĭńă подъ вліяніемъ vaĬcẹ̀nă, см. ниже), bĭblẹ̑jă, а также Enʒ̀elskă, p^{u}ustk^{u}ò̀vă, fẹ̈rštẹ̀nă, vaĬcẹ̀nă. Сохраняется только g^{u}osp^{u}odẹ̀ńī, да и то рядомъ и въ смѣшеніи съ g^{u}osp^{u}odẹ̀ńă. Существительныя I склоненія долготнаго типа съ односложной основой — безъ измѣненій.

§ 8. Существительныя I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой.

Сильное и слабое ударенія. По тому, въ какихъ формахъ имѣется сильное удареніе и въ какихъ слабое, существительныя I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой можно разбить на двѣ группы: группу А и группу Б.

Въ существительныхъ группы А сильное удареніе свойственно Sg. I. (-ą̄), L. мягкаго типа (-ī), Pl. G. (— и -ī), D. (-ām), I. (-amī и -mī), L. (-aχ), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. NV. (-a), G. (-ë -i и -e), D. (-e и -i -ë), A. (-ą), L. твердаго типа (-e), Pl. NV. (-ë -i и -e), Du. NV. (-e и -i -ë); что касается Du. DI. (-āma и -ma), то этой формѣ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ — слабое.

Примѣры:

	Тверд.	Мягк.
Sg. NV.	jàg^{u}oda	jàńica
G.	jàg^{u}odë	jàńice
D.	jàg^{u}oʒe	jàńicë
A.	jàg^{u}odą	jàńicą
I.	jag^{u}ò̀dą̄	jańìcą̄
L.	jàg^{u}oʒe	jańìcī

	Тверд.	Мягк.
Pl. NV.	jàg^{n}odë	jàḿice
G.	jag^{n}ò̀d	jaḿìc
D.	jag^{n}òdām	jaḿìcām
A.	= N.	= N.
I.	jag^{n}òdamī	jaḿìcamī
L.	jag^{n}òdaχ	jaḿìcaχ
Du. NV.	jàg^{n}oze	jàḿicë
DL.	jag^{n}òdū	jaḿìcū
DI.	jag^{n}òdāma	jaḿìcāma
	‖ jàg^{n}odāma	‖ jàḿicāma
A.	= N.	= N.

Въ существительныхъ группы Б сильное удареніе свойственно Sg. NV. (-a), G. (-ë -i и -e), D. (-e и -i -ë), I. (-ą̄), L. (-e и -ī), Pl. G. (— и -ī), D. (-ām), I. (-amī и -mī), L. (-aχ), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. A. (-ą), Pl. NV. (-ë -i и -e), Du. NV. (-e и -i -ë); что касается Du. DI. (-āma и -ma), то этой формѣ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ діалектахъ — слабое.

Примѣры:

	Тверд.	Мягк.
Sg. NV.	rob^{n}òta	ńezèla
G.	rob^{n}òtë	ńezèle
D.	rob^{n}òce	ńezèlë
A.	ròb^{n}otą	ńèzelą
I.	rob^{n}òtą̄	ńezèlą̄
L.	rob^{n}òce	ńezèlī
Pl. NV.	ròb^{n}otë	ńèzele
G.	rob^{n}òt	ńezèl
D.	rob^{n}òtām	ńezèlām
A.	= N.	= N
I.	rob^{n}òtamī	ńezèlamī
L.	rob^{n}òtaχ	ńezèlaχ

	Тверд.	Мягк.
Du. NV.	ròbⁿoce	ńèželë
GL.	robⁿòtū	ńežèlū
DI.	robⁿòtāma	ńežèlāmą
	|| ròbⁿotāma	|| ńèželāma
A.	= N.	= N.

Обратимъ вниманіе: отличія въ удареніи отъ существительныхъ группы А только въ части формъ Sg. (именно NV., G., D. и L. твердаго типа), но не въ формахъ Pl. и Du.

Распредѣленіе существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой между группами А и Б слѣдующее.

Принадлежность къ группѣ А — явленіе обычное.

Въ составъ группы Б входятъ:

1) Существительныя, гдѣ еще въ древности въ послѣднемъ слогѣ основы выпало ъ ь. Сюда:

Существительныя на -ka (-ъka, -ьka): dokĪ̀adka, sąsàdka, žesą̀tka.

Существительныя на -ca (-ьćа) masculini, въ склоненіи смѣшивающіяся съ существительными II склоненія на -c (< ьćь): dorà̀dca, pozȅrca.

Надо замѣтить, что существительныя на -ka уменьшительныя и отмужскія (не иныя) охотно переходятъ изъ группы Б въ группу А, если въ дѣло вмѣшивается аналогія.

Уменьшительныя съ осложненіемъ суфикса -k- (-ūšk-, -ečk-) охотно приспособляются по ударенію къ уменьшительнымъ безъ осложненія суфикса -k-: какъ sąsà̀dka, такъ и sąsà̀dūška, sąsà̀dečka. Уменьшительныя безъ осложненія суфикса -k- въ свою очередь охотно приспособляются по ударенію къ неуменьшительнымъ: какъ jà̀gⁿoda, такъ и jà̀gⁿōdka. Въ послѣднемъ случаѣ приспособленіе по ударенію еще не выросло до закона общаго значенія, и въ результатѣ ударѐніе уменьшительныхъ безъ осложненій суфикса -k- представляетъ картину хоть и прозрачную, но чрезвычайно пеструю. Дублетовъ множество.

Отмужскія съ суфиксомъ -k- охотно приспособляются по ударенію къ существительнымъ, отъ которыхъ произведены: какъ bⁿò̀gāč, такъ

и bⁿògāčka, какъ rèbāk, такъ и rèbāčka, какъ bèdnāŕ такъ и bèdnārka, какъ kⁿòvāl, такъ и kⁿòvālka, какъ pŕ̈jācēl, такъ и pŕ̈jàcelka, какъ Bⁿorò́vān, такъ и Bⁿorò́vānka, какъ prò́rok, такъ и prò́ročka. Приспособленіе это нельзя назвать вполнѣ послѣдовательнымъ. Любопытно, что переходъ изъ группы Б въ группу А происходитъ подчасъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда производства отъ существительныхъ masculini на самомъ дѣлѣ нѣтъ, но говорящими чувствуется близость къ отмужскимъ. Таковы существительныя на -ānka, означающія кушанье: groχⁿò́vānka и нѣкоторыя другія.

2) Нѣкоторыя другія существительныя, а именно:

Существительныя на -ota и -oba: robⁿòta, χromⁿòta, gl̃ëχⁿòta, χⁿorò̀ba, vą̄trò̀ba. Впрочемъ, во всѣхъ діалектахъ sẽrota; здѣсь -ot- врядъ ли можетъ ощущаться какъ суфиксъ тождественный съ -ot- въ другихъ случаяхъ.

Очень многія существительныя безъ суфикса съ приставкой: nārà̀da, doplà̀ta, vⁿūcèχa, ńeʒèla, nāʒèja. Часть — меньшая — существительныхъ точно такъ же образованныхъ входитъ однако въ группу А. Тутъ замѣтно не малое колебаніе. Если взять труды, касающіеся однихъ и тѣхъ же словинскихъ діалектовъ — Lor. G., Lor. WB., Rudn., то получатся картины во многомъ отличныя одна отъ другой. Можно, однако, подмѣтить одну вещь: входя въ группу Б, существительныя безъ суфикса съ приставкой имѣютъ слогъ приставки (если только онъ не заключаетъ e или o изъ праславянскихъ e или o) долгій, а входя въ группу А, эти существительныя, если не всегда, то обычно имѣютъ слогъ приставки краткій: nārà̀da при nà̀rada, vⁿūcèχa при vⁿùceχa и т. п. безъ конца. О значеніи этого обстоятельства намъ въ своемъ мѣстѣ представится случай поговорить.

Отдѣльныя существительныя съ рѣдкимъ суфиксомъ или безъ суфикса, какъ gⁿuscò̀ra, kⁿomⁿò̀ra kⁿomⁿò̀tra, macèχa, smatà̀na, sąsà̀da, jesò̀ra, l̃obⁿò̀da, также нѣкоторыя masc., какъ kašẽba, въ склоненіи смѣшивающіяся съ существительными II склоненія.

Сюда же тѣ самыя существительныя masculini, восходящія къ праславянскимъ существительнымъ на -ja -ji или ихъ фонетическіе эквиваленты, которыя, какъ мы знаемъ, подходятъ не подъ долготный, а

подъ краткостный типъ: mą̄dřèla, śitřèla. Въ склоненіи смѣшеніе съ существительными II склоненія.

Что касается существительныхъ plur. tantum, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ja -ji или ихъ фонетическіе эквиваленты, то о нихъ нельзя сказать, принадлежатъ ли они къ группѣ А, или они принадлежатъ къ группѣ Б, точно также какъ о нихъ нельзя сказать, подходятъ ли они подъ краткостный типъ, или они подходятъ подъ долготный типъ, — по той простой причинѣ, что въ Pl. (какъ и въ Du.) существительныя I склоненія краткостнаго типа обѣихъ группъ и долготнаго типа, если они имѣютъ двух-и-болѣе-сложную основу, ни въ ударенiи, ни въ окончаніяхъ ничѣмъ не различаются.

Въ словинскихъ діалектахъ группа Б пополняется тѣми существительными, которыя здѣсь особенности долготнаго типа замѣняютъ особенностями краткостнаго типа (см. § 7). Причина этого перехода ясна: это — полнѣйшее сходство въ ударенiи между существительными долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой (см. ниже) и существительными краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы Б. Сходство въ ударенiи повлекло и сходство въ окончаніяхъ. Въ тѣхъ же словинскихъ діалектахъ въ группу Б начинаютъ — но только начинаютъ — проникать и существительныя на -iса -ёса. У Lor. изъ такихъ существительныхъ указаны: balèca, ceřlèca, k^{n}ostřèca, laṕìca, lasёca, macёca, medlèca, palёca, redlёca, vílèca, v^{n}ulёca, а затѣмъ цѣлая категорія названій самки по самцу, женщины по мужчинѣ: valčёca, v^{n}ořlèca (у Rudn. еще нѣкоторые случаи). Причина проникновенія существительныхъ на -iса -ёса въ группу Б ясна. Переходъ существительныхъ долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой въ группу Б существительныхъ краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой собралъ въ рамкахъ этой группы Б всѣ существительныя мягкаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой, кромѣ существительныхъ на -ca < прасловянск. -ća и -za < прасловянск. -ź̨a (да еще на -sa и -za < прасловянск. -za). Pluralia tantum мягкаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой можно относить къ группѣ Б съ такимъ же правомъ, какъ и къ группѣ А, — они положенія дѣлъ не мѣняютъ. Немудрено, что по образцу рѣшающаго большинства существи-

тельныхъ мягкаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой начинаетъ ударяться и меньшинство. Сходство въ окончаніяхъ влечетъ и сходство въ удареніи.

Если въ словинскихъ діалектахъ группа Б разрастается и притомъ въ двухъ направленіяхъ, то въ другихъ сѣверно-кашубскихъ діалектахъ она, наоборотъ, убываетъ: существительныя изъ группы Б переходятъ въ группу А, и чѣмъ дальше на востокъ и югъ, тѣмъ больше. Собственно уже въ восточной группѣ словинскихъ діалектовъ замѣтно кое-что въ этомъ направленіи (Lor. G., WB., T.). У быляковъ отъ группы Б только слабые остатки, да притомъ у нихъ произошло еще обобщеніе сильнаго ударенія въ этихъ остаткахъ (Br. S., T.). Въ средне-кашубскихъ діалектахъ группа Б исчезла совершенно (Cen., Kam.). Убываніе группы Б за предѣлами словинскихъ діалектовъ удивляться не слѣдуетъ: группа Б, безъ тѣхъ пополненій, какія она получила въ словинскихъ діалектахъ, по сравненію съ группой А слаба.

Кромѣ группъ А и Б для существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой можно указать еще одну группу вторичнаго происхожденія. Ядро этой группы составляютъ существительныя, гдѣ въ сравнительно недавнее время въ послѣднемъ слогѣ основы выпало і ё. Въ силу этого выпаденія то, что̀ было удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы, стало удареніемъ на послѣднемъ слогѣ основы, и такъ получилось сильное ударѐніе во всѣхъ безъ исключенія формахъ. Сюда существительныя на -ovíca > -ovca: jaĩòvíca > jaĩòvca, -avíca > -avca: nogàvíca > nogàvca, -ovína > -ovna: χřebtòvína > χřebtòvna, -ovízna > -ovzna: dąbⁿovízna > dąbⁿòvzna. Можно наблюдать отдѣльные случаи перехода въ данную группу существительныхъ группы Б. Сюда упомянутое выше обобщеніе сильнаго ударенія въ остаткахъ группы Б у быляковъ и кое-что въ другихъ діалектахъ. Съ другой стороны, можно наблюдать и отдѣльные случаи перехода существительныхъ данной группы въ группу Б (и далѣе въ группу А).

Сильное конечное и сильное основное ударенія. Только сильное основное ударѐніе.

§ 9. Существительныя I склоненія краткостнаго типа съ односложной основой.

Сильное и слабое удареніе. Существительныя I склоненія краткостнаго типа съ односложной основой въ отношеніи чередованія сильнаго и слабаго ударенія совершенно сходствуютъ съ существительными I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы A. Сильное удареніе свойственно Sg. I (-ą̄), L. мягкаго типа (-ī), Pl. G. (— и -ī), D. (-ām), I. (-amī и -mī), L. (-aχ), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. NV. (-a), G. (-ë -i и -e), D. (-e и -i -ë), A. (-ą), L. твердаго типа (-e), Pl. NV. (-ë -i и -e), Du. NV. (-e и -i и -ë); что касается Du. DI. (-āma и -ma), то этой формѣ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ діалектахъ — слабое.

Примѣры:

	Тверд.	Мягк.
Sg. NV.	nòga —	tòńa —
G.	nòʒi, dò-noʒi	tòńe, dò-tońe
D.	nòze, pⁿò-noze	tòńi, pⁿò-tońi
A.	nògą, nà-nogą	tòńą, nà-tońą
I.	nogą̀, za-nògą̄	toń̀ą̄, za-tòńą̄
L.	nòze, nà-noze	*toń̀ī, na-tòńī
Pl. NV.	nòʒi —	tòńe —
G.	nŏg, do-nŏg	tŏń, do-tŏń
D.	nogàm, pⁿo-nògām	toń̀am, pⁿo-tòńām
A.	= N.	= N
I.	nogamī, za-nògamī	toń̀amī, za-tòńamī
L.	nogàχ, na-nògaχ	toń̀aχ, na-tòńaχ
Du. NV.	nòze —	tòńi —
GL.	nogⁿū̆, do-nògⁿū	toń̀ū̆, do-tòńū
DI.	nogàma, pⁿo-nògāma	toń̀ama, pⁿo-tòńāma
	|| nògāma, pⁿò-nogāma	tòńāma, pⁿò-tońāma
A.	= N	= N

	Тверд.	Мягк.
Sg. NV.	trą̀ba —	prȁca —
G.	trą̀bë, dò-trą̀bë	prȁce, dò-prācе
D.	trą̀be, pⁿò-trą̀be	prȁcë, pⁿò-prācë
A.	trą̀bą, nà-trą̀bą	prȁcą, nà-prācą
I.	trą̀bā, za-trą̀bā	prȁcā, za-prȁcā
L.	trą̀be, nà-trą̀be	prȁcī, na-prȁcī
Pl. NV.	trą̀bë —	prȁce —
G.	trą̀b, do-trą̀b	prȁc, do-prȁc
D.	trą̀bām, pⁿo-trą̀bām	prȁcām, pⁿo-prȁcam
A.	= N.	= N.
I.	trą̀bamī, za-trą̀bamī	prȁcamī, za-prȁcamī
L.	trą̀baχ, na-trą̀baχ	prȁcaχ, na-prȁcaχ
Du. NV.	trą̀be —	prȁcë —
GL.	trą̀bⁿū, do-trą̀bⁿū	prȁcū, do-prȁcū
DI.	trą̀bāma, pⁿo-trą̀bāma	prȁcāma, pⁿo-prȁcāma
	|| trą̀bāma, pⁿò-trą̀bāma	prȁcāma, pⁿò-prācāma
A.	= N.	= N.

Сильное конечное и сильное основное удареніе. Въ существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ односложной основой сильное удареніе въ однихъ случаяхъ — конечное, а въ другихъ — основное.

Сильное удареніе — конечное, если основа составляетъ краткій слогъ и если притомъ существительное выступаетъ внѣ сложенія съ предлогомъ, см. выше какъ примѣры nòga и tòńa внѣ сложенія съ предлогомъ. Сильное удареніе — основное, если основа составляетъ долгій слогъ или если существительное выступаетъ въ сложеніи съ предлогомъ, см. выше какъ примѣры trą̀ba и prȁca, а также nòga и tòńa въ сложеніи съ предлогомъ. О роли сложенія съ предлогомъ ср. Lor. G. 223. Въ виду того, что въ существительныхъ I склоненія краткостнаго типа, какъ съ двух-и-болѣе-сложной основой, такъ и съ односложной основой, очень частое явленіе составляетъ количественное чередованіе въ послѣднемъ или единственномъ слогѣ основы, причемъ въ формахъ съ сильнымъ удареніемъ этотъ слогъ кратокъ, а въ формахъ со слабымъ

удареніемъ этотъ слогъ дологъ (объ особенностяхъ Pl. G. съ нулевымъ окончаніемъ не упоминаю), — къ оцѣнкѣ количества слога основы надо подходить осторожно: надо смотрѣть не на формы со слабымъ удареніемъ, вродѣ Sg. NV., а на формы съ сильнымъ удареніемъ, вродѣ Sg. I. Хоть bàrna, gvàzda, χvàĺa, kràsa, g^{n}òra, но bărną̑, gvăzdą̑, χvăĺą̑, krăsą̑, g^{n}ŏrą̑.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда существительныя изъ числа разсматриваемыхъ относятся къ словообразовательной категоріи, гдѣ большинство словъ имѣютъ двух-и-болѣе-сложную основу, — они по аналогіи охотно усваиваютъ сильное основное удареніе вмѣсто ожидаемаго сильнаго конечнаго. Какъ rò3ënë, D. ro3ènām, такъ и χřcènë, D. χřcènām вмѣсто χřcënām; какъ jàmina, Sg. I. jamìną̑, такъ и střěna, Sg. I. střěną̑ вмѣсто střéną̑; какъ rob^{n}òta, Sg. I. rob^{n}òtą̑, такъ и cnòta, Sg. I. cnòtą̑ вмѣсто cnotą̑. Точно также въ тѣхъ случаяхъ, когда существительныя изъ числа разсматриваемыхъ относятся къ словообразовательной категоріи, гдѣ большинство словъ имѣетъ долгій слогъ основы,— они по аналогіи охотно усваиваютъ сильное основное удареніе вмѣсто ожидаемаго сильнаго конечнаго. Какъ krò̀vka, Sg. I. krò̀vką̑, bàbka, Sg. I. bàbką̑, drò̀zka, Sg. I. drò̀zką̑, такъ и mèška, Sg. I. mèšką̑ вмѣсто mëšką̑.

То обстоятельство, что внѣ сложенія съ предлогомъ удареніе одно, а въ сложеніи съ предлогомъ — другое, представляетъ чрезвычайно благодарную почву для возникновенія измѣненій аналогическаго характера въ томъ или другомъ направленіи. Бываетъ такъ, что удареніе, установившееся внѣ сложенія съ предлогомъ, устанавливается и въ сложеніи съ предлогомъ; какъ nogą̑, такъ и za-nogą̑. Но еще чаще бываетъ такъ, что удареніе, установившееся въ сложеніи съ предлогомъ, устанавливается и внѣ сложенія съ предлогомъ: какъ za-nògą̑, такъ и nògą̑. У словинцевъ колебанія зашли еще недалеко. Но вотъ у быляковъ отношенія затемнены уже до неузнаваемости. Въ восточной группѣ былякскихъ діалектовъ и въ средне-кашубскихъ діалектахъ сильное основное удареніе уже полностью обобщено за счетъ сильнаго конечнаго (Br. S., T., Cen., Ram.). Интересно, что отдѣльныя формы по отношенію къ явленіямъ замѣны сильнаго конечнаго ударенія сильнымъ основнымъ

имѣютъ отдѣльныя судьбы, надо думать, въ зависимости отъ того, насколько часто онѣ выступаютъ въ сложеніи съ предлогомъ. Прочнѣе всего сильное конечное удареніе держится въ Sg. I. (ą) и въ Pl. G. на -ī. Менѣе всего прочно сильное конечное удареніе держится въ Sg. L. мягкаго типа (-ī): въ этой формѣ сильное конечное удареніе мнѣ неизвѣстно ни въ одномъ изъ діалектовъ, и потому форма tońî въ приведенномъ выше примѣрѣ выставлена какъ реконструкція.

§ 10. Существительныя I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой.

Сильное и слабое удареніе. Сильное удареніе свойственно Sg. NV. (-ā и -ī), G. (-ē), D. (-ī), I. (-ą̄), L. (-ī), Pl. G. (—и-ī), D. (-ām), I. (-amī и -mī), L. (-a᷄), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. A. (-ą), Pl. NV. (-e), Du. NV. (-i -ë); что касается Du. DI. (-āma и ma), то этой формѣ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ діалектахъ (если реконструировать долготный типъ) — слабое.

Примѣръ:

Sg. NV. vécèřā	Pl. NV. vècеře	Du. NV. vècеřë
G. večèřē	G. večèřī	GL. večèřū
D. večèřī	D. vecèřām	DI. večèřāma
		|| vècеřāma
A. vècеřą	A. = N.	A. = N.
I. večèřą̄	I. vecèřamī	
L. večèřī	L. vecèřa᷄	

Обратимъ вниманіе: удареніе совсѣмъ такое, какъ въ существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы Б. Если усваиваются окончанія, свойственныя существительнымъ I склоненія долготнаго типа съ односложной основой, то усваивается и свойственное послѣднимъ сильное удареніе во всѣхъ безъ исключенія формахъ, ср. ниже.

Сильное конечное и сильное основное удареніе. Только сильное основное удареніе.

§ 11. Существительныя I склоненія долготнаго типа съ односложной основой.

Сильное и слабое удареніе. Во всѣхъ безъ исключенія формахъ только сильное удареніе.

Примѣры:

Sg. NV.	tońȁ	Pl. NV.	tońȅ	Du. NV.	tońȉ
G.	tońȅ	G.	tońȉ	GL.	tońȕ
D.	tońȉ	D.	tońȁm	DI.	tońȁma
A.	tońą̏	A.	= N.	A.	= N.
I.	tońą̏	I.	tońamȉ		
L.	tońȉ	L.	tońȁχ		

Сильное конечное и сильное основное удареніе. Вообще сильное конечное удареніе, совершенно независимо отъ количества слога основы и отъ отношенія къ сложенію съ предлогомъ: одинаково tońȁ и gl̃ą̏bȁ. Сильное основное удареніе въ очень немногихъ случаяхъ: у словинцевъ v^{u}ȍlā (рядомъ съ Sg. I. v^{u}olą̏, которое можетъ происходить либо отъ v^{u}olȁ, либо отъ v^{u}ȍlȁ — у быляковъ v^{u}ȍlȁ), ḿèzā (рядомъ Pl. I. ḿezmȉ, которое можетъ происходить либо отъ ḿezȁ, либо отъ ḿèzȁ — у быляковъ ḿèzȁ), zȍr̆ā (у быляковъ zȍr̆ȁ), а у быляковъ prȁcā Br. S. 31 (у словинцевъ prȁcȁ). Форма brȁcā Lor., Br. S. 31, употребляющаяся въ функціи Pl. NV. отъ brȁt, должна, конечно, разсматриваться особо: тутъ дѣйствіе ассоціаціи съ такими формами Pl. NV. II склоненія, какъ kāzȁńā, pìcā (си. ниже). Только въ діалектѣ Oxhöfter Kȁmpe мнѣ извѣстно болѣе широкое распространеніе образованій типа v^{u}ȍlā, ср. Br. S. 84.

Существительныя II склоненія.

§ 12. Среди существительныхъ II склоненія надо различать существительныя II склоненія краткостнаго типа и существительныя II склоненія долготнаго типа, существительныя II склоненія твердаго типа и существительныя II склоненія мягкаго типа, существительныя II скло-

ненія съ двух-и-болѣе-сложной основой и существительныя II склоненія съ односложной основой. Противоположность твердаго и мягкаго типовъ не такъ отчетлива, какъ у существительныхъ I склоненія, такъ какъ существительныя II склоненія мягкаго типа охотно усваиваютъ окончанія существительныхъ II склоненія твердаго типа.

Составъ окончаній слѣдующій.

Для существительныхъ II склоненія краткостнаго типа, съ двух-и-болѣе-сложной основой или съ односложной основой — безразлично:

	Тв.	Мягк.		Тв.	Мягк.		Тв.	Мягк.
Sg. N. Msc.	—		Pl. NV. Msc. 1	i ë		Du. NV. Msc.	a	
				é i	e			
			2	ové	eve			
NVA. Ntr.	o	e	NVA. Ntr.	a		NVA. Ntr.	e	i ë
G.	a		G.	—		GL.	ū	
	u ë			ōv	ī			
D. 1	u ë		D.	ōm	īm	DI.	oma	ema
2	ovi	evi		ām				ima ėma
							ma	
							āma	
AMsc.	= N. или G.		AMsc.	= N. или G.		AMsc.	= N. или G.	
I.	ą		I.	ī				
				mī				
				amī				
L. 1	e		L.	eχ	iχ ėχ			
	u ë			aχ				
2	ū							
VMsc.	e							
	u ë							

Есть образованія Sg. N., уклоняющіяся отъ обычнаго типа. Это — образованія вродѣ kàmë (Sg. C. kàmeńa), вродѣ rèmą (Sg. G. rèmeńa) и вродѣ cèlą (Sg. G. cèléca). Если не какъ окончанія, то какъ эквиваленты окончаній здѣсь надо разсматривать -ë, -ą, -ą, ср. примерск. Sg. L. na-v^{u}òtroc|ą > nà-v^{u}otroč|ą.

Въ словинскихъ діалектахъ -ū изъ Sg. L. 2 распространяется во всѣ формы съ окончаніемъ -u -ë, причемъ, кстати сказать, на ударе-ніи эта замѣна никакъ не отражается: при Sg. L. 2 čĺovȅkⁿū — Sg. G. dò⸗ⁿodū вмѣсто dò⸗ⁿodë, D. 1 čĺòvekⁿū вмѣсто čĺòvekⁿu, L. 1 vⁿògńíščū вм. vⁿògńíščë (такъ, напримѣръ, у быляковъ), V. zĺòʒejū вмѣсто zĺòʒeju, также D. 2 čĺòvekⁿovū, čĺòvekⁿovⁿū, čĺòvekⁿomⁿū вмѣсто čĺòvekⁿovu, čĺòvekⁿovⁿu, čĺòvekⁿomⁿu, замѣнившихъ čĺòvekⁿovi. Въ этой обстановкѣ во всемъ, кромѣ ударенія, сливаются Sg. L. 1 на -u -ë и Sg. L. 2 на -ū. Замѣтимъ, что Sg. L. 1 на -u -ë явленіе крайне рѣдкое, извѣстное только въ существительныхъ на -išče -ëščе и на -ą̄tkⁿo, да и то наряду съ Sg. L. 2 на ū.

Du. Ntr. встрѣчается очень рѣдко.

Для существительныхъ II склоненія долготнаго типа, съ двух-и-болѣе-сложной основой или съ односложной основой — безразлично:

Sg. NVA.	ē	Pl. NVA.	ā
G.	ā	G.	—
			ī
D.	ū	D.	ām
I.	īm	I.	mī
			amī
L.	ū	L.	aχ

(Du. нѣтъ).

Эти окончанія часто замѣняются соотвѣтствующими окончаніями прилагательныхъ.

Распредѣленіе существительныхъ II склоненія между краткостнымъ и долготнымъ типами слѣдующее: подъ долготный типъ подходятъ только существительныя neutrius, восходящія къ праславянскимъ существительнымъ на -ьje: kāzàńē, vesèlē, pìcē; подъ краткостный типъ — всѣ остальныя.

§ 13. Существительныя II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой.

Сильное и слабое удареніе. По тому, въ какихъ формахъ имѣется сильное удареніе и въ какихъ слабое, существительныя II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой можно разбить на двѣ группы: группу А и группу Б.

Въ существительныхъ группы А сильное удареніе свойственно Sg. L. 2 (-ū), Pl. G. (—, -ōv и -ī), D. (-ōm, -īm и -ām), I. (-ī, -mī и -amī), L. (-e᷄, -i᷄ -ë᷄ и -a᷄), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. N. Msc. (—), NVA. Ntr. (-o и -e), G. (-a и -u -ë), D. 1 (-u -ë), I. (-ą), L. 1 (-e и -u -ė), V. Msc. (-e и -u -ë), Pl. NV. Msc. 1 (-i -ë, -ė -i и -e), Du. NV. Msc. (-a), NVA. Ntr. (-e и -i -ė), а также образованіямъ типа v^{u}òtroča̧; что касается Sg. D. 2 (-ovi и -evi), Pl. NV. Msc. 2 (-ove и -eve) и Du. DI. (-oma, -ema, -ima -ëma, -ma и -āma), то этимъ формамъ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ — слабое; что касается Pl. NVA. Ntr. (-a), то въ однихъ діалектахъ, напр., въ былякскомъ діалектѣ Heisternest'a, этой формѣ свойственно то сильное, то слабое удареніе, въ другихъ, напр., словинскихъ, — обобщенное сильное удареніе, въ третьихъ, напр., средне-кашубскихъ, — обобщенное слабое удареніе. По поводу Pl. NVA. Ntr. въ былякскомъ діалектѣ Heisternest'a надо добавить, что сильное удареніе этой формѣ свойственно здѣсь въ тѣхъ случаяхъ, когда налицо односложный, ярко осознаваемый, суфиксъ: reḿòna, celą̀ta, ńeb̀òsa, v^{u}ogńìšča, strašẽdl̀a, а слабое удареніе — въ тѣхъ случаяхъ, когда этого нѣтъ: jèzora, k^{u}òlana, k^{u}òpëta, k^{u}òrëta, ř̀ešota. Какъ на исключительное явленіе, надо указать на слабое удареніе въ Pl. G. типа cèlą̀t, v^{u}otròčą̀t и типа Sk^{u}unòvic (Pl. G. послѣдняго типа — окаменѣлыя). Вслѣдъ за cèlą̀t, v^{u}otròčą̀t у словинцевъ также cèlą̀tk, v^{u}otròčą̀tk.

Примѣръ:

Sg. N. Msc. są̀sād	Pl. NV. Msc. 1 są̀seʒe
	2 są̀sàdove
	|| są̀sadove

NVA. Ntr.	ř̀èšoto	NVA. Ntr.	reḿòna & ř̀èšota
G.	są̑sada	G.	są̑sàdōv
D. 1	są̑sadë	D.	są̑sàdōm
2	są̑sàdoví		
	|| są̑sadoví		
A. Msc.	= G.	A. Msc.	= G.
I.	są̑sadą	I.	są̑sàdī
L. 1	są̑seʒe	L.	są̑sèʒeχ
2	zĪoʒèjū		
V. Msc.	są̑seʒe		

Du. NV. Msc. są̑sada
NVA. Ntr. řèšece
GL. są̑sàdū
DI. są̑sàdoma
\|\| są̑sadoma
A. Msc. = G.

Въ существительныхъ группы Б всѣмъ безъ исключенія формамъ свойственно сильное удареніе.

Примѣръ:

Sg. N. Msc.	ċĪovèčk	Pl. NV. Msc. 1	ċĪovèčći
		2	ċĪovèčkuové
NVA. Ntr.	kuorètkuo	NVA. Ntr.	kuorètka
G.	čĪovèčka	G.	ċĪovèčkuōv
D. 1	ċĪovèčkuu	D.	ċĪovèčkām
2	ċĪovèčkuoví		
A. Msc.	= G.	A. Msc.	= G.
I.	čĪovèčką	I.	čĪovèčkamī
L. (2)	čĪovèčkuū	L.	čĪovèčkaχ
V.	ċlovèčkuu		

Du. NV. Msc. ċĪovèčka
NVA. Ntr. —

GL. čĪovèčkᵘū
DI. čĪovèčkāma
A. Msc. = G.

Распредѣленіе существительныхъ II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой между группами А и Б слѣдующее.

Принадлежность къ группѣ А — явленіе обычное.

Въ составъ группы Б входятъ существительныя, гдѣ еще въ древности въ послѣднемъ слогѣ основы выпало ъ, ь. Сюда:

Существительныя на -k (< -ъkъ, ьkъ): dobětk, majątk, jazěčk и на -kᵘo (< ъko, -ьko): kᵘopětkᵘo.

Существительныя на -c (< ьśь): kārvînc.

Существительныя на -stvᵘo (< ьstvo): bᵘogàctvᵘo.

Надо замѣтить, что существительныя на -k, -ko уменьшительныя (не иныя) охотно переходятъ изъ группы Б въ группу А, если въ дѣло вмѣшивается аналогія. Уменьшительныя съ осложненіемъ суфикса -k (-ūšk-, -īšk-, -āšk-, -ečk-) охотно приспособляются по ударенію къ уменьшительнымъ безъ осложненія суфикса -k-: какъ topᵘòrk, такъ и topᵘòrūšk, какъ celątkᵘo, такъ и celątūškᵘo, celątečkᵘo. Уменьшительныя безъ осложненія суфикса -k- въ свою очередь охотно приспособляются по ударенію къ неуменьшительнымъ: какъ čĪòvek, такъ и čĪòvèčk при čĪovèčk, какъ cèlą, такъ и cèlątkᵘo при celątkᵘo. Въ послѣднемъ случаѣ приспособленія по ударенію еще не выросло до закона общаго значенія, и въ результатѣ удареніе уменьшительныхъ безъ осложненія суфикса -k- представляетъ картину, хоть и прозрачную, но чрезвычайно пеструю. Дублетовъ множество. Въ нѣкоторыхъ діалектахъ приспособленіе по ударенію въ послѣднемъ случаѣ почти не начиналось.

Въ средне-кашубскихъ (а спорадически и въ приморскихъ) діалектахъ существительныя на -stvᵘo тоже переходятъ изъ группы Б въ группу А, приспособляясь по ударенію къ существительнымъ, отъ которыхъ произведены (кашубъ производитъ существительныя на -stvᵘo по преимуществу отъ существительныхъ): какъ rèbāk, такъ и rèbactvᵘo, какъ bᵘògāč, такъ и bᵘògactvᵘo.

Къ группѣ Б примыкаетъ и рядъ случаевъ вторичнаго происхожде-

нія. Это существительныя, гдѣ въ сравнительно недавнее время въ послѣднемъ слогѣ основы выпало і ё. Въ силу этого выпаденія то, что̀ было удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы, стало удареніемъ на послѣднемъ слогѣ основы, и такъ получилось сильное удареніе во всѣхъ безъ исключенія формахъ. Сюда окаменѣлыя формы Pl. G. на -ovîc > ovc; Pavl̂ovîc > Pavl̂ovc и существительныя на -ovîšče > ovšče: dąbⁿovîšče > dąbⁿovšče.

Сильное конечное и сильное основное удареніе. Только сильное основное удареніе.

§ 14. Существительныя II склоненія краткостнаго типа съ односложной основой.

Сильное и слабое удареніе. Существительныя II склоненія краткостнаго типа съ односложной основой въ отношеніи чередованія сильнаго и слабаго удареній близко сходствуютъ съ существительными II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы A. Сильное удареніе свойственно Sg. L. 2 (-ū), Pl. G. (—, -ōv и -ī), D. (-ōm, -īm и -ām), I. (-ī, -mī и -amī), L. (-eχ, -iχ -ëχ и -aχ), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. N. Msc. (—), NVA. Ntr. (-o и -e), G. (-a и -u -ë), D. 1 (-u -ë), I. (-ą), L. 1 (-e и -u -ë), V. Msc. (-e и -u -ë), Pl. NV. Msc. 1 (-i -ë, -ë -i и -e), Du. NV. Msc. (-a), NVA. Ntr. (-e и -i -è), а также образованіемъ типа kàmë, типа rèḿą nà-reḿą и типа cèlą nà-celą; что касается Sg. D. 2 (-ovi и -evi), Pl. NV. Msc. 2 (-ovе и evе) и Du. DI. (-oma, -ema, -ima -ėma, -ma и āma), то этимъ формамъ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ — слабое; что касается Pl. NVA. Ntr. (-a), то этой формѣ во всѣхъ діалектахъ свойственно слабое удареніе.

Примѣры:

Sg. N. Msc.	vⁿõl̂	bl̀k —
NVA. Ntr.	ʒàl̂o, nà-ʒal̂o	gnȃzdo, nà-gnȃzdo
G.	vⁿòl̂a, dò-vⁿol̂a	bl̀ka, dò-bīka

D. 1	v^{u}ò$\breve{l}$ë, p^{u}ò-v^{u}o$\breve{l}$ë	bȉk^{u}u, p^{u}ò-bīk^{u}u
2	v^{u}o$\breve{l}$òv́i, p^{u}o-v^{u}ò$\breve{l}$ov́i	bȉk^{u}ov́i, p^{u}o-bȉk^{u}ov̌i
	|| v^{u}ò$\breve{l}$ov́i, p^{u}ò-v^{u}o$\breve{l}$ov́i	|| bȉk^{u}ov́i, p^{u}ò-bīk^{u}ov́i
A. Msc.	= G.	= G.
I.	v^{u}ò$\breve{l}$ą, zà-v^{u}o$\breve{l}$ą	bȉką, zà-bīką
L. 1	v^{u}òle, nà-v^{u}ole	bȉce, nà-bīce
2	zv́eřů, na-zv́èřū	krȍlū, na-krȍlū
V. Msc.	v^{u}òle —	bȉče —
Pl. NV. Msc. 1	v^{u}òlë —	bȉcë —
2	v^{u}o$\breve{l}$òv́e —	bȉk^{u}ov́e —
	|| v^{u}ò$\breve{l}$ov́e —	|| bȉk^{u}ov́e —
NVA. Ntr.	ʒà$\breve{l}$a, nà-ʒa$\breve{l}$a	gńàzda, nà-gńāzda
G.	v^{u}o$\breve{l}$ȍv, do-v^{u}ò$\breve{l}$ōv	bȉk^{u}ōv, do-bȉk^{u}ōv
D.	v^{u}o$\breve{l}$ȍm, p^{u}o-v^{u}ò$\breve{l}$ōm	bȉk^{u}ōm, p^{u}o-bȉk^{u}ōm
A. Msc.	= G.	= G.
I.	v^{u}o$\breve{l}$ȉ, za-v^{u}ò$\breve{l}$ī	bȉćī, za-bȉćī
L.	v^{u}olèχ, na-v^{u}òleχ	bȉceχ, na-bȉceχ
Du. NV. Msc.	v^{u}ò$\breve{l}$a —	bȉka —
NVA. Ntr.	ʒèle, nà-ʒele	gńèzʒe, nà-gńēzʒe
GL.	v^{u}o$\breve{l}$ů, do-v^{u}ò$\breve{l}$ū	bȉk^{u}ū, do-bȉk^{u}ū
DI.	v^{u}o$\breve{l}$òma, p^{u}o-v^{u}ò$\breve{l}$oma	bȉk^{u}oma, p^{u}o-bȉk^{u}oma
	|| v^{u}ò$\breve{l}$oma, p^{u}ò-v^{u}o$\breve{l}$oma	|| bȉk^{u}oma, p^{u}ò-bīk^{u}oma
A. Msc.	= G.	= G.

Сильное конечное и сильное основное ударенія.—Въ существительныхъ II склоненія краткостнаго типа съ односложной основой сильное ударение въ однихъ случаяхъ—конечное, а въ другихъ—основное.

Сильное удареніе—конечное, если основа составляетъ краткій слогъ и если притомъ существительное выступаетъ внѣ сложенія съ предлогомъ, см. выше какъ примѣръ v^{u}ȍȉ внѣ сложенія съ предлогомъ. Сильное удареніе—основное, если основа составляетъ долгій слогъ или если существительное выступаетъ въ сложеніи съ предлогомъ, см. выше какъ примѣры bȉk, а также v^{u}ȍȉ въ сложеніи съ предлогомъ. О роли сложенія съ предлогомъ ср. Lor. G. 223. Въ виду того, что въ суще-

ствительныхъ II склоненія краткостного типа съ односложной основой (въ противоположность существительнымъ II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой) количественное чередование въ слогѣ основы неизвѣстно (особенностей Sg. N. Msc. съ нулевымъ окончаніемъ и Pl. G. съ нулевымъ окончаніемъ въ расчетъ не беру), — оцѣнка количества слога основы дается легко.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда существительныя изъ числа разсматриваемыхъ относятся къ словообразовательной категоріи, гдѣ большинство словъ имѣютъ двух-и-болѣе-сложную основу, — они по аналогіи охотно усваиваютъ сильное основное удареніе вм. ожидаемаго сильнаго конечнаго: какъ doχ^{u}òdōv, р oχ^{u}òdōv, такъ и vχ^{u}òdōv вм. vχ^{u}odòv и даже χ^{u}òdōv вм. χ^{u}odòv; какъ b^{u}ogàčōv такъ и gràčōv вм. gračòv; какъ bednàřōv, такъ и Ĭgàřōv вм. Ĭgařòv. Точно такъ же въ тѣхъ случаяхъ, когда существительныя изъ числа разсматриваемыхъ относятся къ словообразовательной категоріи, гдѣ большинство словъ имѣетъ долгій слогъ основы, — они по аналогіи охотно усваиваютъ сильное основное удареніе вм. ожидаемаго сильнаго конечнаго. Какъ bą̀čk^{u}ōv, zą̀bk^{u}ōv, такъ и gĭòsk^{u}ōv вм. gĭosk^{u}òv; какъ ską̀pckōv, dą̀bcōv, такъ и χĭòpcōv вм. χĭopcòv.

О взаимномъ вліяніи между формами внѣ сложенія съ предлогомъ и формами въ сложеніи съ предлогомъ надо сказать то же самое, что̀ было сказано по отношенію къ существительнымъ I склоненія краткостнаго типа съ односложной основой.

§ 15. Существительныя II склоненія долготнаго типа.

Сильное и слабое удареніе. — Во всѣхъ безъ исключенія формахъ только сильное удареніе.

Примѣры:

Sg. NVA.	kāzàńē	ṕìcē, na-ṕìcē
G.	kāzàńā	ṕìcā, do-ṕìcā
D.	kāzàńū	ṕìcū, p^{u}o-ṕìcū
I.	kāzàńīm	ṕìcīm, za-ṕìcīm
L.	kazāńū	ṕìcū, na-ṕìcū

Pl. MVA.	kāzàńā	pìcā, na-pìcā
G.	kāzàń	pìc, do-pìc
D.	kāzàńām	pìcām, pᵘo-pìcām
I.	kāzàńamī,	pìcamī, za-pìcamī
L.	kāzàńaχ	pìcaχ, na-pìcaχ

Сильное конечное и сильное основное удареніе.—Только сильное основное удареніе, совершенно независимо отъ числа слоговъ основы.

Существительныя III склоненія.

§ 16. Среди существительныхъ III склоненія надо различать существительныя III склоненія съ двух-и-болѣе-сложной основой и существительныя III склоненія съ односложной основой.

Составъ окончаній для существительныхъ III склоненія, съ двух-и-болѣе-сложной основой или съ односложной основой — безразлично, слѣдующій:

Sg. NVA.	—	Pl. PV.	e	Du. NV.	i ë
G.	e	G.	— ī	GL.	ū
D.	i ë	D.	ām	DI.	āma ma
		A.	=N. или G.	A.	=N. или G.
I.	ą	I.	amī mī		
L.	ī	L.	aχ		

Обратимъ вниманіе: за исключеніемъ Sg. NVA., окончанія совершенно тѣ же, что̀ въ существительныхъ I склоненіи краткостнаго мягкаго типа.

Есть образованія Sg. NVA., уклоняющіяся отъ обычнаго типа. Это образованіе вродѣ cẽrći (Sg. G. cẽrkv́e). Если не какъ окончаніе, то какъ эквивалентъ окончанія надо разсматривать -i -ë.

Въ словинскихъ діалектахъ -ī изъ Sg. L. распространяется во всѣ формы съ окончаніемъ -i -ë (кромѣ Sg. NVA. вродѣ cẽrći), причемъ, кстати сказать, на удареніи эта замѣна никакъ не отражается: при Sg. L. čelẽscī—Sg. D. čèlëscī вм. čèlëscë, Du. NV. čèlëscī вм. čèlëscë.

§ 17. Существительныя III склоненія съ двух-и-болѣе-сложной основой.

Сильное и слабое удареніе.—Сильное удареніе свойственно Sg. I. (-ą̄), L. (-ì), Pl. G. (—и -ī), D. (-ām), I. (-amī и -mī) L. (-aχ), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. NVA. (—), G. (-e), D. (-i -ë), Pl. NV. (-e), Du. NV. (-i -ë); что касается Du. DI. (-āma и -ma), то этой формѣ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ—слабое.

Примѣръ:

Sg. NVA.	čèlësc	Pl. NV.	čèlëscë	Du. NV.	čèlëscë
G.	čèlësce	G.	čelȅscī	GL.	čelȅscū
D.	čèlëscë	D.	čelȅscām	DI.	čelȅscāma
					|| čèlëscāma
		A.	=N.	A.	=N.
I.	čelȅscą̄	I.	čelȅscamī		—
L.	čelȅscī	L.	čelȅscaχ		—

Сильное конечное и сильное основное удареніе.—Только сильное основное удареніе.

§ 18. Существительныя III склоненія съ односложной основой.

Сильное и слабое удареніе.—Существительныя III склоненія съ односложной основной въ отношеніи чередованія сильнаго и слабаго удареній совершенно сходствуютъ съ существительными III склоненія съ двух-и-болѣе-сложной основой. Сильное удареніе свойственно Sg. I. (-ą̄), L. (-ī), Pl. G. (—и -ī), D. (-ām), I. (-amī и -mī), L. (-aχ), Du. GL. (-ū); слабое удареніе свойственно Sg. NVA. (—), G. (-e), D. (-i -ë), Pl. NV. (-e), Du. NV. (-i -ë), а также образованіямъ типа cȅrćі, nà -cērćі; что касается Du. DI. (-āma и -ma), то этой формѣ въ большинствѣ діалектовъ свойственно сильное удареніе, но въ словинскихъ—слабое.

Примѣры:

Sg. NVA.	nòc,	nà-noc	dràb,	nà-drāb
G.	nòce,	dò-nоce	dràbe,	dò-drābe
D.	nòcë,	p^{n}ò-nocë	dràbi,	p^{n}ò-drābi
I.	nocą̀,	za-nòcą̀	dràbą̀,	za-dràbą̀
L.	*nocì,	v^{n}ob-nòcī	dràbī,	na-dràbī
Pl. NV.	nòce,	—	dràbe	—
G.	nocì,	do-nòcī	dràbī	do-dràbī
D.	nocàm,	p^{n}o-nòcām	dràbām	p^{n}o-dràbām
A.	= N.		= N.	
I.	nocamì,	za-nòcamī	dràbamī,	za-dràbamī
L.	nocàχ,	v^{n}ob-nòcaχ	dràbaχ,	na-dràbaχ
Du. NV.	nòcë	—	dràbī	—
GL.	nocù,	do-nòcū	dràbū,	do-dràbū
DI.	nocàma,	p^{n}o-nòcāma	dràbāma	p^{n}o-dràbāma
	‖ nòcāma,	p^{n}ò-nocāma	‖ dràbāma,	p^{n}ò-drābāma
A.	= N.		= N.	

Сильное конечное и сильное основное удареніе.—Въ существительныхъ III склоненія съ односложной основой сильное удареніе въ однихъ случаяхъ—конечное, а въ другихъ—основное.

Сильное удареніе—конечное, если основа составляетъ краткій слогъ и если притомъ существительное выступаетъ внѣ сложенія съ предлогомъ, см. выше какъ примѣръ nòc внѣ сложенія съ предлогомъ. Сильное удареніе—основное, если основа составляетъ долгій слогъ или если существительное выступаетъ въ сложеніи съ предлогомъ, см. выше какъ примѣры dràb, а также nòc въ сложеніи съ предлогомъ. О роли сложенія съ предлогомъ ср. Lor. G. 223. Въ виду того, что въ существительныхъ III склоненія извѣстно количественное чередованіе въ послѣднемъ или единственномъ слогѣ основы, причемъ въ формахъ съ сильнымъ удареніемъ этотъ слогъ кратокъ, а въ формахъ со слабымъ удареніемъ этотъ слогъ дологъ (особенностей Sg. NVA. съ нулевымъ окончаніемъ и Pl. G. съ нулевымъ окончаніемъ въ расчетъ не беру),—къ оцѣнкѣ количества слога основы надо подходить осторожно: надо смо-

трѣть не на формы со слабымъ удареніемъ, вродѣ Sg. G., а на формы съ сильнымъ удареніемъ, вродѣ Sg. I. Хоть drȁb̀e, gȁ̆rce, но drȁb̀ą̄ (рядомъ съ drȁb̀ā), gȁ̆rcą̄ (рядомъ съ gȁ̆rcą̄).

О взаимномъ вліяніи между формами внѣ сложенія съ предлогомъ и формами въ сложеніи съ предлогомъ надо сказать то же самое, что̀ было сказано по отношенію къ существительнымъ I склоненія краткостнаго типа съ односложной основой.

Прилагательныя.

§ 19. Въ кашубской рѣчи противоположность между такъ называемымъ именнымъ и такъ называемымъ мѣстоименнымъ склоненіемъ прилагательныхъ находится на самой грани исчезновенія. Отъ такъ называемаго именного склоненія прилагательныхъ — послѣдніе остатки: Sg. NV. Msc. прилагательныхъ притяжательныхъ на -īn и -ōv (рядомъ съ -inī -ënī и -ovī) да еще нѣсколько отдѣльныхъ формъ Sg. NV. Msc., вродѣ zdrȍv, žȉv Lor. G. 205. Объ этихъ остаткахъ такъ называемаго именного склоненія прилагательныхъ особенно распространяться не будемъ. Скажемъ лишь, что формы на -īn и -ōv по ударенію приспособлены къ формамъ на -inī -ënī и -ovī, а остальныя формы въ отношеніи ударенія не обнаруживаютъ ничего, къ чему не была бы приложима мѣрка существительныхъ. Все вниманіе мы сосредоточимъ на такъ называемомъ мѣстоименномъ склоненіи прилагательныхъ.

Составъ окончаній слѣдующій:

Sg. Msc.-Ntr. NV. Msc.	ī	Sg. Fm. NV.	ā
NVA. Ntr.	ē		
G.	ēγⁿo	G.	ę̄
D.	ę̄mⁿu	D.	ī
A. Msc.	= N. или G.	A.	ą̄
I.	īm	I.	ą̄
L.	īm	L.	ī
Pl. MV. Msc.	ī	Du. Msc. NV.	ā

NV. Cmm.	ē	NV. Cmm.	ē
GL.	iχ ёχ	GL.	iχ ёχ
D.	īm	DI.	ima ёma
A.	= N. или G.	A.	= N. или G.
I.	imī ёmī		

Въ словинскихъ діалектахъ на почвѣ замѣны -ēγ^{u}o (подъ вліяніемъ существительныхъ) черезъ -ēγa — стяженное -ā и контаминированное -ēγā. Въ тѣхъ же діалектахъ -ēm^{u}ū вм. -ēm^{u}u, какъ -ū вм. -u -ё въ существительныхъ.

§ 20. *Сильное и слабое ударенія.* — Удареніе во всѣхъ формахъ одинаковое и притомъ сильное. Слабое удареніе только въ прилагательныхъ притяжательныхъ, поскольку они приспособляются по ударенію къ существительнымъ, отъ которыхъ произведены: rèbàk^{u}ovī — ср. rèbāk, Pl. G. rёbàk^{u}ōv; sąsàdčёnī — ср. sąsàdka . . .

Примѣры:

Sg. Msc.-Ntr. NV. Msc.	novì	stàrī
NVA. Ntr.	novè	stàrē
G.	novèγ^{u}o	stàrēγ^{u}o
D.	novèm^{u}u	stàrēm^{u}u
A. Msc.	= N. или G.	= N. или G.
I.	novìm	stàrīm
L.	novìm	stàrīm
Sg. Fm. NV.	novà	stàrā
G.	novè	stàrę
D.	novì	stàrī
A.	novą	stàrą
I.	novą	stàrą
L.	novì	stàrī
Pl. NV. Msc.	nóvì	stàřī
NV. Cmm.	novè	stàrē
GL.	novèχ	stàrёχ
D.	novìm	stàrīm
A.	= N. или G.	= N. или G

I.	novèmī	stàrëmī
Du. NV. Msc.	novà	stàrā
MV. Cmm.	novè	stàrē
GL.	novèχ	stàrëχ
DI.	novèma	stàrëma
A.	= N. или G.	= N. или G.

Сильное конечное и сильное основное удареніе. — Въ прилагательныхъ сильное удареніе въ однихъ случаяхъ конечное, а въ другихъ — основное.

Опредѣляя зависимости, надо прежде всего сказать, что, если послѣдній или единственный слогъ основы дологъ, то сильное удареніе—основное. Явленіе это проводится чрезвычайно послѣдовательно. О роли долготы послѣдняго или единственнаго слога основы краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, между прочимъ, дублеты вродѣ словинскихъ grëznȉ — grȉznī, mrȍznȉ — mrȍznȉ, ną̑znȉ — ną̑znī, pⁿosp̑ěšnȉ — pⁿosp̑ěšnī, sḿěšnī — sḿèšnī, sȍlnȉ — sȍlnī, stř̌ěbř̌nȉ — stř̌èbř̌nī, tą̑žnȉ — tą̑žnī, zëmnȉ — zȉmnā (Lor. Wb.) или пары близкихъ образованій вродѣ словинскихъ bⁿȍžnȉ — zbⁿȍžnī, pⁿoχⁿȍdnȉ — doχⁿȍdnī, kr̥ą̑tnȉ — vⁿokr̥ą̑tnī (Lor. Wb.).

Если послѣдній или единственный слогъ основы кратокъ, то сильное удареніе въ однихъ случаяхъ — конечное, а въ другихъ — основное: конечное *по преимуществу* въ тѣхъ случаяхъ, когда это единственный слогъ основы, а основное *по преимуществу* въ тѣхъ случаяхъ, когда это послѣдній изъ двухъ или болѣе слоговъ основы. Прилагательныя съ составляющимъ слогъ суфиксомъ всегда имѣютъ сильное основное удареніе. Таковы прилагательныя на -ovī -evī, -avī, -ivī -ëvī, -lëvī, -atī, -itī -ëtī, -inćī, -uš́ćī -ëš́ćī, -uχnī -éχnī, -aĪī, -ıĪī- èĪī, -onī.

То, что̀ заставляетъ говорить «по преимуществу», а не «всегда», слѣдующее.

1) Прилагательныя съ однимъ и тѣмъ же суфиксомъ склонны принимать одинаковое удареніе независимо отъ числа слоговъ основы, — если, конечно, на пути не становятся количественныя особенности послѣдняго или единственнаго слога.

По образцу многочисленныхъ прилагательныхъ на -nī и -sćī съ односложной основой сильное конечное удареніе появляется часто и въ прилагательныхъ на -nī и -sćī съ двух-и-болѣе-сложной основой: какъ grëznī, mrõznī, nąznī, такъ и čelądnī, pamątnī, tajëmnī; какъ χlõpćī, mⁿõřćī, такъ и přějacělsćī, jezěřćī. Прилагательныя на -ovnī -evnī и на -anī сѣвернокашубъ относитъ къ числу прилагательныхъ на -nī : cëdõvnī, žëtõvnī, zlõcānī, glëńānī, maslānī. Прилагательныя, образовавшныя отъ сочетаній существительныхъ съ предлогами, аналогическаго сильнаго конечнаго ударенія не принимаютъ: přīdròžnī, bezχlèbnī, bezplàtnī, borõčnī, pⁿodvⁿòdnī, zāvⁿùšnī, pⁿodzèmnī, zāmⁿõřcī, pⁿomⁿõřcī. Тутъ, очевидно, дѣйствіе ассоціаціи съ представленіемъ сильнаго основнаго ударенія въ сочетаніяхъ существительныхъ съ предлогами. Какъ прилагательныя, образованныя отъ сочетаній существительныхъ съ предлогами, такъ и вообще прилагательныя, образованныя отъ сочетаній двухъ словъ: dobrodĕšnī, jënoglõsnī, vélgⁿomⁿõcnī, dlūgⁿorąčnī. Этого нельзя сказать о прилагательныхъ, образованныхъ просто отъ существительныхъ, хотя бы съ приставкой: dostąpnī, pⁿoχⁿõdnī, pⁿomⁿõcnī, pⁿostãvnī.

Наоборотъ, по образцу прилагательныхъ сравнительной степени на -šī съ двух-и-болѣе-сложной основой сильное основное удареніе появляется и въ прилагательныхъ сравнительной степени на -šī съ односложной основой: какъ smešńèšī, pⁿostavńèšī, такъ и žàltkšī, pèršī.

2) Прилагательныя съ односложной основой сплошь и рядомъ имѣютъ сильное основное удареніе вмѣсто ожидаемаго сильнаго конечнаго. Размахъ колебаній немалый. Такъ, у словинцевъ, напримѣръ, nõcnī — nòcnī, rõčnī — ròčnī, tĕčnī — téčnī, vⁿūšnī — vⁿùšnī, vĕtřnī — vètřnī, žëtnī — žétnī, lëccī — lécćī, mëšī — mésī, strëšī — strĕšī, vⁿõřlī — vⁿòřlī, sëvī — sévī. (Lor. Wb.). Часто сильное основное удареніе вмѣсто ожидаемаго сильнаго конечнаго утверждается прочнѣе. Такъ, у словинцевъ безъ колебаній bⁿòsī, cèrlī, čéstī, dòbrī, gⁿòlī, χtòrī, kàždī, krąglī, lèvī, lésī, mèdlī, mⁿòkrī, plòšī, pràvī, sëtī, svàtlī, vèlzī, vⁿòblī, vⁿòstrī, zdròvī (Lor. Wb.). Впрочемъ, ожидаемое сильное конечное удареніе держится все-таки хорошо. Такъ, у словинцевъ, кромѣ чрезвычайно многочисленныхъ прилагательныхъ на -nī,

-scī и притяжательныхъ на -ī, blădī, bⁿurī, căĪī, cëśī, cëzī, čą̈stī, čvärdi, drëʒ́ī, drą̈ʒ́ī, drözʹī, ʒëvī, gą̈stī, glĪëśī, gńiĪī, grëbī, χⁿörī, χrömī, χⁿúdī, jăcī, ką̈śī, kreśī, křëvī, lëbī, lëśī, Ĭą̈ʒ́ī, mĪödī, mnöʒ́ī, mⁿödrī. nă̈ʒ́ī, növī, ńëmī, pröstī, pⁿüstī, rą̈ʒ́ī, rëʒ́ī, rëχlī, sëśī, sërī, skⁿórī, sĪăbī, slëpī, sĪönī, spⁿörī, srözʹī, strëśī, svą̈tī, šadī, šarī, šcérī, šcödrī, tăcī, tą̈ʒ́ī, tą̈pī, zĪötī, ževī. (Lor. G. 201). Какъ у словинцевъ, такъ приблизительно и въ другихъ діалектахъ. Только въ діалектѣ Oxhöfter Кампе мнѣ извѣстно болѣе широкое распространеніе сильнаго основнаго ударенія вмѣсто ожидаемаго сильнаго конечнаго, ср. Br. S. 84.

Отношеніе къ сложенію съ приприлагательной приставкой (pře-, přez-, pⁿöl-), приприлагательнымъ отрицаніемъ и предлогомъ на мѣсто ударенія вообще не вліяетъ. Только вотъ развѣ tăcī, jăcī — ńijàcī.

Совершенно особнякомъ надо поставить сильное конечное удареніе въ прилагательныхъ въ функціи существительныхъ на -ovā -evā, означающихъ мужчину по женщинѣ, самку по самцу: Barnövà, zajcëvà. Ср. рядомъ vⁿolövī, zajcèvī.

§ 21. Кромѣ существительныхъ и прилагательныхъ нормальныхъ типовъ, кашубскій языкъ унаслѣдовалъ изъ праславянскаго языка нѣкоторыя существительныя и прилагательныя разнообразныхъ остаточныхъ типовъ.

Для этихъ существительныхъ и прилагательныхъ ниже даются парадигмы. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ формахъ нѣтъ возможности съ достаточной увѣренностью опредѣлить, гдѣ грань между основой и окончаніемъ, а въ нѣкоторыхъ формахъ, за ихъ малосложностью, нѣтъ возможности съ достаточной увѣренностью квалифицировать ударе-ніе, то парадигмы эти даются безъ обычнаго различенія шрифтовъ. Къ парадигмамъ этимъ надо замѣтить, что въ діалектахъ въ отношеніи ударенія иногда колебанія, напримѣръ, подъ вліяніемъ dò-teγⁿo, pⁿò-temⁿu — и nà-tĪm или, наоборотъ, подъ вліяніемъ na-tĪm — и do-tèγⁿo, pⁿo-tèmⁿu. Можно наблюдать явленія взаимодѣйствія между формами внѣ сложенія съ предлогомъ и формами въ сложеніи съ предлогомъ.

1)	Sg. N.	jā̀ —	té —
	G.	mńè, dò-mńe	cèb̀e, dò-ceb̀e
	D.	mńè, p^{n}ò-mńe	tòb̀e, p^{n}ò-tob̀e
	A.	= G.	= G.
	I.	mnā̀, za-mnā̀	tob̀ā̀, za-tòb̀ā̀
	L.	— nà-mńe	— nà-ceb̀e (nà-tob̀e)
	Pl. N.	mề —	về —
	GL.	nàs, do-nàs	vàs, do-vàs
	D.	nàm, p^{n}o-nàm	vàm, p^{n}o-vàm
	A.	= G.	= G.
	I.	nàmī, za-nàmī	vàmī, za-vàmī
	Du. N. Msc.	mà —	và —
	N. Cmm.	mè —	vé —
	GL.	nàjū, do-nàjū	vàjū, do-vàjū
	DI.	nàma, p^{n}o-nàma	vàma, p^{n}o-vàma
	A.	= G.	= G.

Какъ cèb̀e и т. д., такъ и sèb̀e и т. д.

2)	NA.	cò, nà-co	ńìc, nà-ńic
	G.	čêγ^{n}o, dò-čeγ^{n}o	ńìčeγ^{n}o, ńidòčeγ^{n}o
	D.	čèm^{n}u, p^{n}ò-čem^{n}u	ńìčem^{n}u, ńip^{n}òčem^{n}u
	I.	čĩm, za-čĩm	ńìčĩm, ńizàčīm
	L.	— na-čĩm	— ńinàčīm
	N.	χtò, —	ńìχt —
	G.	k^{n}òγ^{n}o, dò-k^{n}oγ^{n}o	ńìk^{n}oγ^{n}o, ńidòk^{n}oγ^{n}o
	D.	k^{n}òm^{n}u, p^{n}ò-k^{n}om^{n}u	ńìk^{n}om^{n}u, ńip^{n}òk^{n}om^{n}u
	A.	= G.	= G.
	I.	čĩm, za-čĩm	ńìčĩm, ńizàčīm
	L.	— na-čĩm	— ńinàčīm
3)	Sg. Msc.-Ntr.	N. Msc. v^{n}òno —	tèn —
		N. Ntr. v^{n}òno —	tò —
		G. jèγ^{n}o, dò-ńeγ^{n}o	tèγ^{n}o, dò-teγ^{n}o
		D. jèm^{n}u, p^{n}ò-ńem^{n}u	tèm^{n}u, p^{n}ò-tem^{n}u
		A. = G.	= N. или G.
		I. jĩm, za-ńĩm	tĩm, za-tĩm

	L.	— na-ńĭm	— na-tĭm
Sg.	Fm. N.	v^{n}òna —	tà —
	G.	jѐ, dò-ńē	tѐ, dò-tē
	D.	jĭ, p^{n}ò-ńī	tĭ, p^{n}ò-tī
	A.	ją̀, nà-ńą̄	tą, nà-tą
	I.	ją̀, za-ńą̀	tą̄, za-tą̀
	L.	— na-ńĭ	— na-tĭ
Pl.	N. Msc.	v^{n}òńi —	tĭ —
	N. Cmm.	v^{n}ònë —	tѐ —
	GL.	jì⁄, do-ńì⁄	tѐ⁄, do-tѐ⁄
	D.	jĭm, p^{n}o-ńĭm	tĭm, p^{n}o-tĭm
	A.	= G.	= G.
	I.	jìmī, za-ńìmī	tѐmī, za-tѐmī
Du.	N. Msc.	v^{n}òna —	tà —
	N. Cmm.	v^{n}ònë —	tѐ —
	GL.	jì⁄, do-ńì⁄	tѐ⁄, do-tѐ⁄
	DI.	jìma, p^{n}o-ńìma	tѐma, p^{n}o-tѐma
	A.	= G.	= G.

Какъ tèn, такъ и nèn, а въ косвенныхъ падежахъ и všѐden (Sg. G. Msc.-Ntr. všèγ^{n}o и т. д.). Прямыя формы отъ všѐden, а также отъ близкаго къ нему въ этихъ формахъ jѐden (въ косвенныхъ падежахъ слѣдующаго нормальному склоненію прилагательныхъ: Sg. G. Msc. Ntr. jѐnēγ^{n}o и т. д.) таковы:

Sg. Msc. Ntr.	N. Msc.	všѐden —	jѐden —
	NA.	všѐdk^{n}o, nà-všѐdk^{n}o	jѐno, nà-jѐno
	A. Msc.	= N. или G.	= N. или G.
Sg.	Fm. N.	všѐdka —	jѐna —
	A.	všѐdką, nà-všѐdką	jѐną, nà-jѐną
Pl.	N. Msc.	všѐdcë —	jѐńi —
	N. Cmm.	všѐdći —	jѐnë —
	A.	= N. или G.	= N. или G.
Du.	N. Msc.	všѐdka —	jѐna —
	N. Cmm.	všedći —	jѐnë —

	A.	= N. или G.	= N. или G.
4)	Du. N.	dvà —	v"òba —
	N. Fm. Ntr.	dvé —	v"òbe —
	GL.	dv"ȕ(⁄), do-dv"ȕ(⁄)	v"ob"ȕ(⁄), do-v"òb"ȕ(⁄)
	DI.	dvèma, p"o-dvèma	v"obèma, p"o-v"òbema
	A.	= N. или G.	= N. или G.
	Pl. N. Msc.	tři —	štеřî —
	N. Cmn.	třè —	štèře —
	GL.	tiè⁄, do-třè⁄	štеřè⁄, do-štère⁄
	D.	třèm, p"o-třèm	štеřèm, p"o-štèrem
	A.	= N. или G.	= N. или G.
	I.	třèmī, za-třèmi	štеřèmī, za-štèremi

Утеряли склоненіе: pînc nà-pinc, sèsc nà-šesc, sèdem, v"òsem, zèvinc, zèsinc, jenàsce (< jénàdsëce), dvanàsce (< dvanàdsëce)..., dvazèsce (< dvazèsëce)...

Глаголъ.

§ 22. Среди глагольныхъ формъ надо рѣзко различать двѣ группы формъ: формы praesentis-imperativi и формы praeteriti. Изъ формъ imperativi мы здѣсь, изъ основаній, которыя въ своемъ мѣстѣ выяснятся, разсматриваемъ только одну — Sg. 2.

Составъ окончаній слѣдующій.

Для формъ praesentis — imperativi:

		I.	II.	III.	IV
Prs. Sg.	1.	m	ą	ą	-aj|ą
	2.	s, š	cš	īš	āš
	3.	—	c	ī	ā
Pl	1.	më	cmë	īmë	amë
	2.	ce	cce	īce	ace
	3.	ą	ą	ą	-aj|ą
Du. 1. Msc.		ma	ema	īma	āma

Cmm.	mĕ	emĕ	īmę	amę
2 — 3.	ta	eta	īta	āta
Cmm.	tĕ	etę	ītę	atę
Imp. Sg. 2.		—, ī e		āj

Что окончанія надо выдѣлять именно приведеннымъ образомъ, свидѣтельствуютъ приморскіе діалекты, гдѣ, какъ мы знаемъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ основы обычно замѣняется ударе́ніемъ на первомъ слогѣ основы. Prs I zap^{n}òv́ē|s > приморск. zàp^{n}ov́ē|s. Prs. II doǹès|eš = приморск. doǹès|eš. Prs. III zaròb|īš = приморск. zaròb|īš. Prs. IV p^{n}otr̀ìm|āš = приморск. p^{n}otr̀ìm|āš, но p^{n}otr̀ìmaj|ą > приморск. p^{n}òtr̀ìmaj|ą. Imp. I — III zap^{n}òv́ē| —, ńe-doǹes|ĕ, ńe-zàrob|i > приморск. zàp^{n}ov́ē| —, ńè-doǹes|e, ńè-zarob|i. Imp. IV p^{n}òtr̀ém|āj = приморск. p^{n}otr̀ém|āj. Какъ объяснить, почему элементъ -aj- въ Prs. IV сѣверно-кашубъ относитъ въ составъ основы, а элементъ -aj въ Imp. IV — въ составъ окончанія, сказать трудно. Думается, что не безъ значенія то обстоятельство, что -āj въ Imp. IV имѣетъ такой же долгій гласный, какъ -āš, -ā и т. д. въ Prs. IV. Слѣдуетъ подчеркнуть замѣчательное различіе между образованіями вродѣ p^{n}otr̀ém|āj = приморское p^{n}otr̀ém|āj (ср. p^{n}otr̀ím|āš, p^{n}otr̀ím|ā и т. д.), и образованіями вродѣ p^{n}ostàr̀ē| — > приморск. p^{n}òstaŕē| — (ср. p^{n}ostaŕèj|eš, p^{n}ostaŕèj|e и т. д.) и p^{n}odàrūj| — > приморск. p^{n}òdarūj| — (ср. p^{n}odarèj|eš, p^{n}odarèj|e и т. д.). У быляковъ по аналогіи p^{n}otr̀ém̀āj также p^{n}ostàr̀ē и p^{n}odàrūj. У словинцевъ безъ измѣненій p^{n}òstaŕē, а вмѣсто p^{n}òdarūj — p^{n}odàrāj съ -āj.

Вмѣсто -aj|ą и -aj|ą̄ въ Prs. IV часто появляются стяженныя -ą и -ą̄, причемъ, кстати сказать, ударе́ніе остается на своемъ прежнемъ мѣстѣ: средне-кашубск. p^{n}otr̀ímają, приморск. p^{n}òtr̀ímają = средне-кашубск. p^{n}otr̀ímą приморск. p^{n}òtr̀ímą; p^{n}otr̀ímàją̄ = p^{n}otr̀ímą̄.

Для формъ praeteriti:

Sg. Msc	—	Pl. Msc.	e	Du. Msc.	a
Fm.	a	Cmm.	e	Cmm.	e
Ntr.	o				

Что окончанія надо выдѣлять именно приведеннымъ образомъ, относя все предшествующее въ составъ спеціальной основы praeteriti, свидѣтельствуютъ приморскіе діалекты, гдѣ, какъ мы знаемъ, удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы обычно замѣняется удареніемъ на первомъ слогѣ основы: ńe-dòńesl|e > приморск. ńè-dońesl|é, p^{n}ostàŕel|e > приморск. p^{n}òstaŕel|é, p^{n}otònąl|e > приморск. p^{n}òtonąl|é, zaroƀil|e > приморск. zàroƀil|é, p^{n}otr̀imal|e > приморск. p^{n}òtr̀imal|é.

Въ словинскихъ діалектахъ въ Pl. Msc. вмѣсто -e появляется заимствованное изъ склоненія прилагательныхъ -ī, причемъ, кстати сказать, на ударѣніи эта замѣна никакъ не отражается: ńè-dońesl̄, p^{n}òstaŕel̄, p^{n}òtonąl̄, zàroƀil̄, p^{n}òtr̀imal̄.

Вмѣсто -a͡l|a и -ą͡l|a въ Prt. Sg. Fm и Du. Msc. часто появляются стяженныя -a и -ą, причемъ, кстати сказать, удареніе остается на своемъ прежнемъ мѣстѣ: Prt Sg. Fm. средне-кашубск p^{n}ostàŕa͡la приморск. p^{n}òstaŕa͡la, p^{n}otonąl̀a, p^{n}otr̀imà͡la = средне-кашубск. p^{n}ostàŕa приморск. p^{n}òstaŕa, p^{n}otonąl̀, p^{n}otr̀imà; Prt. Du. Msc. средне-кашубск. p^{n}ostàŕa͡la приморск. p^{n}òstaŕa͡la, средне-кашубск. p^{n}otònąl̀a приморск. p^{n}òtonąl̀a, средне-кашубск. p^{n}otr̀imà͡la приморск. p^{n}òtr̀imà͡la = средне-кашубск. p^{n}ostàŕa приморск. p^{n}òstaŕa, средне-кашубск. p^{n}otònąl̀ приморск. p^{n}òtonąl̀, средне-кашубск. p^{n}otr̀ima приморск. p^{n}òtr̀ima.

Вмѣсто -ova͡l̄ || -ova͡l- || -oval- въ Prt. иногда появляется стяженное -a͡l̄ || -a͡l- || -al-, причемъ, кстати сказать, удареніе остается на своемъ прежнемъ мѣстѣ: darò͡avl, darovà͡la, daròva͡lo, daròvale, daròva͡lė, daròva͡la, daròva͡lė = dara͡l̄, dara͡la, dara͡lo, dara͡le, dara͡le, dara͡la, dara͡lė.

Оба случая стяженія могутъ комбинироваться: Prt. Sg. Fm. darovà͡la = darovà = dara͡la = darà; Prt. Du. Msc. daròva͡la = daròva = dara͡la = darà.

§ 23. Praesens — Imperativus.

Сильное и слабое ударенія. — Въ Prs. 1 сильное удареніе свойственно только Pl. 3 (-ą), а слабое удареніе свойственно Sg. 1 (-m), 2 (-s, -š), 3 (—). Pl. 1 (-me), 2 (-ce), Du. 1 Msc. (-ma), Cmm.

(-më), 2—3 Msc. (-ta), Cmm. (-të). Въ Prs. II—IV сильное удареніе свойственно Sg. 2 (-eš, -īš, -āš), 3 (-e, -ī, -ā), Pl. 1 (-emë, -īmë, -āmë), 2 (-ece, -īce, -āce), 3 (-ą), Du. 1 Msc. (-ema, -īma, -āma). Cmm. (-emë, -īmë, -āmë), 2 — 3 Msc. (-eta, -īta, -āta), Cmm. (-etë, -ītë, -ātë). Imp. I—III. Sg. 2 (—, -i, -ë) свойственно слабое удареніе. Imp. IV. Sg. 2 (-āj) свойственно сильное удареніе.

Prs. I съ соотвѣтствующими Imp.

Prs. Sg. 1	mȁm,	ńè-mām	vȅm,	pⁿòvȇm
2	mȁš,	ńè-māš	vȅs,	pⁿòvȇs
3	mȁ,	ńè-mā	vȅ,	pⁿòvȇ
Pl. 1	mȁmë,	ńèsmë	vȅsmë,	pⁿòvȇsmë
2	mȁce,	ńè-māce	vȅsce,	pⁿòvȇsce
3	màją̄,	ńe-màją̄	vȅʒą̄,	pⁿovȅʒą̄
Du. 1 Msc.	mȁma,	ńè-māma	vȅsma,	pⁿòvȇsma
Cmm.	mȁmë,	ńè-māmë	vȅsmë,	pⁿòvȇsmë
2 — 3 Msc.	mȁta,	ńè-māta	vȅsta,	pⁿòvȇsta
Cmm.	mȁtë,	ńè-mātë	vȅstë,	pⁿòvȇstë
Imp. Sg. 2	ḿè,	ńè-ḿē	vȅ,	pⁿòvȇ

Какъ mȁm, такъ и dȁm (но Pl. 3 dàʒą̄, Imp. Sg. 2 dàj) и -stām (но Pl. 3 -stàną̄. Imp. -stańi). Какъ vȅm, такъ и jȅm (но Pl. 3 jèʒą̄, Imp. jȅs) и jȅm (но Pl. 3 są̄, Imp. bą̀ʒë).

Въ словинскихъ діалектахъ, на почвѣ стяженія слоговъ, новообразованы еще три атематическихъ Prs.: -jīš < -jiʒeš, bą̀š < bą̀ʒeš и mą̀š < mⁿòžeš при участіи вліянія со стороны bą̀š. Характерная особенность этихъ трехъ атематическихъ Prs.—сохраненіе ударенія, какое было до стяженія, слѣд., Sg. 1 ròzjīm, dòbą̄m, pⁿòmą̄m, какъ zòzjidą, dòbą̄dą, pⁿòmogą, 2 zozjȉš, dobą̀š, pⁿomą̀š, какъ zozjìʒeš, dobą̀ʒeš, pⁿomⁿòžeš, 3 zozjȉ, dobą̀, pⁿomą̀, какъ rozjìʒe, dobą̀ʒe, pⁿomⁿòže и т. д.

Примѣры для Prs. II—IV съ соотвѣтствующимъ Imp.:

	II.		III.	
Prs. Sg. 1	ńòsą,	dòńosą	ròbą,	zàroḅą
2	ńèseš,	doń̀èšeš	ròbīš,	zaròbīš

	II		III	
3	ńèse,	dońèsē	ròbī,	zaròbī
Pl. 1	ńèsemë,	dońèsemë	ròbīmë,	zaròbīmë
2	ńèsece,	dońèsece	ròbīce,	zaròbīce
3	ńòsą̄,	dońòsą̄	ròbą̄,	zaròbą̄
Du. 1 Msc.	ńèsema,	dońèsema	ròbīma,	zaròbīma
Cmm.	ńèseme,	dońèsemë	ròbīmë,	zaròbīmë
2 — 3 Msc.	ńèseta,	dońèseta	ròbīta,	zaròbīta
Cmm.	ńèsetë,	dońèsetë	ròbītë,	zaròbītë
Imp. Sg. 2	ńèsë.	dòńesë	ròbi,	zàrobi

IV.

Pl. Sg. 1	třìmają,	p"otřìmają
2	třìmāš,	p"otřìmāš
3	třìmā,	p"otřìma
Pl. 1	třìmāmë,	p"otřìmamë
2	třìmāce,	p"otřìmāce
3	třīmàją̄,	p"otřīmàją̄
Du. 1	třìmāma,	p"otřìmāma
Cmm.	třìmāmë,	p"otřìmāmë
2 — 3 Msc.	třìmāta,	p"otřìmāta
Cmm.	třìmātë,	p"otřìmātë
Imp. Sg. 2	třëmàj,	p"otřèmāj

Сильное конечное и сильное основное ударенія. — Вообще говоря, только сильное основное ударепіе. Однако въ Imp. IV Sg. 2 на -aj при односложной основѣ сильное конечное ударепіе (třëmaj), а при двух-и-болѣе-сложной основѣ сильное основное ударепіе (p"otřèmāj). Нелишне замѣтить, что въ Imp. IV Sg. 2 на -āj единственный или послѣдній слогъ основы всегда кратокъ, — какъ и вообще въ Imp.

Сосѣдство образованій типа třëmàj и образованій типа p"otřèmāj легко ведетъ къ появленію образованій типа trèmāj. Чѣмъ дальше на востокъ и югъ, тѣмъ шире распространеніе образованій типа třèmāj. На востокѣ былякской территоріи и на средне-кашубской территоріи образованіе типа třëmàj уже совсѣмъ неизвѣстны.

§ 24. Praeteritum.

Сильное и слабое ударенія. — Сильное удареніе свойственно только Sg. Fm на -a͡l|a, -i͡l|a, -e͡l|a и -a|l|a > праславянск. -ala, всѣмъ же остальнымъ формамъ — Sg. Msc. (—), Fm. на -l|a и -a|l|a < праславянск. -ŀla. Ntr. (-o), Pl. Msc. (-e), Cmm. (-ë), Du. Msc. (-a), Cmm. (-ë) — свойственно слабое удареніе.

Діалектически сильное удареніе, если оно свойственно Sg. Fm., обращается на всѣ другія формы съ составляющимъ слогъ окончаніемъ: tònąl, tonąla, tonąlo, tonąlë и т. д., ròbĭl, robĭla, robĭlë и т. д., trìmal, trīmàla, třīmàlo. trìmale и т д. Ср. большинство записей Bronisch'a.

Въ нѣкоторыхъ діалектахъ и обратное: — tònąl, tònąla, tònąlo. tònąle и т. д., ròbĭl, ròbĭla, róbĭlë и т. д., trìmal. třīmala, trī-malo, třīmalë и т. д. Ср. записи Bronisch'a изъ діалекта Oxhöfter Kampe.

Можно встрѣтить діалектическое смѣшеніе особенностей Sg. Fm. на -a͡l|a < праславянск. -ala и Sg. Fm. на -a͡l|a < праславянск. -ŀla.

Примѣры:

Sg. Msc.	ńòs	dòńos	stàřal
Fm.	ńòsla	dòńosla	stàřala
Ntr.	ńòslo	dòńoslo	stàřalo
Pl. Msc.	ńèslë	dóńeslë	stàřelë
Cmm.	ńòslë	dòńoslë	stàřalë
Du. Msc	ńòsla	dòńosla	stàřala
Cmm.	ńòslë	dòńoslë	stàřalë
Sg. Msc.	tònąl	ròbĭl	třīmal
Fm.	tonąla	robĭla	třīmàla
Ntr.	tònąlo	ròbĭlo	trìmalo
Pl. Msc.	tònąlë	ròbĭlë	třīmalë
Cmm.	tònąlë	ròbĭlë	třīmalë
Du. Msc.	tònąla	ròbila	třīmala
Cmm	tònąlë	ròbĭlë	třīmalë

Сильное конечное и сильное основное удареніе. — Только сильное основное удареніе.

§ 25. Объ удареніи нарѣчій можно сказать слѣдующее.

1) Объ удареніи нарѣчій-неопредѣленныхъ формъ прилагательныхъ:

Въ положительной степени (-e, -o, -ë) этимъ нарѣчіямъ свойственно слабое удареніе: ńèdobr̂e, màl̃ūs̀k"o, vès̀ok (< vès̀ok"o), ńès̀ą̃cë. Впрочемъ діалектически нарѣчія-неопредѣленныя формы отглагольныхъ прилагательныхъ приспособляются по ударенію къ опредѣленнымъ формамъ этихъ отглагольныхъ прилагательныхъ: какъ ńesą̀cī, такъ и ńesą̃cë, ср. Lor. G. 213 и Br. S. 48 (распространеніе явленія у словинцевъ и у быляковъ различное). Вмѣсто -ają̃ce часто появляется стяженное -ą̃ce, причемъ удареніе остается на своемъ прежнемъ мѣстѣ: tr̂ëmàją̃ce = tr̂ëmą̃cë.

Въ сравнительной степени (-ē) этимъ нарѣчіямъ свойственно въ большинствѣ діалектовъ сильное конечное удареніе, совершенно независимо отъ числа слоговъ основы: p"ostavńè, vès̀ē, но въ діалектѣ Oxhöfter Kämpe — сильное основное удареніе, тоже совершенно независимо отъ числа слоговъ основы: p"ostàvńē, vès̀ē, ср. Br. S. 84. Нелишне замѣтить, что въ нарѣчіяхъ сравнительной степени послѣдній или единственный слогъ основы всегда кратокъ.

2) Объ удареніи нарѣчій-неопредѣленныхъ формъ глагола:

Въ образованіяхъ на -c (< -cë?) удареніе слабое: ńe-dòńes|c > приморск. ńè-dońes|c, а въ остальныхъ образованіяхъ — въ образованіяхъ на -ec (< -ecë?), -ąc < -ej|ac (< -ej|acë?), -ąc (< -ą̃cë?), -ic -ëc (< -icë -ëcë?), -ac (-acë?) — удареніе сильное и притомъ основное: p"ostàr̂|ec, p"ostar̂ąc < p"ostar̂èj|ac, p"otòn|ą̃c, zarò̂b|ic, p"otr̂èm|ac.

На почвѣ контаминаціи образованій типа p"ostàr̂ec и образованій типа p"ostar̂ąc < p"ostar̂èjac появляются и образованія типа p"ostàr̂ąc. По образцу колебанія p"ostar̂ąc : p"ostàr̂ąc возникаетъ и колебаніе zar̂ąc : zàr̂ąc. Діалектически возникаетъ подобное же колебаніе во всѣхъ вообще случаяхъ, гдѣ элементу -c предшествуетъ долгій гласный: какъ zar̂ąc : zàr̂ąc, такъ и zarr̂ëc : zàrr̂ëc, nadl̂ic : nàdl̂ic. Обра-

вованія типа zaprȅc, nadȉc мнѣ извѣстны для былякскихъ и среднекашубскихъ діалектовъ.

Вмѣсто -ov'ac иногда появляется стяженное -ac, причемъ удареніе остается на своемъ прежнемъ мѣстѣ: darȍvac = darȁc.

3) Объ удареніи нарѣчій, не примыкающихъ къ системѣ ни прилагательнаго, ни глагола:

Случаи, гдѣ эквивалентомъ окончанія является долгій гласный: vȅera, Ioйȉ, tȍdā (у словинцевъ, въ контаминаціи съ tù, tūdā).

Случаи, гдѣ эквивалентомъ окончанія является краткій гласный: tą̀ (< tàm^{n}o), prȍcem (< prȍcëv^{n}u), jȁk (< jȁk^{n}o), ńijak (< ńijak^{n}o), nȍcą (при именной формѣ Sg. I nocą̀), zȅmą (при именной формѣ Sg. I zëmą̀).

Совершенно особнякомъ надо поставить удареніе въ tam^{n}ȍ при tą̀ (< tàm^{n}o), procm^{n}ù (< pracev^{n}ù) при prȍcem (< prȍcëv^{n}u), jak^{n}ȍ при jȁk (< jȁk^{n}o), ńijȁk^{n}o при ńijak (< ńijak^{n}o).

§ 26. Въ заключеніе объ удареніи въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько словъ объединяются въ одномъ ударномъ цѣломъ. Изъ такихъ случаевъ мы пока имѣли дѣло съ очень немногими: со случаями ударнаго объединенія прилагательныхъ, глаголовъ и нарѣчій съ приприлагательными, приглагольными и принарѣчными приставками и отрицаніемъ да еще со случаями ударнаго объединенія существительныхъ и прилагательныхъ съ предлогами. Эти случаи не исчерпываютъ всего состава случаевъ ударнаго объединенія словъ — есть еще много другихъ

Случаи ударнаго объединенія словъ разбиваются на двѣ большія группы.

Въ одной группѣ случаевъ ударное объединеніе выражается въ томъ, что удареніе падаетъ такъ, какъ если бы передъ нами было искони единое нераздѣльное слово. Есть впрочемъ одна особенность: удареніе никогда не приближается къ началу ударнаго объединенія ближе, какъ на послѣдній слогъ предпослѣдняго компонента, — если этотъ предпослѣдній компонентъ двух-и-болѣе-сложенъ: v^{n}oйȉ-šlé, àle Potèr-są̀ tr̀-maȉ m^{n}ȍcno, p^{n}om^{n}ožȅ-mńe, v^{n}oйȉ-bé roȕlé. Если предпослѣдній компонентъ односложенъ, этого ограниченія нѣтъ. Думается, что это ограниченіе не представляетъ по своему существу никакой загадки. Съ

кашубскимъ v^{u}oñì-šlë вмѣсто ожидаемаго *v^{u}òñì-šle, Ṕotèr-są вмѣсто ожидаемаго *Ṕòter-są, p^{u}om^{u}oẑè-míe вмѣсто ожидаемаго *p^{u}om^{u}òẑe-míe можно сравнить греческое ἄνθρωπός-τις вмѣсто ожидаемаго *ἀνθρώπος-τις, или латинское minimăque вмѣсто ожидаемаго *minimăque. Дѣло въ аналогическомъ выравненіи ударныхъ особенностей ударныхъ объединеній, первоначально очень сложныхъ и запутанныхъ.

Въ другой группѣ случаевъ ударное объединеніе выражается въ томъ, что всѣ слова, кромѣ одного, просто теряютъ самостоятельное удареніе. Въ этихъ случаяхъ удареніе во всѣхъ діалектахъ (и въ приморскихъ, и въ средне-кашубскихъ) можетъ отстоять какъ угодно далеко отъ конца ударнаго объединенія.

Первую группу случаевъ можно назвать группой случаевъ *стараго* ударнаго объединенія, а вторую — группой случаевъ *новаго* ударнаго объединенія.

Ударное объединеніе какъ новаго, такъ и стараго типа вообще говоря неустойчиво — наряду съ ударнымъ объединеніемъ существуетъ и ударное разъединеніе. Неустойчивость ударнаго объединенія въ разныхъ случаяхъ, естественно, разная. Сплошь и рядомъ случается такъ, что на почвѣ исчезновенія ударнаго объединенія стараго типа возникаетъ ударное объединеніе новаго типа. Мы не должны удивляться, если, напримѣръ, тамъ, гдѣ мы привыкли видѣть перенесеніе ударенія на предлогъ (nà-drogą), мы встрѣтимъ удареніе на существительномъ (na-drògą) — это на почвѣ изчезновенія ударнаго объединенія стараго типа возникло ударное объединеніе новаго типа.

§ 27. Перечислю важнѣйшіе случаи ударнаго объединенія стараго типа, кромѣ случаевъ ударнаго объединенія прилагательныхъ, глаголовъ и нарѣчій съ приприлагательными, приглагольными и принарѣчными приставками и существительныхъ и прилагательныхъ съ предлогами, намъ уже извѣстныхъ.

Изъ случаевъ, гдѣ граматически сильнѣе второй изъ двухъ компонентовъ — ударное объединеніе глагола съ предшествующимъ личнымъ существительнымъ въ именительномъ (а иногда и въ какомъ-либо другомъ) падежѣ. Примѣры: jà-roḃą; jà-vẽm, tẽ-vẽs, v^{u}òn-vẽ, mẽ-

vẽsmë, vë-vẽsce; v^{u}n-řek, v^{u}onà-řekĪa, v^{u}onò-řekĪo, v^{u}oñì-řeklë; ten-χĪòp jem^{u}ù-řek Lor. G. 225.

Изъ случаевъ, гдѣ граматически сильнѣе первый изъ двухъ компонентовъ—ударное объединеніе личнаго существеннаго въ винительномъ или косвенномъ падежѣ съ предшествующимъ (любымъ) словомъ. Примѣры: àle pótèr-są třĭmāĪ m^{u}òcno Br. T. 4, tàk tem^{u}u-knāp^{u}ovì-są stàĪ zą̀b lõs Br. T. 10, v^{u}onà-jem^{u}u řūcëĪa p^{u}ovrõ̀zk Br. T. 2, tàk v^{u}onà-γ^{u}o v^{u}otprovaʒëĪa na-drògą ë-řekĪà-m^{u}u Br. T. 5, v^{u}on ńe-p^{u}oznàĪ-jeγ^{u}o Br. T. 2, p^{u}om^{u}ožë-mńe Lor. G. 225, alè-są pëřnā̀ v^{u}òbdāĪ Br. T. 12. Точно такъ же ударное объединеніе нѣкоторыхъ частицъ, напримѣръ bë, съ предшествующимъ (любымъ) словомъ. Примѣръ: dër χzòřĭ, co-v^{u}oñì-bë robĭlë Br. T. 12.

Изъ случаевъ, гдѣ оба компонента граматически приблизительно равносильны: vélgà-vés (геогр. назв.), Robačĭ-Īūg (геогр. назв.) dobrĭ-ʒeй dobrą̀-noc (рядомъ съ dobrònoc, ср. dobrŭ·nɵc у Lor. G. 204).

Своеобразное во многихъ отношеніяхъ явленіе представляютъ случаи вродѣ ten-à-ten Rudn. 94, vk^{u}õĪ-à-vk^{u}õĪ Rudn. 158, tą-à-tą Rudn. 186; по шаблону подобныхъ случаевъ и pinc-à-dvaʒesce и т. п.

Помимо перечисленныхъ случаевъ, есть еще одинъ любопытный случай «ложнаго» ударнаго объединенія стараго типа. Это формы Imp. Pl. и Du. То, что̀ мы представляемъ какъ robĭmë, robĭce, robĭma, robĭmë, robĭta, robĭtë, сѣверно-кашубъ представляетъ какъ robĭ-më, robĭ-ce, robĭ-ma, robĭ-më, robĭ-ta, robĭ-të, т. е. какъ сочетанія нѣкой неизмѣняемой формы Imp. и частицъ më, ce, ma, më, ta, të, — и соотвѣтственно и ударяетъ: robì-më, robì-ce, robì-ma, robì-më, robì-ta, robì-të; ńèsë dòńesë — ńesèce dońesëce и т. д., ròbi zàrobi — robìce zarobìce и т. д., třëmàj p^{u}otřëmāj — třëmàjce p^{u}otřëmàjce и т. д. Для насъ, русскихъ, сѣверно-кашубская трактовка Imp. Pl. и Du. должна быть совершенно понятна; и у насъ те можетъ абстрагироваться отъ глагола и попадать въ положенія, гдѣ его раньше не было (ну-те, на-те, а съ другой стороны, пойдем-те — Pl. 1!), а глаголъ можетъ абстрагироваться отъ те (вали, ребята — Pl. 2!). ce и ta të сѣверно-кашубъ представляетъ приблизительно какъ мы — те, а më и ma

më онъ едва-ли не ассоціируетъ отдаленно съ личными существительными më и ma mé.

§ 28. Случаевъ ударнаго объединенія новаго типа перечислять не буду — это для насъ, поскольку мы держимся историческаго уклона въ изученіи сѣверно-кашубскаго ударенія, совсѣмъ не такъ интересно. Общую картину дастъ прочтеніе любыхъ нѣсколькихъ страницъ изъ текстовъ. Укажу лишь нѣсколько случаевъ, гдѣ новый типъ ударнаго объединенія надо подчеркнуть.

Ударное объединеніе глагола съ vë, прежде наречіемъ, нынѣ прилагательной приставкой. Энклиза глагола. Примѣръ: vëcīgnąˌ, vëcīgńeš, vëcīgńe, vëcīgńemë, vëcīgńece, vëcīgnąˌ, vëcīgńi, vecëgńimë, vëcëgńice, vëcīgnąˌī, vīëgnąˌła, vëcīgnąˌło, vëcīgnąˌlë, vëcīgnąˌlë, vëcīgnąˌc — ср. pⁿòcīgnąˌ, pⁿocìgńeš, pⁿocìgńe, pⁿocìgńece, pⁿocìgnąˌ, pⁿòcegńi, pⁿocegńimë, pⁿocègńice, средне-кашубск. pⁿocìgnąˌī, pⁿocīgnąˌła, pⁿocìgnąˌło, pⁿocìgnąˌlë, pⁿocìgnąˌlë, приморск. pⁿócīgnąˌī, pⁿocīnąˌła, pⁿòcīgnąˌło, pⁿòcīgnąˌlë, pⁿòcīgnąˌlë, pⁿocìgnąˌc. Въ различныхъ діалектахъ въ разной мѣрѣ развился процессъ подчиненія ударныхъ особенностей объединеній съ vë ударнымъ особенностямъ объединеній съ другими приглагольными приставками. Кое-что въ этомъ направленіи въ словинскихъ діалектахъ, ср. Lor. G. 214 — 215. Во многихъ діалектахъ процессъ этотъ уже закончень, ср. Br. S. и T., Cep., Kam. Съ сѣверно-кашубской энклизой глагола по отношенію къ vë можно сопоставить русскую энклизу глагола по отношенію къ вы. Ни тутъ, ни тамъ, разумѣется, ничего праславянскаго.

Ударное объединеніе прилагательнаго или наречія сравнительной степени съ nā, прежде наречіемъ, нынѣ приприлагательной или приналѣчной приставкой. Энклиза прилагательнаго или наречія сравнительной степени. Примѣръ: nàpⁿostavńešī, nàpⁿostavńē — ср. pⁿostavńèšī, pⁿostavńè. Съ сѣверно-кашубскимъ явленіемъ можно сопоставить аналогичное явленіе въ нѣкоторыхъ сербскихъ діалектахъ. Ни тутъ, ни тамъ, разумѣется, ничего праславянскаго.

ńèvčerā, ńèĪońī, ńèvitro — ср. včerà, Iońī, vitro (ńè- заимствовано изъ нижненѣмецкаго nēn niem, ср. полабское nencèrα, nènjèntrα въ объясненіи Kalin'ы).

Дополненіе.

§ 29. Сѣверно-кашубъ не всегда придерживается описаннаго выше ударенія — въ его распоряженіи есть еще *допустимое* удареніе на первомъ слогѣ слова, какъ у южно-кашуба, и *допустимое* удареніе на предпослѣднемъ слогѣ слова, какъ у поляка.

На допустимое удареніе на первомъ слогѣ слова мы находили прямыя указанія у Lorenz'a, и въ справедливости этихъ указаній насъ убѣждаютъ тексты. На допустимое удареніе на предпослѣднемъ слогѣ снова мы прямыхъ указаній нигдѣ не находимъ, но въ существованіи этого допустимаго ударенія насъ убѣждаютъ тексты.

Объ обоихъ допустимыхъ сѣверно-кашубскихъ удареніяхъ мы говоримъ только для того, что бы наше описаніе не страдало неполнотой. Въ кругъ изслѣдованія въ ч. II мы этихъ допустимыхъ сѣверно-кашубскихъ удареній вовлекать не будемъ. Замѣтимъ только, что было бы слишкомъ неосторожно думать, что эти два допустимыхъ сѣверно-кашубскихъ ударенія являются результатомъ заимствованія одно изъ южно-кашубской, а другое изъ польской рѣчи. Дѣло можетъ обстоять гораздо глубже.

§ 30. «Можно подмѣтить тенденцію переносить удареніе на первый слогъ, особенно въ склоненіи, рѣже въ спряженіи. Что-либо опредѣленное на этотъ счетъ сказать нельзя, такъ какъ ударенныя такимъ образомъ формы выступаютъ лишь спорадически и обычно производятъ впечатлѣніе ошибки, а часто какъ таковая и чувствуются» (Lor. G. 171).

Въ текстахъ, особенно у Rudnick'aго, мы встрѣчаемъ сотни примѣровъ этого явленія, причемъ оказывается, что, вопреки утвержденія Lorenz'a, спряженію это явленіе свойственно ничуть не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ склоненію. Нѣкоторые примѣры изъ Rudnick'aго: ńèsp^{u}ozanką̄ 206, p^{u}òvarzī 121, sèląg^{u}ōv 204, kràdńšaχ 201, v^{u}òstřēńē zèvčą 74, (v^{u}ostřēńē въ другомъ мѣстѣ на той же страницѣ), k^{u}òštūje 151, trèserūją̄ 168, p^{u}òdarāĪ 120, dŕèpejec 110, 196.

Указанное допустимое удареніе на первомъ слогѣ слова охотно сопровождается побочнымъ удареніемъ на третьемъ (а иногда, быть можетъ, на четвертомъ) отъ начала слогѣ слова. Нѣкоторые примѣры изъ

Rudnick'aro: èjkecèkà 63, 194, p^{u}òtaščî 120 (обычно p^{u}otàščî), zàstavîdlo 219, m^{u}òrdaròvi 172, v^{u}ù⁄ło⁄à 83, vèdostàną 169. dò-Cemnía à-v^{u}ot-Cèmnía 179, dò-p^{u}om^{u}òce 121. Это примѣры изъ рѣчи неразмѣренной нерномованной.

§ 31. Примѣровъ допустимаго ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы мы въ текстахъ находимъ немало Нѣкоторые примѣры изъ Rudnick'aro: želàza 167, mašy^{u}òpi 176, sîū⁄àčc 212. Это примѣры изъ рѣчи неразмѣренной нерномованной.

Въ размѣренной или рномованной рѣчи (въ пословицахъ, пѣсняхъ и т. п.) въ употребленіи допустимаго ударенія на предпослѣднемъ слогѣ слова сѣверно-кашубъ совершенно не стѣсняется, если этимъ достигается размѣръ или рнома. Примѣровъ сотни. Ограничусь немногими. У Rudnick'aro, напримѣръ, Pàn bîl ⁄lòpa jak-sk^{u}òpa, Pān-B^{u}òg bîl pàna jak-baràna 182 вмѣсто bàrana. У Cenôv'ы Skôrb kaszébsko-slovjnskjè mòvé (безъ акцентуаціи) на одной 105-ой страницѣ, напримѣръ: lecî v^{u}oda v^{u}ot-v^{u}ogroda — очевидно, v^{u}ogròda вмѣсто v^{u}ògroda; gąsàr ƒeře na-jezeře, a m^{u}ōj mîlî jinšą beře — очевидно jczère вмѣсто jèzeře; lūp-cūp, nōžka-v-nōžką, sk^{u}očîl k^{u}ūrk na-k^{u}ok^{u}ošką — очевидно, k^{u}ok^{u}òšką вмѣсто k^{u}òk^{u}ošką.

ЧАСТЬ II.

Сѣверно-кашубская система ударенія въ ея происхожденіи.

Изъ исторіи объясненій сѣверно-кашубскаго ударенія.

§ 32. Когда-то довольно популярна была мысль, что сѣверно-кашубское удареніе — своеобразная разновидность *польскаго* ударенія: сѣверно-кашубъ де ударяетъ «вообще» предпослѣдній слогъ слова, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ «исключеніе», ударяя послѣдній или третій отъ конца слогъ слова, а то даже первый. Эта мысль держалась вплоть до Bronisch'a. Затѣмъ она сошла со сцены.

Рядомъ рано стала формироваться и другая мысль. Брантъ въ своихъ знаменитыхъ *Начертаніяхъ славянской акцентологіи*, дѣлая обзоръ акцентологическихъ явленій во всѣхъ концахъ словянскаго міра, не забылъ и кашубскаго языка. Мысль, которую возбудило въ Брантѣ ознакомленіе съ сѣверно-кашубскимъ удареніемъ, такова: сѣверно-кашубское удареніе, правда, въ своеобразной переработкѣ, продолжаетъ *праславянское* удареніе, сходствуя въ этомъ отношеніи съ русскимъ, болгарскимъ, сербскимъ, словенскимъ и рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ польскаго, лужицкаго, чехо-словацкаго. Прочныхъ основаній къ такой мысли у Бранта не могло быть, хотя бы потому, что ко времени написанія Начертаній матеріалъ для сужденія о сѣверно-кашубскомъ удареніи былъ болѣе чѣмъ скудный и, сверхъ того, не расклассифицированный съ нужной точностью по діалектамъ. Мысль Бранта—не научный выводъ, а научное предчувствіе, изъ числа тѣхъ, которыя обманываютъ.

Въ духѣ мысли Бранта построена посвященная кашубскому языку глава въ книгѣ Mikkol'ы *Quantität und Betonung in den westsla-*

vischen Sprachen. Mikkola удѣляетъ сѣверно-кашубскому ударенію не слишкомъ много вниманія; факты взяты отнюдь не во всемъ ихъ богатствѣ, освѣщеніе ихъ отнюдь не исчерпывающее. Естественно, что въ смыслѣ убѣдительности утвержденія Mikkol'ы заставляютъ желать очень и очень многаго. Объ ученіи Mikkol'ы полнѣе въ § 33.

Въ духѣ той же мысли Бранта написаны и посвященныя кашубскому языку страницы въ книгѣ Белић'а *Акценатске студије.* Поскольку дѣло касается сѣверно-кашубскаго ударенія — не кашубскаго количества слога, а сѣверно-кашубскаго ударенія, — никакихъ конкретныхъ утвержденій у Белић'а собственно нѣтъ. Есть лишь неопредѣленное общее утвержденіе о праславянскомъ источникѣ сѣверно-кашубскаго ударенія, которое читателю предлагается принять на вѣру. Объ ученіи Белић'а полнѣе въ § 34.

Въ общемъ, приходится констатировать, что къ разъясненію сѣверно-кашубской загадки до сихъ поръ сдѣлано чрезвычайно мало. Польская ориентація умерла естественной смертью, праславянская ориентація ничѣмъ солиднымъ себя не зарекомендовала. Дѣло приходится начинать чуть ли не съ самаго начала.

§ 33. Ученіе Mikkol'ы сводится къ слѣдующему.

Если отвлечься отъ явленій аналогичной природы, то ударение въ сѣверно-кашубской рѣчи не можетъ падать дальше отъ конца слова, чѣмъ на третій отъ конца слогъ слова, а при долготѣ послѣдняго слога въ праславянскую пору — на второй отъ конца (предпослѣдній) слогъ слова. Выпавшіе гласные (ъ ь, съ одной стороны, і ѳ, съ другой) идутъ въ счетъ наравнѣ съ другими гласными; стянувшіеся гласные принимаются за два отдѣльныхъ гласныхъ.

Это рамки, въ какимъ надо искать праславянскаго наслѣдія.

Въ этихъ рамкахъ ударение вообще падаетъ какъ можно ближе къ началу слова, однако въ одномъ случаѣ праславянское ударение задерживается у конца слова — если въ предударномъ слогѣ выпалъ гласный.

Уклоненіе отъ общихъ нормъ представляетъ сложеніе глагола съ vё (и нѣкоторые другіе аналогичные случаи), гдѣ праславянское ударение сохраняется совершенно независимо отъ положенія слога по отношенію къ концу слова.

Ср. резюме въ Urslavische Grammatik Mikkol'ы, ч. I, послѣднія страницы.

По поводу ученія Mikkol'ы сдѣлаемъ прежде всего два замѣчанія.

Во-первыхъ, совершенно нельзя согласиться съ утвержденіемъ Mikkol'ы, будто праславянское ударепіе задерживалось у конца слова, если въ предударномъ слогѣ выпалъ гласный. Стоитъ просто перелистать ч. I настоящей работы, чтобы убѣдиться, насколько это утвержденіе безпочвенно.

Во-вторыхъ, совершенно нельзя согласиться съ отношеніемъ Mikkol'ы къ сложенію глагола съ vĕ (и нѣкоторымъ другимъ аналогичнымъ случаямъ). Передъ нами явленіе ударнаго объединенія словъ новаго типа, см. § 31.

Что же остается отъ ученія Mikkol'ы? А остается вотъ что.

Если отвлечься отъ явленій аналогической природы, то удареніе въ сѣверно-кашубской рѣчи падаетъ на третій отъ конца слогъ слова, а при долготѣ послѣдняго слога въ праславянскую пору — на второй отъ конца (предпослѣдній) слогъ слова. Выпавшіе гласные (ъ ь, съ одной стороны, і ё, съ другой) идутъ въ счетъ наравнѣ съ другими гласными, стянувшіеся гласные принимаются за двѣ отдѣльныхъ гласныхъ.

И только.

Не будемъ разбираться въ томъ, что представляетъ собою ученіе Mikkol'ы по существу — этимъ намъ удобнѣе будетъ заняться позднѣе. Обратимъ вниманіе лишь на одно: въ чемъ можетъ Mikkola удостовѣрить праславянское наслѣдіе? Оказывается, ни въ чемъ.

§ 34. Говоря объ ученіи Белић'а о сѣверно-кашубскомъ удареніи, надо строжайшимъ образомъ отграничить его отъ ученія Белић'а о кашубскомъ количествѣ слога. Ученія Белић'а о кашубскомъ количествѣ слога здѣсь мы не касаемся совершенно.

Раскроемъ Акцентске студије на страницахъ, посвященныхъ кашубскому языку.

Замѣтимъ: Белић говоритъ только о прилагательныхъ. А все прочее «пока» оставлено въ сторонѣ. Ужь одно это возбуждаетъ нѣкоторую осторожность.

Опустимъ все, что говорится о количествѣ слога въ прилагатель-

ныхъ, и посмотримъ, что̀ говорится объ удареніи прилагательныхъ. А объ удареніи прилагательныхъ говорится въ концѣ концовъ слѣдующее.

Если слогъ основы дологъ, ударѐніе падаетъ на этотъ слогъ основы. Если слогъ основы кратокъ, ударѐніе падаетъ на окончаніе. Если основа содержитъ нѣсколько слоговъ, ударѐніе падаетъ на послѣдній слогъ основы.

Ср. Акценатске студије, 108.

Противъ словъ Белић'а объ удареніи въ прилагательныхъ возразить нельзя ничего — Белић констатируетъ то, что̀ сейчасъ по преимуществу есть. Поставимъ, однако, вопросъ: въ чемъ можетъ Белић удостовѣрить праславянское наслѣдіе? Оказывается, ни въ чемъ.

---

§ 35. Изслѣдованіе происхожденія сѣверно-кашубскаго ударенія мы разбиваемъ на три части.

Прежде всего, мы обращаемся къ объясненію возникновенія важнѣйшихъ различій между діалектами: къ объясненію приморской замѣны ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на первомъ слогѣ основы и къ объясненію западно-приморскаго обобщенія ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы, гдѣ̀ оно не замѣнилось удареніемъ на первомъ слогѣ основы, на всемъ протяженіи флексіи.

Далѣе, мы обращаемся къ аналитическому изученію явленій общесѣверно-кашубскаго значенія, причемъ передъ нами постепенно развертывается далекая историческая перспектива, въ концѣ которой — единый строгій фонетическій законъ, разгадка сѣверно-кашубской загадки.

Наконецъ, мы обращаемся къ нѣкоторымъ комментаріямъ объяснительнаго характера къ переходу отъ первоначальнаго единаго строгаго фонетическаго закона къ современному многообразію явленій.

§ 36. Приступая къ объясненію возникновенія важнѣйшихъ діалектическихъ различій, мы должны прежде всего отдать себѣ̀ ясный отчетъ въ *морфологизованномъ* характерѣ сѣверно-кашубскаго ударенія.

Сѣверно-кашубское ударѐніе существуетъ для говорящихъ въ опредѣленномъ отношеніи къ раздѣленію слова на его морфологическіе эле-

менты и прежде всего на окончаніе и основу. Сѣверно-кашубское удареніе ни въ коемъ случаѣ нельзя квалифицировать какъ удареніе на послѣднемъ слогѣ слова, удареніе на предпослѣднемъ словѣ слова, удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ слова, удареніе на четвертомъ отъ конца слогѣ слова или удареніе на первомъ слогѣ слова — его надо квалифицировать какъ удареніе на окончаніи, удареніе на послѣднемъ слогѣ основы, удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы или удареніе на первомъ слогѣ основы. Внѣ этого нѣтъ никакой возможности осмыслить сѣверно-кашубскую систему ударенія въ цѣломъ, а также вразумительно опредѣлить важнѣйшія діалектическія расхожденія.

Нѣтъ словъ, морфологизована, конечно, не вся толща явленій ударенія. Есть случаи, гдѣ по самой природѣ вещей трудно или невозможно провести грань между окончаніемъ и основой и гдѣ потому слаба или совершенно отсутствуетъ морфологизація ударенія. Какъ, напримѣръ, провести грань между основой и окончаніемъ въ какихъ-нибудь Prt. Sg. Fm. средне-кашубск. p^{n}ostàŕa (< p^{n}ostàŕaĨ|a) приморск. p^{n}òstaŕa (< p^{n}òstaŕaĨ|a), p^{n}otoną (< p^{n}otonąĨ|a), p^{n}otŕīmà (< p^{n}otŕīmàĨ|a)? И какъ здѣсь квалифицировать удареніе? Очень возможно, что морфологизація ударенія въ различныхъ діалектахъ достигаетъ различной степени проясненія, и что въ прошломъ эта морфологизація ударенія была прояснена въ бо̀льшей степени, чѣмъ сейчасъ. Наибольшее проясненіе морфологизаціи ударенія надо приписать, несомнѣнно, приморскимъ діалектамъ въ эпоху замѣны ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на первомъ слогѣ основы.

Было бы неосторожно думать, что сѣверно-кашубъ достигаетъ различенія ударенія на окончаніи, ударенія на послѣднемъ слогѣ основы, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы, ударенія на первомъ слогѣ основы въ плоскости умозрительной. Онъ достигаетъ этого различія, конечно, въ плоскости эмоціональной. У него не понятія, а эмоціи ударенія на окончаніи, ударенія на послѣднемъ стогѣ основы, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы, ударенія на первомъ слогѣ основы. Эти эмоціи можемъ воспитать въ себѣ и мы, если достаточно проработаемъ матеріалъ.

Трудно представить себѣ тѣ затрудненія, съ какими должны были

бороться описатели сѣверно-кашубскаго ударенія, пока они упорствовали въ непризнаніи его морфологизованнаго характера: имъ приходилось, излагая свои наблюденія, дѣлать непрерывный переводъ изъ рубрикъ для сѣверно-кашубской рѣчи естественныхъ въ рубрики для сѣверно-кашубской рѣчи искусственныя. Трудно представить себѣ и тѣ затрудненія, съ какими долженъ бороться читатель описаній сѣверно-кашубскаго ударенія, если они построены на непризнаніи его морфологизованнаго характера (напр. Br. S.): ему приходится дѣлать непрерывный обратный переводъ изъ рубрикъ для сѣверно кашубской рѣчи искусственныхъ въ рубрики для сѣверно-кашубской рѣчи естественныя. Не слѣдуетъ думать, что отъ описателей сѣверно-кашубскаго ударенія ускользалъ его морфологизованный характеръ — нѣтъ, они его превосходно чувствовали, и это тамъ-сямъ прорывается; но они, видите ли, считали нужнымъ судить о сѣверно-кашубскомъ удареніи не что бы то ни стало *сравнительно* съ польскимъ, а польское удареніе, какъ извѣстно, ничего общаго съ морфологизаціей не имѣетъ. Изъ-подъ обаянія неумѣстнаго сравнительства первый сталъ выходить Lorenz. Его квалификація сѣверно-кашубскихъ удареній — Betonung auf der Endung, Betonung auf der letzten Stammsilbe, Betonung auf der vorletzten Stammsilbe, Betonung auf der ersten (Stamm)silbe. Правда, такая квалификація сѣверно-кашубскихъ удареній у него не всегда послѣдовательна.

§ 37. Приморская замѣна ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на первомъ слогѣ основы должна объясняться слѣдующимъ образомъ.

Подавляющее большинство словъ въ сѣверно-кашубской рѣчи — если вести счетъ не въ отрывкахъ словаря, гдѣ не учтена употребительность словъ, а въ отрывкахъ связной рѣчи, представленной хотя бы въ текстахъ, — имѣетъ не болѣе чѣмъ двухсложную основу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно развернуть любой сѣверно-кашубскій текстъ. Беремъ, напримѣръ, первыя 5 страницъ изъ Br. T. — слова съ болѣе чѣмъ двухсложной основой, если исключить нѣсколько случаевъ ударнаго объединенія разнаго сорта, здѣсь встрѣчаются только 3 раза.

Если такъ, то въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ удареніе на

предпослѣднемъ слогѣ основы вещественно есть и удареніе на первомъ слогѣ основы. На приморской почвѣ этого оказалось достаточно, чтобы произошелъ и психологическій сдвигъ, чтобы эмоціи ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы стали замѣняться эмоціями ударенія на первомъ слогѣ основы. Одновременно со сформированіемъ обновленной системы эмоцій должна была начаться работа по подчиненію этой обновленной системѣ эмоцій того незначительнаго остатка словеснаго матеріала, который ей не подчинялся. Какъ ṕèkāŕa: ṕekàŕū, такъ и pŕèdajāŕa: pŕedajàŕū (вм. pŕedàjāŕa: pŕedajàŕū). dòp^{n}omāgaŕa: dop^{n}omāgàŕū (вм. dop^{n}omàgaŕa: dop^{n}omāgàŕū), а также dò-ṕekāŕa: na-ṕekàŕū (вм. do-ṕèkāŕa: na-ṕekàrū), dò-pŕedajāŕa: na-pŕedajàŕū (вм. do-pŕedàjaŕa: na-pŕedajàŕū), dò-dop^{n}omāgaŕa: na-dop^{n}omāgàŕū (вм. do-dop^{n}omàgaŕa: na-dop^{n}omāgàŕū)... Какъ pĺàkāĺ: pĺakàĺa, такъ и tŕèṕotāĺ: tŕeṕotàĺa (вм. tŕeṕòtāĺ: tŕeṕotàĺa), а также zàpĺakāĺ: zapĺakàĺa (вм. zapĺàkāĺ: zapĺakàĺa), zàtŕeṕotāĺ: zatŕeṕotàĺa (вм. zatŕeṕòtāĺ: zatŕeṕotàĺa)... Подобныя аналогическія цѣли должны были завязываться рѣшительно во всѣхъ направленіяхъ, въ общемъ итогѣ создавая замѣну ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на первомъ слогѣ основы. Процессъ этотъ долженъ былъ протекать тѣмъ легче, что противоположность: первый — послѣдній слогъ основы или окончаніе гораздо ярче, гораздо больше даетъ языковому ощущенію, чѣмъ противоположность: предпослѣдній — поелѣдній слогъ основы или окончаніе.

§ 38. Въ § 4 было указано три категоріи случаевъ, гдѣ замѣна ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на первомъ слогѣ основы въ приморскихъ діалектахъ задержалась. Это: слова, существующія *рядомъ* со словами совершенно того же происхожденія и значенія, но съ фонетической замѣной двухъ послѣднихъ слоговъ основы однимъ; слова, въ словопроизводствѣ *тѣснѣйшимъ образомъ* связанныя со словами съ основой на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче; ударныя объединенія словъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ предпослѣдняго компонента. Отдѣльно существительныя на -ą Sg. G. -ìca -ёca, въ Sg. NVA. (-ą) получившія, впрочемъ, удареніе на первомъ слогѣ основы.

Въ словахъ, существующихъ *рядомъ* со словами совершенно того же

происхожденія и значенія, но съ фонетической замѣной двухъ послѣднихъ слоговъ основы однимъ, къ эмоціямъ сопровождающимъ ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ основы, неизбѣжно примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударѐніе на послѣднемъ слогѣ основы. Въ самомъ дѣлѣ. Если dąbⁿò́vïšče, dąbⁿò́vïšča и т. д., существуетъ рядомъ съ dąbⁿò́všče, dądⁿò́všča и т. д., darò́vāĪ darò́vaĪo и т. д., существуетъ рядомъ съ darà̀l, darà̀Ĭo и т. д., то переживаніе dąbⁿò́vïšče, dąbⁿò́vïšča и т. д. постоянно сплетается съ переживаніемъ dąbⁿò́všče, dąbⁿò́všča и т. д., переживаніе darò́vāĪ darò́vaĪo и т. д. постоянно сплетается съ переживаніемъ darà̀Ĭ darà̀Ĭo и т. д.; въ этомъ сплетеніи переживаній утрачивается живое ощущеніе различія въ числѣ слоговъ основы, и ударѐніе въ dąbⁿò́vïšče, dąbⁿò́vïšča и т. д. ощущается, какъ эквивалентъ ударѐнія въ dąbⁿò́všče, dąbⁿò́všča и т. д., ударѐніе въ darò́vāĪ, darò́vaĪo и т. д. ощущается какъ эквивалентъ ударѐнія въ darà̀Ĭ, darà̀Ĭo и т. д.

Въ словахъ, въ словопроизводствѣ *тѣснѣйшимъ образомъ* связанныхъ со словами съ основой на одинъ слогъ (считая отъ конца) короче, къ эмоціямъ, сопровождающимъ ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ основы, тоже неизбѣжно примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударѐнія на послѣднемъ слогѣ основы. Въ самомъ дѣлѣ. Если topⁿò́rëk, topⁿò́rūšk въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ tòpⁿṓr, topⁿò́rk, sąsà̀dčënī въ словопроизводствѣ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ sąsà̀dka, то переживаніе topⁿò́rëk, topⁿò́rūšk постоянно сплетается съ переживаніемъ tòpⁿṓr, topⁿò́rk, переживаніе sąsà̀dčënī постоянно сплетается съ переживаніемъ sąsà̀dka; въ этомъ сплетеніи переживаній утрачивается живое ощущеніе различія въ числѣ слоговъ основы, и ударѐніе въ topⁿò́rëk, topⁿò́rūšk ощущается какъ эквивалентъ ударѐнія въ Pl. G. topⁿò́r, topⁿò́rk, ударѐніе въ sąsà̀dčënī ощущается какъ эквивалентъ ударѐнія въ sąsà̀dka. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на притяжательныя прилагательныя типовъ rëbà̀kⁿovī, sąsà̀dčënī. Въ § 20 мы говоримъ: «Ударѐніе во всѣхъ формахъ (прилагательныхъ) одинаковое и притомъ сильное. Слабое ударѐніе только въ прилагательныхъ притяжательныхъ, поскольку они приспособляются по ударѐнію къ существительнымъ, отъ которыхъ произведены». Здѣсь

можно сказать, что слабое ударение въ притяжательныхъ прилагательныхъ типовъ rĕbàkⁿovĭ, sąsàdčenĭ только потому и не создаетъ конфуза, что къ эмоціямъ, сопровождающимъ ударение на предпослѣднемъ слогѣ основы, примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударение на послѣднемъ слогѣ основы

Въ ударныхъ объединеніяхъ словъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ предпослѣдняго компонента къ эмоціямъ, сопровождающимъ ударение на предпослѣднемъ слогѣ основы, опять-таки неизбѣжно примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударение на послѣднемъ слогѣ основы или ударение на окончаніи. Это вполнѣ понятно, стоитъ лишь взглянуть на какія-нибудь vⁿoňĭ-šlë, àle Ṕotèr-sǫ tŕ̀māĪ mⁿòcno, vⁿoňĭ-bë roBìlë, Vélgà-vès, Robačĭ-Īⁿg, dobrĭ-jeň, dobrą̀-noc . . .: однѣ эмоціи возбуждаются ударнымъ объединеніемъ въ цѣломъ, а другія — предпослѣднимъ компонентомъ въ отдѣльности.

Какъ видно, всѣмъ тремъ категоріямъ случаевъ свойственна одна общая черта: къ эмоціямъ, сопровождающимъ ударение на предпослѣднемъ слогѣ основы, примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударение на послѣднемъ слогѣ основы или ударение на окончаніи,—вообще, эмоціи, сопровождающія сильное ударение. Въ этой чертѣ—объясненіе задержанія замѣны ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на первомъ слогѣ основы. Устойчивость, какъ особенность сильнаго ударенія, перенесена на ударение на предпослѣднемъ слогѣ основы.

Остается нѣсколько словъ о существительныхъ на -ą Sg. G. -ĭca -ëca. Тутъ надо отмѣтить двѣ вещи. Во-первыхъ, основы Sg. NVA. (vⁿòtroč|ą) и прочихъ формъ (Sg. G. vⁿotròčëc|a и т. д., Pl. NVA. vⁿotročą̀t|a и т. д.), неравносложны, такъ что тотъ слогъ, который въ этихъ прочихъ формахъ является предпослѣднимъ слогомъ основы, въ Sg. NVA. является послѣднимъ слогомъ основы, и къ эмоціямъ, въ этихъ прочихъ формахъ сопровождающимъ ударение на предпослѣднемъ слогѣ основы, примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударение на послѣднемъ слогѣ основы. Во-вторыхъ, -ĭc- -ëc- изъ праславянск. -ęt- при дальнѣйшемъ смягченіи t въ звуковомъ отношеніи совпадаетъ, а въ смысловомъ отношеніи чрезвычайно близко къ -ĭc- -ëc- изъ праславянск. -ĭt- (одно -ĭc- -ëc- служитъ для обозначенія молодыхъ существъ, а другое

для обозначенія потомковъ по предку); такъ что существительныя съ -ic- -ëc- изъ прасловянск. -ęt- при дальнѣйшемъ смягченіи t естественно раздѣляютъ особенности существительныхъ съ -ic- -ëc- изъ прасловянск. -it-, а въ послѣднихъ, какъ мы знаемъ (§ 4), удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы на приморской почвѣ вообще сохраняется. Такъ или иначе, а удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы въ формахъ съ основой на -ic- -ëc- и -ąt- существительныхъ на -ą Sg. G. -ica -ëca на приморской почвѣ ничего загадочнаго не представляетъ. Что касается Sg. NVA. (-ą), то удареніе на первомъ слогѣ основы въ этой формѣ (v^{u}ôtroc|ą nà-v^{u}otroc|ą), въ противоположность ударенію на предпослѣднемъ слогѣ основы въ другихъ формахъ (Sg. G. v^{u}otrò-cëc|a и т. д., Sg. G. v^{u}otrò|cąt|—), находится въ несомнѣнной связи съ малосложностью основы въ этой формѣ.

§ 39. Западно-приморское обобщеніе слабаго устойчиваго ударенія на всемъ протяженіи флексіи надо поставить въ прямую связь съ приморской замѣной ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы ударенiемъ на первомъ слогѣ основы.

До приморской замѣны ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы ударенiемъ на первомъ слогѣ основы сѣверно-кашубская рѣчь во всемъ объемѣ діалектовъ знала только одинъ типъ чередованія ударенiй: чередованіе ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы или окончаніи. Съ приморской замѣной ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы ударенiемъ на первомъ слогѣ основы, не затронувшей, однако, цѣлыхъ три большихъ категоріи случаевъ, взамѣнъ этого одного типа чередованія ударенiй должно было возникнуть два: чередованіе ударенія на первомъ слогѣ основы и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы или окончаніи и чередованіе ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы или окончаніи. Восточно-приморская рѣчь справилась съ тѣмъ осложненіемъ эмоцій, касающихся чередованія ударенiй, какое было при этомъ неизбѣжно. А вотъ западно-приморская рѣчь — не справилась, и это привело къ вырожденію одного изъ типовъ чередованія ударенiй

Къ этому можно прибавить и другое. Вездѣ, гдѣ приморская рѣчь сохранила удареніе на предпослѣднемъ словѣ основы, къ эмоціямъ, со-

провождающимъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы, примѣшиваются эмоціи, сопровождающія ударенія на послѣднемъ слогѣ основы или удареніе на окончаніи. Слѣдовательно, вездѣ, гдѣ приморская рѣчь получила чередованіе ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы или окончаніи, по психологическому существу было чередованіе не то ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы, не то ударенія на послѣднемъ слогѣ основы или на окончаніи, съ одной стороны, и ударенія опредѣленно на послѣднемъ слогѣ основы или на окончаніи, а съ другой стороны — явленіе очень запутанное. Естественный выходъ изъ этой запутанности — то упрощеніе, какое возникло въ западно-приморской рѣчи.

§ 40. Немногіе случаи западно-приморскаго чередованія ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на послѣдемъ слогѣ основы объясняются безъ всякаго труда.

dobrȍzẽj, Sg. L. dogrozèjũ и т. д., подобные случаи надо понимать какъ результатъ контаминаціи законныхъ явленій съ явленіями, имѣющими мѣсто въ zĺȍzẽj, Sg. L. zĺozèjũ и т. д. и гдѣ налицо чередованіе ударенія на первомъ слогѣ основы и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы (Sg. G. zĺȍzeja dȍ-zĺozeja...).

Praet. съ -ova-: darȍvāĺ, darovàĺa и т. д. надо понимать какъ результатъ контаминаціи законныхъ явленій съ явленіями, имѣющими мѣсто въ Praet. просто съ -a-: tř̀īmāĺ, tř̀īmàĺa и т. д., гдѣ налицо чередованіе ударенія на первомъ слогѣ основы и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы (tř̀īmāĺ pr̥ȍtř̀īmāĺ...).

Явленія въ склоненіи существительныхъ на -ą Sg. G. -ica -ёca станутъ понятны, если принять въ соображеніе, что изъ формъ съ основой на -ąt- удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы имѣетъ только одна — Pl. G. Обобщительная энергія ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы здѣсь очень небольшая. Ея оказалось достаточно въ кабаткскихъ діалектахъ, но мало — въ словинскихъ.

§ 41. Обращаясь къ аналитическому изученію явленій обще-сѣверно-кашубскаго значенія, предварительно подвергаемъ обсужденію нѣкоторые вопросы морфологическаго характера и во главѣ ихъ вопросы о судьбахъ склоненій долготнаго типа на сѣверно-кашубской почвѣ. Внѣ обсужденія

этихъ вопросовъ совершенно невозможно подойти къ правильному пониманію явленій ударенія.

I склоненіе долготнаго типа.

§ 42. I склоненіе долготнаго типа, какъ мы знаемъ, разнообразится въ зависимости отъ того, имѣетъ ли существительное два и болѣе слоговъ основы или только одинъ слогъ основы. При двухъ и болѣе слогахъ основы въ Sg. A. окончаніе -ą̋ и слабое ударепіе (vèčeřą̋), въ Pl. NV. -ë и слабое ударепіе vèčeřе), въ Du. NV. -ï - ë и слабое ударепіе (vèčeřë). При одномъ слогѣ основы въ Sg. A. окончаніе -ą̄ и сильное ударепіе (tońą̄), въ Pl. NV. -ē и сильное ударепіе (tońē), въ Du. NV. -ī и сильное ударепіе (tońī).

Возникаетъ совершенно естественный вопросъ: первоначально ли различіе между I склоненіемъ долготнаго типа при двухъ и болѣе слогахъ основы и I склоненіемъ долготнаго типа при одномъ слогѣ основы?

Если допустить, что это различіе не первоначально, и что нѣкогда I склоненіе долготнаго типа было одинаково и при двухъ и болѣе слогахъ основы, и при одномъ слогѣ основы, именно и при двухъ и болѣе слогахъ основы, и при одномъ слогѣ основы характеризовалось тѣми особенностями, которыя сохранились при двухъ и болѣе слогахъ основы (Sg. A., какъ vèčeřą̋, такъ и * tòńą̋ nà- tońą̋, Pl. NV., какъ vèčeřë, такъ и * tòńë, Du. NV., какъ vèčeřë, такъ и * tòńī), — то объясненіе возникновенія тѣхъ особенностей, которыя налицо при одномъ слогѣ основы, не составитъ никакихъ затрудненій: совпаденіе по окончаніямъ и ударенію съ прилагательными въ однѣхъ формахъ, именно Sg. NV. (-ā), G. (-ē), D. (-ī), I. (-ą̄), L. (-ī), вызвало совпаденіе по окончаніямъ и ударенію съ прилагательными и въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ, именно Sg. A. (прил. -ą̄), Pl. NV. (прил. -ē), Du. NV. (прил. * ī, вытѣсненное впослѣдствіи черезъ Pl. NV. -ē).

Къ счастью, у насъ есть возможность не только допускать, но и утверждать. Вспомнимъ, что существительныя *pluralia tantum*, вродѣ śiče, zgřèbe, drò̋ž̋e, sàńe, gràble..., послѣдовательно подходятъ подъ склоненіе краткостнаго типа. Вспомнимъ и то, что въ Pl., какъ и

въ Du., I склоненіе краткостнаго типа ничѣмъ не отличается отъ I склоненія долготнаго типа при двухъ и болѣе слогахъ основы. Сообразимъ, что вліяніемъ со стороны склоненія прилагательныхъ на I склоненіе долготнаго типа при одномъ слогѣ основы могло пти только черезъ Sg., такъ какъ только въ Sg. было совпаденіе окончаній и ударенія. И тогда для насъ станетъ ясно, что въ существительныхъ pluralia tantum, вродѣ ŝìċe, zgřèb̀e, drȍžǰe, sàńe, grȁb̀le . . ., передъ нами живой остатокъ того состоянія, когда I склоненіе долготнаго типа и при двухъ и болѣе слогахъ основы, и при одномъ слогѣ основы характеризовалось тѣми особенностями, которыя сохранены при двухъ и болѣе слогахъ основы, — живой остатокъ, испытавшій естественную переоцѣнку какъ явленіе I склоненія не долготнаго, а краткостнаго типа. Станетъ ясно и то, почему уцѣлѣлъ этотъ живой остатокъ давно пережитаго состоянія: отсутствіе Sg. отрѣзывало всѣ пути къ вліянію со стороны склоненія прилагательныхъ.

Мы далеки отъ того, чтобы приписывать возникновеніе различія между I склоненіемъ долготнаго типа при двухъ и болѣе слогахъ основы и I склоненіемъ долготнаго типа при одномъ слогѣ основы непремѣнно сѣверо-кашубской рѣчи какъ таковой — мы готовы приписать возникновеніе этого явленія и пралехитскому или еще болѣе далекому предку сѣверно-кашубской рѣчи, осѣвернокашубливая историческую перспективу. Для насъ важно одно: отмѣтить непервоначальность этого явленія.

Сказанное, между прочимъ, полностью объясняетъ происхожденіе любопытнѣйшаго, въ своемъ мѣстѣ отмѣченнаго явленія — свободнаго колебанія существительныхъ I склоненія, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ja -ji или его фонетическіе эквиваленты, съ односложной основой, между долготнымъ и краткостнымъ типами: toń̀ă и tòǹă . . . Вліяніе со стороны склоненія прилагательныхъ обнаруживалось, очевидно, такъ, что при Sg. NV. toń̀ă, G. toń̀ě, D. toń̀ĭ и т. д. вновь строилось Sg. A. toń̀ą̆ и т. д., но прежнее Sg. A. tòń̀ą̆ и т. д. не гибло, и при немъ вновь строилось Sg. NV. tòǹă, G. tòń̀ě, D. tòń̀ĭ и т. д. Изъ чередующихся особенностей одной и той же парадигмы выработались двѣ разныя парадигмы.

Здѣсь, кстати, можно объяснить одну исключительную ударную осо-

бенность существительныхъ I склоненія долготнаго типа съ односложной основой — то обстоятельство, что имъ вообще свойственно сильное конечное удареніе, совершенно независимо отъ количества слога основы и отъ отношенія къ сложенію съ предлогомъ: одинаково tońā... и gl̄ą̄bà... Явленіе это, конечно, не первоначально. Исходить надо изъ состоянія, аналогичнаго тому, которое наблюдается вообще въ существительныхъ съ односложной основой — изъ состоянія, когда сильное удареніе было конечнымъ, если основа составляла краткій слогъ и если притомъ существительное выступало внѣ сложенія съ предлогомъ, и основнымъ, если основа составляла долгій слогъ или если существительное выступало въ сложеніи съ предлогомъ: Sg. G. tońē..., но *gl̄ą̄bē..., *do-tòńē.... *do-gl̄ą̄bē... Въ образованіяхъ типа былякск. prācē, словинск. (do-)v"ȍlē, (do-)mèzē, (do-)zȍr̄ē можно видѣть остатки этого состоянія. Въ дальнѣйшемъ произошло вотъ что. Въ силу свободнаго колебанія между долготнымъ и краткостнымъ типами, имѣлось рядомъ: tońē и tòńē.... *gl̄ą̄bē и gl̄ą̄bē..., *do-tòńē и dò tońē или, какъ результатъ неустойчивости ударныхъ особенностей ударныхъ объединеній (§ 26), do-tòńē..., *do-gl̄ą̄bē и dò-gl̄ą̄bē или, какъ результатъ неустойчивости ударныхъ особенностей ударныхъ объединеній (§ 26), do-gl̄ą̄bē... Различіе въ окончаніяхъ находило поддержку въ различіи въ удареніи только въ парахъ типа tońē и tòńē..., а въ парахъ типовъ *gl̄ą̄bē и gl̄ą̄bē..., do-tòńē и dò-tońē или do-tòńē.., do-gl̄ą̄bē и dò-gl̄ą̄bē или do-gl̄ą̄bē... оно этой поддержки не находило, и сохранилось оно только въ парахъ типа tońē и tòńē..., а въ парахъ другихъ типовъ исчезло въ пользу особенностей краткостнаго типа: только gl̄ą̄bē (не *gl̄ą̄bē)..., dò-tońē или do-tòńē (не *do-tòńē)..., dò-gl̄ą̄bē или do-gl̄ą̄bē (не *do-gl̄ą̄bē)... Позднѣе по аналогіи tońē: tòńē... при gl̄ą̄bē... было построено новое gl̄ą̄bè..., при dò-tońē или do-tòńē... было построено новое do-tońē..., при dò-gl̄ą̄bē или do-gl̄ą̄bē... было построено новое do-gl̄ą̄bè... Какъ видно, дѣло въ томъ, что долготный типъ въ существительныхъ съ односложной основой былъ первоначально утраченъ, если онъ не подчеркивался сильнымъ конечнымъ удареніемъ, а затѣмъ опять возстановленъ, но уже на новыхъ началахъ.

§ 43. Нельзя не обратить вниманіе на полнѣйшее сходство въ удареніи между существительными I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B и существительными I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой. Для ясности повторяю приведенные въ своемъ мѣстѣ примѣры:

Sg. NV.	rob^{u}òta	ńezȝèla	ѵ́ečèřā
G.	rob^{u}òtë	ńezȝèle	ѵ́ečèřē
D.	rob^{u}òce	ńezȝèle	ѵ́ečèřī
A.	ròb^{u}otą	ńèzȝelą	ѵ́èčeřą
I.	rob^{u}òtą	ńezȝèlą	ѵ́ečèřą
L.	rob^{u}òce	ńezȝèlī	ѵ́ečèřī
Pl. NV.	ròb^{u}otë	ńèzȝele	ѵ́èčeře
G.	rob^{u}òt	ńezȝēl, ńezȝèlī	ѵ́ečèř, ѵ́ečèřī
D.	rob^{u}òtām	ńezȝèlām	ѵ́ečèřām
A.	= N.	= N.	= N.
I.	rob^{u}òtamī	ńezȝèlamī	ѵ́ečèřamī
L.	rob^{u}òtaχ	ńezȝèlaχ	ѵ́ečèřaχ
Du. NV.	ròb^{u}oce	ńèzȝelë	ѵ́èčeřë
GL.	rob^{u}òtū	ńezȝèlū	ѵ́ečèřū
DI.	rob^{u}òtāma	ńezȝèlāma	ѵ́ečèřāma
	‖ ròb^{u}otāma	‖ ńèzȝelāma	‖ ѵ́èčeřāma
A.	= N.	= N.	= N.

Сходство это не можетъ быть случайнымъ. Дорогу къ истолкованію этого сходства указываетъ намъ словинскій переходъ существительныхъ I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой въ число существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B: Sg. NV. ѵ́ečèřā > ѵ́ečèřa, G. ѵ́ečèřē > ѵ́ečèře, D. ѵ́ečèřī > ѵ́ečèřë, A. ѵ́èčeřą = ѵ́èčeřą, I. ѵ́ečèřą = ѵ́ečèřą, L. ѵ́ečèřī = ѵ́ečèřī и т. д. Думается, что не слишкомъ смѣло утверждать, что всѣ существительныя I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B нѣкогда были существительными I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой, а окончаніе долготнаго типа смѣнили на окончанія краткостнаго типа по

аналогіи. Само собой разумѣется, это заставляетъ утверждать, что нѣкогда долготный типъ могъ комбинироваться не только съ мягкимъ, но и съ твердымъ типомъ. Sg. NV. rob^{u}òta < *rob^{u}òtă, G. rob^{u}òtë < *rob^{u}òtī, D. rob^{u}òce < *rob^{u}òcē, A.ròb^{u}otą = ròb^{u}otą, I. rob^{u}òtą̄ = rob^{u}òtą̄, L. rob^{u}òce < *rob^{u}òcē и т. д. Sg. NV. ńezèla < *ńezèlă, G. ńezèle < *ńezèlē, D. ńezèlë < *ńezèlī, A. ńèzelą = ńèzelą, I. ńezèlą̄ = ńezèlą̄, L. ńezèlī = ńezèlī и т. д.

Почему долготный типъ въ однихъ мѣстахъ сохранился, а въ другихъ замѣнился краткостнымъ, догадаться легко. Долготный типъ сохранился въ комбинаціи съ мягкимъ типомъ, если оставить въ сторонѣ существительныя типа ńezèla, nāzèja..., построенныя точно такъ же, какъ существительныя типа nāràda, dopÌàta..., и потому въ процессѣ замѣны долготнаго типа краткостнымъ, послѣдовавшимъ за ними, да еще существительныя masculini, о которыхъ рѣчь будетъ особо, — т. е. какъ разъ въ той комбинаціи, которая давала наибольшее количество совпаденій со склоненіемъ прилагательныхъ (не только Sg. NV. -ā, I. ą̄, но и Sg. G. -ē, D. -ī, L -ī). А замѣнился краткостнымъ долготный типъ въ комбинаціи съ твердымъ типомъ, — т. е. какъ разъ въ той комбинаціи, которая давала наименьшее количество совпаденій со склоненіемъ прилагательныхъ (только Sg. NV. -ā, I. -ą̄, но Sg. G. -ī въ противоположность -ē, D. -ē въ противоположность -ī, L. -ē въ противоположность -ī). Ясно: въ одной комбинаціи была поддержка со стороны прилагательныхъ, и это спасло долготный типъ, а въ другой комбинаціи этой поддержки не было, и это долготный типъ погубило.

Нѣсколько словъ о существительныхъ *masculini*, вродѣ mądrĕla, Sitrèla..., которыя, какъ мы знаемъ, послѣдовательно подходятъ подъ краткостный типъ. Утеря долготнаго типа здѣсь вполнѣ естественна: окончанія существительныхъ masculini, каковы бы они ни были, не могутъ ассоціироваться съ окончаніями прилагательныхъ feminini, и поддержки со стороны прилагательныхъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть. Это касается одинаково всѣхъ существительныхъ masculini, независимо отъ числа слоговъ основы. Сохраненіе -ī въ sązÌ дѣло другое: тутъ дѣйствіе ассоціаціи съ окончаніемъ -ī прилагательныхъ masculini, вродѣ novÌ...

Зная, что существительныя I склоненія кратк-стнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B нѣкогда были существительными I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой, мы поймемъ, почему въ свое время существительныя I склоненія долготнаго типа съ односложной основой обнаружили бо̀льшую воспріимчивость ко вліянію со стороны прилагательныхъ, чѣмъ существительныя I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой, почему появились формы типа Sg. A. toi̯ą̄, Pl. NV. toi̯ē, Du. NV. toi̯ī, но не появилось формъ типа Sg. A. ѵ́eĉèi̯ą̄, Pl. NV. ѵ́eĉèi̯ē, Du. NV. ѵ́eĉèi̯ī. Намъ надо принять въ соображеніе тотъ фактъ, что въ I склоненіи долготный типъ при односложной основѣ былъ извѣстенъ только въ комбинаціи съ мягкимъ типомъ (случаевъ долготнаго типа при односложной основѣ въ комбинаціи съ твердымъ типомъ указать нельзя), а при двух-и-болѣе-сложной основѣ и въ комбинаціи съ мягкимъ типомъ, и въ комбинаціи съ твердымъ типомъ. Обстановка различныхъ взаимодѣйствій была такая. Существительныя I склоненія долготнаго и притомъ твердаго типа — только съ двух-и-болѣе-сложной основой — съ прилагательными не взаимодѣйствовали. Существительныя I склоненія долготнаго и при томъ мягкаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой съ прилагательными взаимодѣйствовали, но въ то же время взаимодѣйствовали съ существительными I склоненія долготнаго и при томъ твердаго типа — только съ двух-и-болѣе-сложной основой. Существительныя I склоненія долготнаго и при томъ мягкаго типа съ односложной основой съ прилагательными взаимодѣйствовали, а съ существительными I склоненія долготнаго и притомъ твердаго типа съ односложной основой не взаимодѣйствовали, такъ какъ таковыхъ не существовало; ѵ́eĉèi̯ą̄ не замѣнялось черезъ ѵ́eĉĉi̯ą̄, такъ какъ, хотя на него вліяло и ѵ"oĪòvą̄, но одновременно вліяло и rò̀b"otą̄. A tòi̯ą̄ черезъ toi̯ą̄ замѣнялось, такъ какъ novą̄ на него вліяло безъ всякихъ преградъ.

Выставляя для прошлаго сѣверно-кашубской рѣчи формы типовъ rob"òtā, ńeʒèlā и т. д., мы тѣмъ самымъ принимаемъ обязательство разъяснить, откуда же могли въ этихъ формахъ взяться долготныя окончанія.

Если бы долготныхъ окончаній сѣверно-кашубская рѣчь вообще не

сохранила, тогда въ разъясненіи этого вопроса мы находились бы на чрезвычайно ненадежной почвѣ. Но она долготныя окончанія, къ счастью, сохраняетъ — это въ существительныхъ типовъ Vecèra... или toĭa... Обычно долготныя окончанія въ этихъ случаяхъ объясняются слѣдующимъ образомъ. Дѣло началось съ образованій, въ праславянскую пору оканчивавшихся на -ьja, вродѣ brat(r)ьja: въ этихъ образованіяхъ ь въ послѣднемъ слогѣ основы, и гласныя окончанія вступили въ стяженіе, и такъ впервые получились долготныя окончанія. По аналогіи образованій, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ьja, долготныя окончанія распространились и на образованія, восходящія къ праславянскимъ существительнымъ на -ja и его фонетическіе эквиваленты, вродѣ toĭa. Сомнѣнія въ состоятельности такого объясненія впервые высказалъ А. А. Шахматовъ въ Очеркѣ древн. пер. ист. русскаго языка. И въ самомъ дѣлѣ: такое объясненіе — сплошная натяжка. Образованій, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ьja, очень немного, такъ что они врядъ ли могли бы составить группу со значительной обобщительной энергіей. Пусть, однако, такъ. Но въ такомъ случаѣ далеко не понятно, на какомъ основаніи особенности, первоначально возникшія въ образованіяхъ, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ьja, могли сообщиться образованіямъ, восходящимъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ja и его фонетическіе эквиваленты: вѣдь тѣ и другія образованія должны были различаться какъ до стяженія (въ однихъ ь, въ другихъ отсутствіе ь), такъ и послѣ стяженія (въ однихъ долготныя окончанія, въ другихъ краткостныя). Независимо отъ этого, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы ь могло участвовать въ какихъ бы то ни было стяженіяхъ. Судьба ь при гласныхъ полнаго образованія въ послѣдующемъ слогѣ — выпадать, но не участвовать въ стяженіяхъ. Это одно. Если бы ь, дѣйствительно, участвовало въ стяженіяхъ, то въ результатѣ этихъ стяженій послѣдовательно появлялся бы долгій гласный. А мы часто видимъ иное: kuńje даетъ не kèžě, а kèže..., noćьjǫ даетъ не только nosą (въ функціи существительнаго), но и nòsą (въ функціи нарѣчія), и это nòsą (въ функціи нарѣчія) производитъ аналогически и zěmą (въ функціи нарѣчія). Это другое. Вмѣсто обычнаго объясненія съ ь надо выставить, ко-

нечно, другое, и это дѣлаетъ А. А. Шахматовъ, говоря о праславянской сверхдолготѣ послѣдняго слога. Мы не признаемъ праславянской сверхдолготы и говоримъ просто о долготѣ послѣдняго слога. vȅčȅ̀rā..., tońā..., слѣдовательно, прямо къ праславянскимъ večérā..., tòńā... Если такъ, то объясненію доступны долготныя окончанія не только въ комбинаціи съ мягкимъ типомъ, но и долготныя окончанія въ комбинаціи съ твердымъ типомъ. Не только ńezèla < ńezèlā... прямо къ праславянскому nedȅ̀lā..., но и rob^{v}òta < rob^{v}òtā... прямо къ праславянскому ōrbòtā... Полнѣе объ этомъ въ Экскурсѣ (О праславянской долготѣ послѣдняго въ словѣ слога).

На южнословянской почвѣ мы имѣемъ сравнительно небогатыя подтвержденія праславянской долготы послѣдняго слога въ разсматриваемыхъ случаяхъ. Удивляться этому не приходится, такъ какъ долгота послѣдняго слога въ этихъ случаяхъ открыта для всяческихъ аналогическихъ воздѣйствій. Упомянутыя подтвержденія слѣдующія:

Для Sg. N.: словенск. hodîla, ļubîla, pisâla, drêmâla... < hodìlā, ļūbìlā, pīsàlā, drēmàlā... (въ словенском языкѣ ^ замѣнило м. п. устойчивое удареніе на краткомъ слогѣ, если послѣдующій слогъ былъ дологъ). Замѣтимъ, что праслов. xodìlā, pīsàlā, drēmàlā... именныя образованія совершенно того же типа, что ōrbòtā...

Для Sg. G.: сербск. -ē, получившее широкое (для всего I сконенія) обобщеніе.

§§ 44. Исторія I склоненія долготнаго типа на сѣверно-кашубской (и досѣверно-кашубской) почвѣ на основаніи всего сказаннаго рисуется въ слѣдующихъ чертахъ.

1) Первоначально I склоненіе долготнаго типа было одинаково при двухъ и болѣе слогахъ основы и при одномъ слогѣ основы и было свойственно гораздо бо̀льшему числу существительныхъ, чѣмъ нынѣ. Оно было свойственно всѣмъ существительнымъ, восходящимъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ja и его фактическіе эквиваленты, всѣмъ существительнымъ, гдѣ въ древности въ послѣднемъ слогѣ основы выпало ъ ь (-ъka, -ьka, -ьśa), а также существительнымъ на -ota и -oba, очень многимъ существительнымъ безъ суффикса съ приставкой и нѣкоторымъ отдѣльнымъ существительнымъ съ рѣдкимъ суффиксомъ или

безъ суфикса — во всѣхъ группахъ случаевъ, кромѣ первой, только при двухъ и болѣе слогахъ основы. Конечно, такой составъ существительныхъ I склоненія долготнаго типа аналогически значительно расширенъ по сравненію съ тѣмъ, что могло быть въ праславянскомъ языкѣ.

2) Подъ вліяніемъ прилагательныхъ существительныя I склоненія долготнаго типа съ односложной основой пріобрѣли нѣкоторыя исключительныя особенности. Въ связи съ этимъ находится возникновеніе свободнаго колебанія между долготнымъ и краткостнымъ типами у существительныхъ съ односложной основой, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ja и его фактическіе эквиваленты, а въ дальнѣйшемъ и нѣкоторыя исключительныя ударныя особенности этихъ существительныхъ.

3) Существительная I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой, если были твердаго типа, замѣнили долготный типъ краткостнымъ. Удареніе при этомъ осталось безъ всякихъ измѣненій.

4) Къ существительнымъ I склоненія долготнаго типа пристали нѣкоторыя существительныя, которыя раньше были прилагательными въ функціи существительныхъ или чувствовались какъ таковыя.

5) На словенской почвѣ I склоненіе долготнаго типа при двух-и-болѣе-сложной основѣ, если исключить изолированное g^{n}osp^{n}odêĩ (при g^{n}osp^{n}odêńa), исчезло совершенно.

§ 45. Сказанное о I склоненіи долготнаго типа имѣетъ одно очень любопытное слѣдствіе касательно ударенія.

Существительныя I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B нѣкогда были существительными I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой. Значитъ, тогда существительныя I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой имѣли всѣ однѣ и тѣ же ударныя особенности. Въ отношеніи чередованія сильнаго и слабаго ударенія они при этомъ ничѣмъ не отличались отъ существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ односложной основой — точно такъ же какъ въ томъ же отношеніи существительныя I склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой ничѣмъ не отличались отъ существительныхъ I склоненія долготнаго типа съ односложной основой.

Для дальнѣйшаго это чрезвычайно важно.

§ 46. Въ связи съ тѣмъ, что сказано о происхожденіи существительныхъ I склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B, умѣстно обратиться къ двумъ случаямъ, имѣющимъ съ ними общее.

1) Образованія Prt. Sg. Fm. на -ą̄la, -ı̄la -ē̄la и -a͡la < праславянск. -ala, гдѣ ударенія, въ противоположность образованіямъ Prt. Sg. Fm. на -ī̆a и -a͡la < праславянск. -ĕla, сильное, несомнѣнно, имѣли когда-то слогъ окончанія долгій, представляя полнѣйшую аналогію образованіямъ типа rob^{u}òta < rob^{u}òtā . . . Замѣна долготы краткостью должна объясняться дѣйствіемъ аналогіи.

На южно-славянской почвѣ мы имѣемъ совершенно недвусмысленное подтвержденіе — это уже упоминавшіяся словенск. hodīla, ļubīla, pisāla, drémāla . . . < hodilā, ļūbìlā, pīsàlā, drēmàlā . . . (въ словенскомъ языкѣ ˆ замѣнило м. п. устойчивое ударение на краткомъ слогѣ, если послѣдующій слогъ былъ дологъ).

2) Образованія Pl. NVA. Ntr. на -a, гдѣ ударение въ части случаевъ сильное, несомнѣнно, имѣли когда-то въ этихъ случаяхъ слогъ окончанія долгій. Замѣна долготы краткостью должна объясняться дѣйствіемъ аналогіи.

На южно-славянской почвѣ мы имѣемъ совершенно недвусмысленное подтвержденіе — это сербск. Берличъ (A. A. Шахматовъ) njȇdrà (= njȇdrā), kôlà (= kȍlā), stàdà (= stâdā), sêrdcà (= sȇrdcā) . . ., Ivšić dlītă, krīlă, plātnă, vīnă . . . (полудолгота въ послѣднемъ слогѣ въ силу долготы подъ ударениемъ), также sȇlā, rȇbrā . . ., словенск. lêta, zīma, sêdla, sêla, bȓda, kolẹ̑na, govẹ̑da . . . (въ словенскомъ языкѣ ˆ замѣнило м. п. устойчивое ударение на краткомъ слогѣ, если послѣдующій слогъ былъ дологъ).

II склоненіе долготнаго типа.

§ 47. Нельзя не обратить вниманія на полнѣйшее сходство въ ударении между существительными II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе- сложной основой группы B и существительными II склоненія

долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой. Для ясности примѣры:

Sg. NVA.	k^{u}orȅtk^{u}o	kāzàńē
G.	k^{u}orȅtka	kāzàńā
D.	k^{u}orȅtk^{u}u	kāzàńū
I.	k^{u}orȅtką	kāzàńīm
L.	k^{u}orȅtk^{u}ū	kāzàńū
Pl. NVA.	k^{u}orȅtka	kāzàńā
G.	k^{u}orȅtk, k^{u}orȅtk^{u}ōv	kōkàń, kāzàńı
D.	k^{u}orȅtkàm	kāzàńām
I.	k^{u}orȅtkamī	kāzàńamī
L.	k^{u}orȅtka⁄	kāzàńa⁄

(Du. нѣтъ).

Сходство это не можетъ быть случайнымъ, тѣмъ болѣе, что оно опирается на другое сходство: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ древности въ послѣднемъ слогѣ основы выпало ъ ь. Думается, что не слишкомъ смѣло утверждать, что всѣ существительныя II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B нѣкогда были существительными II склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой, а окончанія долготнаго типа смѣнили на окончанія краткостнаго типа по аналогіи. Само собою разумѣется, это заставляетъ утверждать, что нѣкогда долготный типъ могъ комбинироваться не только съ мягкимъ, но и съ твердымъ типомъ. Sg. NVA. k^{u}orȅtk^{u}o< k^{u}orȅtk^{u}ō, D. k^{u}orȅtka< k^{u}orȅtkā, D. k^{u}orȅtk^{u}u< k^{u}orȅtk^{u}ū и т. д.

Почему долготный типъ въ однихъ случаяхъ сохранился, а въ другихъ замѣнился краткостнымъ, догадаться легко. Долготный типъ сохранился въ комбинаціи съ мягкимъ типомъ и съ принадлежностью къ среднему роду—т. е. какъ разъ въ той комбинаціи, которая давала кое-какія совпаденія со склоненіемъ прилагательныхъ (Sg. NVA. -ē). А замѣнился краткостнымъ долготный типъ въ комбинаціи съ твердымъ типомъ или съ принадлежностью къ мужескому роду — т. е. какъ разъ въ той комбинаціи, которая никакихъ совпаденій со склоненіемъ прилагательныхъ не давала (Sg. N. Msc.— въ противоположность -ī, NVA. Ntr. -ō

въ противоположность -ę. Ясно: въ одной комбинаціи была поддержка со стороны прилагательныхъ, и это спасло долготный типъ, а въ другой комбинаціи этой поддержки не было, и это долготный типъ погубило.

Выставляя для прошлаго сѣверно-кашубской рѣчи формы типа $k^{u}or\bar{e}tk^{u}\bar{o}$ и т. д., мы тѣмъ самымъ принимаемъ обязательство разъяснить, откуда же могли въ этихъ формахъ взяться долготныя окончанія.

Если бы долготныхъ окончаній сѣверно-кашубская рѣчь вообще не сохранила, тогда въ разъясненіи этого вопроса мы находились бы на чрезвычайно непадежной почвѣ. Но она долготныя окончанія къ счастью сохраняетъ — это въ существительныхъ типа kāzàńē . . . Обычно долготныя окончанія въ этихъ случаяхъ объясняются изъ стяженія ь послѣдняго слога основы и гласнаго окончанія. О томъ, насколько несостоятельна мысль, будто ь могло участвовать въ стяженіяхъ, мы уже имѣли случай говорить. Указанное объясненіе, конечно, совершенно непріемлемо. Вмѣсто него надо выставить другое: дѣло несомнѣнно, въ томъ, что редукція краткихъ й ĭ до ъ ь и далѣе при извѣстныхъ условіяхъ, несомнѣнно, связывалась съ удлиненіемъ *послѣдующаго* слога. Если такъ, то объясненію доступны долготныя окончанія не только въ существительныхъ, восходящихъ къ праславянскимъ существительнымъ на -ьје, но и вообще въ существительныхъ, гдѣ въ древности въ послѣднемъ слогѣ основы выпало ъ ь.

На южно-славянской почвѣ мы имѣемъ совершенно недвусмысленное подтвержденіе — это сербск., съ одной стороны, чак. pérjē, pīćé, zelí . . . Мажураничъ grȍzdjē, pérjē, lȋstjē . . ., а съ другой стороны — чак. bogȃstvō, kunstvó, božanstvó, trojstvó . . ., Мажураничъ pògānstvō, djètinstvō, ljùdstvō, bózstvō . . ., словенск. ljudstvó, rojstvó . . . Замѣтимъ: въ чак. pérjē . . ., о какихъ-либо стяженіяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ j, раздѣлявшее ь и е, налицо.

Надо подчеркнуть, что происхожденіе долготныхъ окончаній въ I склоненіи и во II склоненіи совершенно различное. Это не только вообще, но и въ частности по отношенію къ существительнымъ I склоненія на -ka< -ъка -ька и -ća< -ьća, съ одной стороны, и суще-

ствительнымъ II склоненія на -k-, -c-, -stv- и -ē, съ другой стороны. Въ существительныхъ I склоненія на -ka < -ъka -ьka и -ć́a < -ьć́a долготныя окончанія надо понимать, по всей видимости, совсѣмъ не какъ результатъ замѣнительнаго удлиненія, а точно такъ же, какъ въ существительныхъ I склоненія типа rob^{u}òta... На это указываетъ то обстоятельство, что долготныхъ окончаній въ существительныхъ I склоненіе на -ka< -ъka -ьka и -ć́a< -ьć́a въ Sg. A., Pl. NV. и Du. NV. нѣтъ, точно такъ же, какъ въ существительныхъ I склоненія типа rob^{u}òta... Всѣ неясности разъясняются слѣдующимъ образомъ:

Sg. N.	какъ	ōrbòtā,	такъ и	doklādʒ̀kā < doklàdʒ̀kā
G.	»	ōrbòtȳ,	»	doklādʒ̀kȳ < doklàdʒ̀kȳ
D.	»	ōrbòtē,	»	doklādʒ̀ć́ē < doklàdʒ̀ć́ē
A.	»	ōrbòtǭ,	»	doklādʒ̀kǭ < doklàdʒ̀kǭ,
I.	»	ōrbòtojǫ,	»	doklādʒ̀kojǫ < doklàdʒ̀kojǫ
L.	»	ōrbòtē,	»	doklādʒ̀ć́ē < doklàdʒ̀ć́ē

и такъ далѣе.

§ 48. Исторія II склоненія долготнаго типа на сѣверно-кашубской почвѣ на основаніи всего сказаннаго рисуется въ слѣдующихъ чертахъ:

1) Первоначально II склоненіе долготнаго типа было свойственно гораздо бо̀льшему числу существительныхъ, чѣмъ нынѣ. Оно было свойственно всѣмъ существительнымъ II склоненія, гдѣ въ древности въ послѣднемъ слогѣ основы выпало ъ ь. Конечно, такой составъ существительныхъ II склоненія долготнаго типа аналогически значительно расширенъ по сравненію съ тѣмъ, что могло быть раньше.

2) Всѣ существительныя II склоненія долготнаго типа, кромѣ существительныхъ на -ē< -ьje, замѣнили долготный типъ краткостнымъ. Ударѐніе при этомъ осталось безъ всякихъ измѣненій.

§ 49. Сказанное о склоненіи долготнаго типа имѣетъ одно очень любопытное слѣдствіе относительно ударѐнія.

Существительныя II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой группы B нѣкогда были существительными II склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой. Значитъ, тогда существительныя II склоненія краткостнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной

основой имѣли всѣ одинъ и тѣ же ударныя особенности. Въ отношеніи чередованія сильнаго и слабаго ударенія они при этомъ ничѣмъ (если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя особенности Pl. NVA Nr.) не отличались отъ существительныхъ II склоненія краткостнаго типа съ односложной основой — точно такъ же какъ въ томъ же отношеніи существительныя II склоненія долготнаго типа съ двух-и-болѣе-сложной основой ничѣмъ не отличались отъ существительныхъ II склоненія долготнаго типа съ односложной основой.

§ 50. Вполнѣ возможно, что сѣверно-кашубская рѣчь знаетъ кое-какіе случаи, имѣющіе общее со случаями типа $k^{u}or\grave{e}tk^{u}o < k^{u}or\grave{e}tk^{u}\bar{o}$... Но дѣло обстоитъ такъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно объясненіе въ духѣ объясненія случаевъ типа $k^{u}or\grave{e}tk^{u}o < k^{u}or\grave{e}tk^{u}\bar{o}$ . . ., возможно и другое объясненіе. Аналогически утраченную долготу можно предполагать въ Du. Dl. на -ma<-ъma, -ьma; ср. -mâ у Ю. Крижанича (А. А. Шахматовъ). Однако тѣ явленія ударенія, которыя наводятъ на такое предположеніе, можно объяснять и просто приспособленіемъ формъ на -ma по ударенію къ параллельнымъ формамъ на -āma, -oma, -ema, -ima -ëma. Сохраненную, на почвѣ замѣнительнаго удлиненія возникшую долготу можно предполагать въ Sg. I. III склоненія на -ą̄ <-ьjǫ, ср. -jŷ у Ю. Крижанича (А. А. Шахматовъ). Однако въ условіяхъ тѣсной близости III склоненія къ I склоненію Sg. I. III склоненія на -ą̄ можно объяснять вліяніемъ со стороны I склоненія. Такіе случаи, какъ nòcą̄ < noť'ьjǫ (въ функціи нарѣчія), опредѣленно свидѣтельствуютъ, что въ Sg. I. -ьjǫ, по крайней мѣрѣ частично, давало краткое -ą. Что о Sg. I. III склоненія на -ą̄, то же и о Du. GL. III склоненія на -ū. О Pl. I. на -mī говорить не стоитъ, такъ какъ это вовсе не прямое продолженіе -ъmi, -ьmi, а результатъ контаминаціи с -ī изъ -ȳ, о чемъ свидѣтельствуетъ твердость m.

§ 51. Данное выше разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ морфологическаго характера позволяетъ обратиться къ обозрѣнію явленій сѣверно-кашубскаго ударенія по инымъ рубрикамъ, чѣмъ это было сдѣлано въ ч. I, съ тѣмъ чтобы, гдѣ возможно, установить еще не установленныя зависимости.

Изъ этого обозрѣнія исключаемъ все, что касается существитель-

ныхъ и прилагательныхъ остаточныхъ типовъ (§ 21). Мотивъ этого исключенія технической: пестрота ударныхъ особенностей этихъ существительныхъ и прилагательныхъ остаточныхъ типовъ чрезвычайно загромоздила бы изложеніе. Никакого зіяющаго пробѣла въ изложеніи это исключеніе не составитъ, такъ какъ почти во всемъ въ отношеніи ударенія эти существительныя и прилагательныя остаточныхъ типовъ близко сходствуютъ либо съ существительными нормальныхъ типовъ, либо съ прилагательными нормальныхъ типовъ. Спѣшимъ предупредить, что въ дальнѣйшемъ намъ все-таки представится случай заняться этими существительными и прилагательными остаточныхъ типовъ, такъ что пробѣлъ, каковъ-бы онъ ни былъ, окажется заполненнымъ.

Сильное и слабое ударенія въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ долгій или закрытый слогъ.

§ 52. Матеріалъ.

1) Сильное ударепіе.

I склоненіе краткостнаго типа: Sg. I, (-ą̄), L. мягкаго типа (-ī), Pl. G. на -ī, D. (-ām), I. на -mī, L. (-a⁄), Du. GL. (-ū).

I склоненіе долготнаго типа: Sg. N. (-ā), G. (-ē, *-ī), D. (-ī, *-ē), I. (-ą̄). L. (-ī, *-ē), Pl. G. на -ī, D. (-ām). I. на -mī, L. (-a⁄), Du. GL. (-ū), при одномъ слогѣ основы также Sg. A. (-ą̄), Pl. NV. (-ē), Du. NV. (-ī).

II склоненіе краткостнаго типа: Sg. L. 2 (-ū), Pl. G. на -ī и -ōv, D. (-ām, -ōm, -īm). I. на -ī и mī, L. (-a⁄, -e⁄, -i⁄ -ë⁄). Du. GL. (-ū), также, въ части случаевъ, Pl. NVA. Ntr. (*-ā).

II склоненіе долготнаго типа; Sg. NVA. Ntr. (-ē, *-ō), G. (-ā), D. (-ū), I. (-īm), L. (-ū), Pl. NV. Msc. (*-ī, *-ē), NVA. Ntr. (-ā), G. на -ī и -ōv. D. (-ām, -ōm, -īm), I. на -ī и -mī, L. (-a⁄, -e⁄, -i⁄ -ë⁄), Du. NV. Msc. (*-ā), GL. (-ū).

III склоненіе: Sg. I. (-ą̄), L. (-ī), Pl. G. на -ī, D. (-ām), I. на -mī, L. (-a⁄), Du. GL. (-ū).

Склоненіе прилагательныхъ: Sg. Msc.-Ntr. NV. Msc. (-ī), NVA. Ntr. (-ë), I. (-īm), L. (-īm), Sg. Fm. NV. (-ā). G. (-ē), D. (-ī),

A. (-ą̄), I. (-ą̄), L. (-ī), Pl. NV. Msc. (-ī), NV. Cmm. (-ē̄). GL. (-i̯ -ë̯), D. (-īm), Du. NV. Msc. (-ā), NV. Cmm. (-ē̄), GL. (-i̯ -ë̯).

Спряженіе глагола: Prs. Pl. 3 (-ą̄), II — IV Sg. 2 (-eš, -īš, -āš), III — IV Sg. 3 (-ī, -ā), Imp. IV. Sg. 2 (-āj). Prt. Sg. Fm. на *-aĭ̯ā, *-iĭ̯ā -ëĭ̯ā, *-oĭ̯ā.

Нарѣчія: нарѣчія-неопредѣленныя формы прилагательныхъ сравнит. степени (-ē̄), нарѣчія-неопредѣленныя формы глагола на -ec, -āc< -ej̯ac, -ą̄c, -ic, -ëc, -ac, если за с раньше не слѣдовало -ë, нарѣчія типа včerà, Ioní, tëdà . . .

2) Слабое удареніе — ни въ одномъ случаѣ.

§ 53. Приведенный въ предшествующемъ § матеріалъ позволяетъ выставить такое положеніе:

Въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ долгій или закрытый слогъ, ударение нѣкогда было послѣдовательно сильное.

Сильное и слабое ударенія въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ кратній открытый слогъ.

§ 54. Матеріалъ.

1) Слабое удареніе.

I склоненіе краткостнаго типа: Sg. NV. (-a), G. (-ë -i. -e), D. (-e, -i -ë), A. (-ą), L. твердаго типа (-e), Pl. NV. (-ë -i, -e), Du. NV. (-e, -i -ë).

I склоненіе долготнаго типа при двухъ и болѣе слогахъ основы. Sg. A. (-ą), Pl. NV. (-e, -ë -i), Du. NV. (-i -ë, -e).

II склоненіе краткостнаго типа: Sg. NVA. Ntr. (-o, -e), G. (-a, -u -ë), D. 1 (-u -ë), I. (-ą), L. 1 (-e, -u -ë), V. Msc. (-e, -u -ë), Pl. NV. Msc. 1 (-i -ë -e), Du. NV. Msc. (-a), NVA. Ntr. (-e, -i -e), образованія Sg. NV. на -ë -i, -ą, а также, въ части случаевъ, Pl. NVA. Ntr. (-a).

III склоненіе Sg. G. (-e), D. (-i -ë), Pl. NV. (-e), Du. NV. (-i -ë), образованія Sg. NVA. на -ë -i.

Спряженіе глагола: Prs. II — IV. Sg. 1 (-ą), I. Pl. 1 (-më), 2 (-ce), Du. 1 Msc. (-ma), Cmm. (-më), 2 — 3 Msc. (-ta), Cmm.

(-tė), Prt. Sg. Fm. на -Ī'a и *-aĪ'a, Ntr. (-o). Pl. Msc. (-ë), Cmm. (-ë).

Нарѣчія: нарѣчія - неопредѣленныя формы прилагательныхъ положительной степени (-e, -o, -ë), нарѣчія - неопредѣленныя формы глагола на -c, если за c раньше слѣдовало -ë (-c < -cë?), нарѣчія типа tą < tàm^{n}o, pròcëm < pròcëv^{n}u, jàk < jàk^{n}o, nòcą . . .

2) Сильное удареніе.

Prs. II. Sg. 3 (-e).

Нарѣчія типа tam^{n}ò, procm^{n}ù < procëv^{n}ù, jak^{n}ò, ńijàk^{n}o . . .

Du. DI. на -ma по ударенію слѣдуетъ за Du. DI. на -āma, -oma, -ema, -ima -ëma и не представляетъ самостоятельнаго интереса.

§ 55. Два указанныхъ въ предшествующемъ § случая сильнаго ударенія въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ краткій открытый слогъ, несомнѣнно, не могутъ претендовать на первоначальность.

1) Prs. II. Sg. 3 (-e) получило сильное удареніе, конечно, на основаніи отношенія типа zarȍbĪš : zarȍbĪ : zarȍbĪmé . . . = p^{n}otřĪmāš p^{n}otřĪmā : p^{n}otřĪmāmẽ . . . = dońèseš : x : dońèseme . . ., гдѣ x = dońèse.

2) Нарѣчія типа tam^{n}ò, procm^{n}ù < procëv^{n}ù, jāk^{n}ò . . . при tą < tam^{n}o, pròcëm < pròcëv^{n}u, jàk < jàk^{n}o . . . получили сильное удареніе, несомнѣнно, какъ результатъ ихъ абстракціи изъ какихъ-то ударныхъ объединеній стараго типа, примѣрно вродѣ tam^{n}ò-je, procm^{n}ù-je < procëv^{n}ù-je, jak^{n}ò-je . . . Что касается ńijàk^{n}o, то оно замѣнило болѣе раннее ńijak^{n}ò (NB: сохраненіе исходнаго -o!) въ результатѣ отношенія jaćĪ : jak^{n}ò = ńijàćĪ : x, гдѣ x = ńijàk^{n}o.

§ 56. Приведенный въ § 54 матеріалъ и данныя въ § 55 разъясненія позволяютъ выставить такое положеніе:

Въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ краткій открытый слогъ, удареніе нѣкогда было послѣдовательно слабое.

Сильное и слабое удареніе въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога.

§ 57. Матеріалъ.

1) Сильное удареніе.

Существительныя: Sg. D. 2 сущ. II склоненія (-ovĭ, -evĭ), Pl. NV. 2 сущ. II склоненія (-ové, -evé), Du. DI. (-āma, -oma, -ema, -ima -ėma)— если и во всѣхъ прочихъ формахъ сильное удареніе.

Прилагательныя: Sg. Msc.-Ntr. G. (-ēγ^{n}o), D. (-ēm^{n}o), Du. DI. (-ėma -ima).

Глаголъ: Prs. II—IV. Pl. 1 (-emė, -īmė, -āmė), 2 (-ece, -īce, -āce), Du. I. Msc. (-ema, -īma, -āma), Cmn. (-emė, -imė, -āmė), 2—3 Msc. (-eta, -īta, -āta), Cmn. (-etė, -ītė, -ātė).

Нарѣчія: нарѣчія-неопредѣленныя формы глагола на -ec, -āc< ej|ac, -ą̄c, -ic -ėc, -ac, если за с ранѣе слѣдовало -ė (-ec<-ecė? -āc<-ej|ac<ej|acė?, -ą̄c<-ą̄cė?, -ic -ėc<-icė, -ėcė?, -ac< -acė?).

2) Въ большинствѣ діалектовъ сильное удареніе, но въ словинскихъ — слабое.

Существительныя: Sg. D. 2 сущ. II склоненія (-ovi, -evi), Pl. NV. 2 сущ. II склоненія (-ové, -evé), Du. DI. (-āma, -oma, -ema, -ima -ėma), — если въ прочихъ формахъ налицо чередованіе сильнаго и слабаго удареній.

Pl. I. на -amī по ударенію слѣдуетъ за Pl. I. на -ī (и -mī) и не представляетъ самостоятельнаго интереса. Pl. I. на -ėmī -imī у прилагательныхъ по ударенію ничѣмъ не отличается отъ другихъ формъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога. Долгое -ī въ составѣ окончаній -amī и -ėmī -imī — результатъ контаминаціи съ -ī изъ -ȳ (какъ и долгое -ī въ составѣ окончанія -mī). Участіе -ī изъ -ȳ въ образованіи окончанія -amī (какъ и въ образованіи окончанія -mī) вполнѣ объясняетъ несамостоятельность ударенія при этомъ окончаніи.

Замѣтимъ: если исключить -amī и -ėmī -imī, гдѣ долгота послѣдняго слога двухсложнаго окончанія не первоначальная, то во всѣхъ двухсложныхъ окончаніяхъ послѣдній слогъ краткій.

§ 58. Если бы не нѣкоторыя словинскія явленія, можно бы просто сказать, что въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, ударенія нѣкогда было послѣдовательно сильное. Но словинскія явленія требуютъ своего объясненія, и дѣло оказывается сложнѣе.

Путь къ объясненію словинскихъ явленій — допущеніе, что въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, удареніе нѣкогда было послѣдовательно сильное и *притомъ основное*, хотя бы въ другихъ формахъ сильное удареніе и было конечнымъ.

Безъ измѣненій такое удареніе мы видимъ: въ существительныхъ, если во всѣхъ прочихъ формахъ удареніе сильное и притомъ основное (čl̃ovèčkⁿovi, čl̃ovèčkⁿove, čl̃ovèčkⁿoma); въ прилагательныхъ, если во всѣхъ прочихъ формахъ удареніе сильное основное (vⁿol̃òvēγⁿo, vⁿol̃òvēmⁿu, vⁿol̃òvēmī съ аналогическимъ -ī, vⁿolòvëma); въ глаголѣ (dońèsemë, dońèsece, dońèsema, dońèsemë, dońèseta, dńèsetë и т. п.); въ нарѣчіяхъ-неопредѣленныхъ формахъ глагола на -ec, -āc < -ej|ac, -ą̄c, -ic -ëc, -ac, если за с раньше слѣдовало -ë (-ec < -есё?, -āc < -ej ac < -ej|acё?, -ą̄c < -ą̄cё?, -ic -ëc < -ice -ёсё?, -ac < -acё?).

Замѣну сильнаго основнаго ударенія сильнымъ конечнымъ, какъ результатъ выравнительнаго процесса, мы видимъ: въ существительныхъ, если во всѣхъ прочихъ формахъ удареніе сильное и притомъ конечное (*toń̃ama вм. *tòń̃ama подъ вліяніемъ toń̃à, toń̃è, toń̃ì и т. д.); въ прилагательныхъ, если во всѣхъ прочихъ формахъ удареніе сильное конечное (novèγⁿo, novèmⁿu, novèmī съ аналогическимъ -ī, novèma вм. *nòvēγⁿo, *nòvēmⁿu, *nòvëmī съ аналогическимъ -ī, *nòvëma подъ вліяніемъ novì, novìm и т. д.).

Въ существительныхъ съ подвижнымъ удареніемъ должны были имѣть мѣсто явленія болѣе сложныя. Выяснить ихъ удобнѣе всего на примѣрахъ.

Исходить надо изъ такого состоянія:

	Съ одной стороны:		Съ другой стороны:
Sg. N.	vⁿòl	—	są̄sād
G.	vⁿòl̃a	dò-vⁿola	są̄sada

		Съ одной стороны.	Съ другой стороны.	
D.	1	v^{u}òl̃ë	p^{u}ò-v^{u}ol̃ë	są̀sadë
	2	*v^{u}òl̃ovi	*p^{u}o-v^{u}òl̃ovi	*są̀sàdovi
A.		= G.	= G.	= G.
I.		v^{u}òl̃ą	zà-v^{u}ol̃ą	są̀sādą
L.	1	v^{u}òle	nà-v^{u}ole	są̀seʒe
	2	zv́eřū	na-zv́èřū	zl̃oʒèjū
V.		v^{u}òle	—	są̀seʒe

и такъ далѣе.

Обратимъ вниманіе: въ Sg. D. 2 *v^{u}òlovi ударѐніе, хотя, въ виду Sg. D. 2 *p^{u}o-v^{u}òl̃ovi, и являлось сильнымъ, но вещественно ничѣмъ не отличалось отъ ударѐнія въ Sg. G. v^{u}òl̃a, D. 1 v^{u}òl̃ë, I. v^{u}òl̃ą, L. 1 v^{u}òle, V. v^{u}òle и рѣзко противостояло ударѐнію въ Sg. L. 2 zv́eřū, а тѣмъ самымъ легко могло быть сочтено за слабое; въ Sg. D. 2 *p^{u}o-v^{u}òl̃ovi и въ Sg. D. 2 są̀sàdovi ударѐніе было опредѣленно сильное — оно ничѣмъ не отличалось отъ ударѐнія въ Sg. L. 2 zl̃oʒèjū и рѣзко противопостояло ударѐнію въ Sg. G. dò-v^{u}ol̃a, D. 1 p^{u}ò-v^{u}ol̃ë, I. zà-v^{u}ol̃ą, L. 1 nà-^{u}v^{u}ole и въ Sg. G. są̀sada, D. 1 są̀sadë, I. są̀sadą, L. 1 są̀seʒe, V. są̀seʒe. Въ этой обстановкѣ неизбѣжно должны были возникнуть извѣстныя колеба̀нія, и вотъ, въ большинствѣ діалектовъ, какъ Sg. D. 2 p^{u}o-v^{u}òl̃ovi при Sg. L. 2 na-zv́eřū и Sg. D. 2 są̀sàdovi при Sg. L. 2 zl̃oʒèjū, такъ и Sg. D. 2 v^{u}ol̃òvi (вм. *v^{u}òl̃ovi) при Sg. L. zv́eřū, а въ словинскихъ діалектахъ, какъ Sg. D. 2 v^{u}òl̃ovi при Sg. G v^{u}òl̃a и т. д., такъ и Sg. D. 2 p^{u}ò-v^{u}ol̃ovi (вм. *p^{u}o-v^{u}òl̃ovi) при Sg. G. dò-v^{u}ol̃a и т. д. и są̀sadovi (вм. *są̀sàdovi) при Sg. G. są̀sada и т. д. Въ большинствѣ діалектовъ сильное ударѐніе, конечное или основное — смотря по другимъ формамъ, но въ словинскихъ діалектахъ слабое ударѐніе.

§ 59. Думается, что мы не ошибемся, если выставимъ такое положѐніе:

Въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, ударѐніе нѣкогда было послѣдовательно сильное *и притомъ основное.*

Сильное и слабое удареніе въ формахъ съ окончаніемъ, не составляющимъ слога.

§ 60. Матеріалъ.

1) Сильное удареніе.

Sg. N. Msc. II склоненія, — если и во всѣхъ прочихъ формахъ сильное удареніе.

Pl. G. съ нулевымъ окончаніемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ.

2) Слабое удареніе.

Sg. N. Msc. II склоненія,—если въ прочихъ формахъ налицо чередованія сильнаго и слабаго ударенній.

Sg. NVA. III склоненія.

Pl. G. на -ąt| — и -ovĭc, -evĭc.

Глаголъ: Prs. I Sg. 1 (-m), 2 (-s, -š), 3 (—), Imp. I — III Sg. 2 съ нулевымъ окончаніемъ, Prt. Sg. Msc. (—).

Нарѣчія: нарѣчія - неопредѣленныя формы глагола на -c, если за -c раньше не слѣдовало -ë.

Замѣтимъ: если исключить форму -jc, то во всѣхъ случаяхъ основы находитъ на долгій или закрытый слогъ.

§ 61. Представленная въ предшествующемъ § картина такова, что такъ или иначе подойти къ первоначальному состоянію *пока* не представляется никакой возможности.

Въ Sg. N. Msc. сущ. II склоненія — опредѣленнѣйшимъ образомъ приспособленіе по ударенію къ большинству формъ Sg., каковое большинство формъ Sg., если налицо чередованіе сильнаго и слабаго ударенній, имѣетъ слабое удареніе.

Въ Pl. G. съ нулевымъ окончаніемъ — опредѣленнѣйшимъ образомъ приспособленіе по ударенію къ большинству формъ Pl., каковое большинство формъ Pl., если налицо чередованіе сильнаго и слабаго ударенній, имѣетъ сильное удареніе. Слѣды болѣе ранняго состоянія только въ Pl. G. на -ąt| и -ovĭc, -evĭc.

Въ Prs. I Sg. 1—3 — опредѣленнѣйшимъ образомъ приспособленіе по ударенію къ прочимъ формамъ Prs. I. dońèsè : dońèse : dońèsemë. .

= zarò̀bi̯ŝ : zarò̀bi̯ : zarò̀bĭmĕ. . . = pⁿotr̀̆mās̀ : pⁿotr̀̆mā : pⁿotr̀̆mātmĕ . . . = x : y : pⁿòv̀ẽsmĕ . . ., гдѣ x = pⁿòv̀ẽs, y = pⁿòv̀ẽ, при которыхъ и pⁿòv̀ẽm.

Въ Imp. I—III. Sg. 2 съ нулевымъ окончаніемъ — опредѣленнѣйшимъ образомъ приспособленіе по ударенію въ Imp. I — III. Sg. 2 на -ı -ė (нулевое окончаніе и -i -ė сплошь и рядомъ чередуются).

Въ Prt. Sg. Msc. — опредѣленнѣйшимъ образомъ приспособленіе по ударенію къ большинству формъ Prt., а при суффиксахъ -Ĭ- || -l- и āĭ- || -aĭ-el- < праславянск. -ĕl- и ко всѣмъ прочимъ формамъ Prt.

Нарѣчія-неопредѣленныя формы глагола на -c не представляютъ, отдѣльно взятыя, надежнаго матеріала для тѣхъ или иныхъ построеній, такъ какъ -c можетъ восходить и къ -cĕ, окончанію, составляющему одинъ краткій открытый слогъ.

Удивительная склонность формъ съ окончаніемъ, не составляющимъ слога, къ приспособленію по ударенію къ другимъ формамъ должна, конечно, имѣть свою опредѣленную причину.

Первоначальное состояніе и причину, вызвавшую приспособленіе по ударенію къ другимъ формамъ, выяснить удастся только гораздо ниже.

Сильное конечное и сильное основное ударенія.

§ 62. Матеріалъ.

1) Сильное конечное ударѐніе въ формахъ съ основой, составляющей одинъ короткій слогъ, сильное основное ударѐніе въ формахъ съ основной, составляющей одинъ долгій слогъ или два и больше слоговъ, считая приставку, предлогъ, отрицаніе и т. п. въ составѣ основы, — исключая формы съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, гдѣ первоначально только сильное основно̀е ударѐніе.

Существительныя I склоненія краткостнаго типа.

Существительныя I склоненія долготнаго типа (ср. § 42).

Существительныя II склоненія краткостнаго типа.

Существительныя III склоненія.

Imp. IV. Sg. 2 (-āj).

včerà, ĭoúĭ, tĕdà.

2) Иныя явленія:

Существительныя II склоненія долготнаго типа: только сильное основное удареніе.

Прилагательныя: сильное конечное удареніе въ формахъ съ основой, составляющей одинъ краткій слогъ, и сильное удареніе въ формахъ съ основой, составляющей одинъ долгій или два и больше слоговъ, приставки, предлога, отрицанія и т. п. въ составѣ основы не считая, съ наклонностью къ замѣнѣ сильнаго конечнаго ударенія сильнымъ основнымъ,— исключая формы съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, гдѣ первоначально только сильное основное удареніе.

Prs.: только сильное основное удареніе.

Prt. Sg. Fm. на -ą̄|a, -i̯ē|a -ë̄|a, -a̯ē|a изъ -ą̄|ā, -i̯ē|ā -ë̄|ā, -a̯ē|ā: только сильное основное удареніе.

Нарѣчія - неопредѣленныя формы прилагательныхъ сравнительной степени (-ē̄): въ большинствѣ діалектовъ сильное конечное удареніе, въ діалектѣ Oxhöfter Kämpe сильное основное удареніе.

Нарѣчія - неопредѣленныя формы глагола на -ec, -āc < -ej|ac, -ą̄c, -ic -ëc, -ac: только сильное основное удареніе.

§ 63. Къ матеріалу, приведенному въ предшествующемъ §, нужны слѣдующія разъясненія.

1) Знакомство существительныхъ II склоненія долготнаго типа только съ сильнымъ основнымъ удареніемъ нельзя разсматривать какъ явленіе первоначальное. Первоначально этимъ существительнымъ были свойственны тѣ же особенности, что и всѣмъ остальнымъ (*ṕisc̀ē, ṕisc̀ā, ṕisc̀ī̆ и т. д.). Утрату сильнаго конечнаго ударенія надо разсматривать въ связи съ отглагольностью большинства существительныхъ на -ē̄. Только сильное основное удареніе въ Prs., въ Prt. и въ нарѣчіяхъ-неопредѣленныхъ формахъ глагола — а потому только сильное основное удареніе въ существительныхъ на -ē̄.

2) Явленія, имѣющія мѣсто въ прилагательныхъ, чрезвычайно близко напоминаютъ явленія, имѣющія мѣсто въ существительныхъ. Отличіе, во первыхъ, въ томъ, что сложеніе съ приставкой, предлогомъ, отрицаніемъ и т. п. на удареніе не вліяетъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что имѣется наклонность къ замѣнѣ сильнаго конечнаго ударенія сильнымъ основнымъ. Отличіе въ одномъ направленіи и отличіе въ другомъ напра-

вленіи не первоначальны и одно съ другимъ связаны. Первоначально было, напримѣръ, čèstĭ, но pŕečèstĭ, na-čèstĭ, ńe-čèstĭ. Отсюда, съ одной стороны, čëstĭ и рядомъ съ нимъ pŕečëstĭ, na-čëstĭ, ńe-čëstĭ (былякск.), а съ другой стороны, pŕečèstĭ, na-čèstĭ, ńe-čèstĭ и рядомъ съ нимъ čèstĭ (словинск.). Ср. taćĭ, jaćĭ — ńijàćĭ.

Прилагательныя въ функціи существительныхъ на -ovā, -evā, означающія самку по самцу, мужчину по женщинѣ, вродѣ Barnŏvà, zajcĕvà. . ., получили сильное конечное ударепіе, несомнѣнно, какъ результатъ ихъ абстракціи изъ какихъ-то ударныхъ объединеній стараго типа.

3) Знакомство Prs. только съ сильнымъ основнымъ удареніемъ надо разсматривать какъ явленіе не первоначальное. Первоначально Prs. были свойственны тѣ же особенности, что и другимъ образованіемъ (rob̀ĭš, rob̀ĭ и т. п.). Утрата сильнаго конечнаго ударенія совершенно понятна zarò|bĭš:zarò|bĭ:zarò|bīmĕ. . . =x:y:rò|b̀imĕ, гдѣ x=rò|bĭš, y=rò|b̀ĭ.

4) Въ Prt. Sg. Fm. на -ą̃|ĭ|a, -i|ĭ|a -ë|ĭ|a, -a|ĭ|a изъ -ą̃|ĭ|ā, -i|ĭ|ā -ë|ĭ|ā, -a|ĭ|ā основа обычно составляетъ два и больше слоговъ (кромѣ слога приставки, слогъ корня и слогъ суфикса) и очень рѣдко одинъ слогъ — это только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ корнѣ въ древности выпало ъ ь, и притомъ внѣ сложенія съ приставкой. Въ этой обстановкѣ немудрено, что особенности формъ съ двухъ-и-болѣе-сложной основой получили полное обобщеніе.

5) То обстоятельство, что удареніе въ нарѣчіяхъ-неопредѣленныхъ формахъ прилагательныхъ сравнительной степени одно въ большинствѣ діалектовъ, а другое въ діалектѣ Oxhöfter Kämpe, должно пониматься въ томъ смыслѣ, что удареніе ни тутъ, ни тамъ не первоначально. Первоначально было, конечно, vèšĭ. . . (и такъ вообще въ формахъ съ односложной основой, такъ какъ слогъ, предшествующей -ĕ, въ данныхъ образованіяхъ всегда кратокъ), но p^{n}ostàvńĕ. . . (и такъ вообще въ формахъ съ двух-и-болѣе-сложной основой). Появленію p^{n}ostavńè. . . въ большинствѣ діалектовъ немало содѣйствовало сосѣдство p^{n}ostavńèšĭ. . . — это сосѣдство легко создавало приспособленія по ударенію.

6) Нарѣчія—неопредѣленныя формы глагола на -ec, -ac < -ej|ac, -ą̃c, -ic -ëc, -ac не представляютъ надежнаго матеріала для тѣхъ или иныхъ построеній, такъ какъ -ec, -ãc < -ej|ac, -ą̃c, -ic -ëc, -ac

могутъ восходить и къ -есё, -ej|acё, -ą̄cё, -icё -ёcе, -ace, окончаніямъ, составляющимъ два слога (въ этомъ случаѣ первоначально могло быть только сильное основное удареніе).

§ 64. Положеніе:

Сильное конечное удареніе — въ формахъ съ основой составляющей одинъ краткій слогъ, сильное основное удареніе — въ формахъ съ основой, составляющей одинъ долгій слогъ или два и болѣе слоговъ, считая приставку, предлогъ, отрицаніе и т. п. въ составѣ основы, — исключая формы съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, гдѣ первоначально только сильное основное удареніе.

§ 65. Соберемъ теперь воедино тѣ положенія, къ которымъ мы пришли по отношенію къ сильному и слабому удареніямъ въ формахъ съ основой, составляющей одинъ долгій или закрытый слогъ (§ 53), по отношенію къ сильному и слабому удареніямъ въ формахъ съ основой, составляющей одинъ краткій открытый слогъ (§ 55), по отношенію къ сильному и слабому удареніямъ въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога (§ 59), и по отношенію къ сильному конечному и сильному основному удареніямъ (§ 64), примѣряясь съ неопредѣленностью вопроса о сильномъ и слабомъ удареніяхъ въ формахъ съ окончаніемъ, не составляющимъ слога. Обозначая долгій слогъ знакомъ ¯, краткій слогъ знакомъ ˘, а закрытый послѣдній въ словѣ (долгій или краткій) слогъ знакомъ ˜, мы наши положенія можемъ передать въ слѣдующихъ графическихъ символахъ:

Окончаніе. / Основа:	a. Одинъ долгій или закрытый слогъ.	b. Одинъ краткій открытый слогъ.	c. Два слога.
1. Одинъ краткій слогъ	˘ | ˜ (1a)	˘ | ˘ (1b)	˘ | ˜ ˘ (3b)
2 Одинъ долгій слогъ	¯ | ˜ (2a)	¯ | ˘ (2b)	¯ | ˜ ˘ (3b)
3. Два и болѣе слоговъ	˜ ˘ | ˜ (3a)	˘ ˜ | ˘ (3b)	˜ ˘ | ˜ ˘ (3b)

Съ этими графическими символами мы сдѣлаемъ вотъ что. Забудемъ о грани между основой и окончаніемъ и взглянемъ на эти графическіе символы внѣ всякой морфологизаціи ударенія. Получится:

Послѣдній слогъ слова: / Предшествующіе слоги слова:	a. Долгій или закрытый слогъ.	b Краткій открытый слогъ.
1. Одинъ краткій слогъ:	◡ ⏑ (1a)	⏑ ◡ (1b)
2. Одинъ долгій слогъ.	⏑ ˉ (2a)	⏑ ◡ (2b)
3. Два и болѣе слоговъ	* ⏑ ~ (3a)	⏑ ~ ◡ (3b, 1c, 2c, 3c)

(Въ скобкахъ подъ каждымъ графическимъ символомъ въ обѣихъ таблицахъ даны ссылки на другую таблицу).

Далѣе, только что полученные графическіе символы мы можемъ обратно передать въ слѣдующемъ положеніи:

Если послѣдній слогъ слова былъ долгій или закрытый, и ему предшествовалъ одинъ краткій слогъ, удареніе падало на послѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ долгій или закрытый, и ему предшествовалъ одинъ долгій слогъ или нѣсколько слоговъ, удареніе падало на предпослѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ краткій открытый, удареніе падало на третій отъ конца слогъ слова (или, за недостаткомъ такового, на первый).

Не забудемъ однако: въ неопредѣленномъ положеніи находится еще вопросъ о сильномъ и слабомъ удареніяхъ въ формахъ съ окончаніемъ, не составляющимъ слога.

§ 66. Попробуемъ къ формамъ съ окончаніемъ, не составляющимъ слога, приложить полученное въ предшествующемъ § сводное положеніе — и по отношенію къ этимъ формамъ все разъяснится.

Для существительныхъ II склоненія краткостнаго типа надо исходить изъ такого состоянія:

		Съ одной стороны:	Съ другой стороны:
Sg. N.		*zĪòʒëj	*sąsād
G.		zlòʒeja	sąsada
D.	1	zĪòʒeju	sąsadë
	2	*zĪoʒèjovi	*sąsàdovi
I.		zĪòʒeja	sąsadą
L.	1	—	sąseʒe
	2	zĪoʒèjū	—
V.		zĪòʒeju	sąsadu
Pl. NV.	1	zĪòʒeji	sąseʒë
	2	*zĪoʒèjove	*sąsàdove
G.		*zĪoʒèj	*sąsād
D.		zĪoʒèjīm	sąsàdōm
I.		zĪoʒèjī	sąsàdī
L.		zĪoʒèji⁄	sąsèʒe⁄

и такъ далѣе.

Обратимъ вниманіе: въ Sg. N. въ одномъ случаѣ (*sąsād) ударение то же, что̀ въ большинствѣ прочихъ формъ Sg., а въ другомъ случаѣ (*zĪoʒëj) — иное; въ Pl. G. въ одномъ случаѣ (*zĪoʒèj) ударение то же, что̀ въ большинствѣ прочихъ формъ Pl., а въ другомъ случаѣ (*sąsād)— иное. Въ этой обстановкѣ неизбѣжно должно было возникнуть извѣстное колебаніе и далѣе обобщеніе, направленіе котораго предопредѣлялось вліяніемъ со стороны большинства смежныхъ формъ. И вотъ, въ Sg. N., какъ sąsād, такъ и zĪòʒëj, а въ Pl. G., какъ zĪoʒèj, такъ и sąsàd. Слѣды болѣе ранняго состоянія только въ Pl. G. на -ąt|— и на -ovic|— -evic|—

Изъ подобнаго же состоянія надо исходить и въ другихъ случаяхъ.

§ 67. Въ нашихъ рукахъ, наконецъ, единый строгій фонетическій законъ, дѣйствовавшій въ сѣверно-кашубской рѣчи въ далекомъ прошломъ. Вотъ онъ:

Если послѣдній слогъ слова былъ долгій или закрытый, и ему

предшествовалъ одинъ краткій слогъ, удареніе падало на послѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ долгій или закрытый, и ему предшествовалъ одинъ долгій слогъ или нѣсколько слоговъ, удареніе падало на предпослѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ краткій открытый, удареніе падало на третій отъ конца слогъ слова (или, за недостаткомъ такового, на первый).

§ 68. Съ точки зрѣнія установленнаго только что закона удобно пересмотрѣть явленія ударенія въ существительныхъ и прилагательныхъ остаточныхъ типовъ, которыхъ мы въ ч. II пока не трогали.

Подъ установленный законъ здѣсь подходитъ почти все и притомъ въ удивительной чистотѣ. Особыя замѣчанія нужны только для слѣдующихъ случаевъ.

1) Мы ожидали бы Pl. I. *namĭ, *vamĭ, *jimĭ, *tëmĭ, *třemĭ, а находимъ nàmĭ, vàmĭ, jìmĭ, tȅmĭ, třȅmĭ. Мы ожидали бы Du. GL. *najŭ, *vajŭ, а находили nàjū, vàju. Мы ожидали бы Du. DI. p^{u}ò-nama, *p^{u}ò-vama, *p^{u}ò-ńima, *p^{u}ò-tëma, *p^{u}ò-dv́ema, *v^{u}òb̀ema, а находимъ p^{u}o-nàma, p^{u}o-vàma, p^{u}o-ńìma, p^{u}o-tȅma, p^{u}o-dv́ȅma, v^{u}ob̀ȅma. Тутъ, при первомъ взглядѣ на парадигмы, очевидно дѣйствіе выравнительнаго процесса.

2) Мы ожидали бы Sg. G. *do-ńȇ, *dō-tȇ, D. *p^{u}o-ńĭ, *p^{u}o-tĭ, A. na-ńą̇, а находимъ Sg. G. dò-ńē, dò-tȇ, D. p^{u}ò-ńī, p^{u}ò-tī, A. nà-ńą̇. Трудно сомнѣваться что рядъ формъ Sg. G. dò-ńȇ, dò-tȇ, D. p^{u}ò-ńī, p^{u}ò tī, D. nà-ńą̇, nà-tą̇, I. za-ńą̇, za-tą̇, L. na-ńĭ, na-tĭ ударяется по образцу ряда формъ Sg. G. dò-ńeγ^{u}o, D. p^{u}ò-ńem^{u}u, A. nà-ńeγ^{u}o, I. za-ńĭm, L. na-ńĭm.

Ṕinc nà-ṕinc, šesc nà-šesc, sedem, v^{u}òsem žėv́inc, žėsinc... ударяются, какъ Sg. NVA. существительныхъ III склоненія.

§ 69. Съ установленнымъ только-что закономъ интересно сравнить ядро ученія Mikkol'ы, которое освобождается, если изъ этого ученія устранить все, что оріентируется на прасловянское мѣсто ударенія.

Ядро ученія Mikkol'ы, напомнимъ, таково:

Если отвлечься отъ явленій аналогической природы, то удареніе въ сѣверно-кашубской рѣчи падаетъ на третій отъ конца слогъ слова, а

если послѣдній слогъ въ прасловянскую пору былъ долгій, то на второй отъ конца (предпослѣдній) слогъ слова. Выпавшіе гласные (ъ ь, съ одной стороны; і ё, съ другой) идутъ въ счетъ наравнѣ съ другими гласными; стянувшіеся гласные принимаются за два отдѣльныхъ гласныхъ.

По поводу этого ядра ученія Mikkol'ы надо прежде всего сказать, что оно оставляетъ совершенно неосвѣщеннымъ вопросъ объ удареніи на послѣднемъ слогѣ слова — пробѣлъ чрезвычайно крупный. Почему Mikkol'а не въ состояніи объяснить ударенія на послѣднемъ слогѣ слова, совершенно понятно. Mikkol'а настаиваетъ на томъ, что сѣверно-кашубское удареніе въ существенномъ установилось еще до выпаденія ъ ь. Разъ такъ, то всѣ случаи, гдѣ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ слова закрытый, для Mikkol'ы чрезвычайно трудны. Приходится оперировать не надъ явленіями, которыя можно символизировать черезъ $\breve{} \acute{}$, а надъ явленіями, которыя можно символизировать черезъ $\breve{} \breve{} -$ (въ послѣднемъ слогѣ ъ ь),— а удареніе тутъ съ точки зрѣнія ядра ученія Mikkol'ы совершенно непонятное. Вмѣстѣ со случаями, гдѣ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ слова закрытый, для Mikkol'ы чрезвычайно трудны и случаи, гдѣ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ слова долгій открытый: тѣхъ и другихъ случаевъ другъ отъ друга не оторвать.

Изъ сказаннаго ясно, что надо энергичнѣйшимъ образомъ опротестовать мысль Mikkol'ы, что ъ ь идутъ въ счетъ наравнѣ съ другими гласными. Вотъ і ё — другое дѣло. Къ мысли Mikkol'ы, что стянувшіеся гласные принимаются за два отдѣльныхъ гласныхъ, надо отнестись съ извѣстной осторожностью. Положеніе вещей таково, что объясненіе достигается одинаково полно и внѣ мысли Mikkol'ы.

Въ ядрѣ ученія Mikkol'ы многое вѣрно, но кое-что, какъ видно, невѣрно. Mikkola безусловно предчувствовалъ истину.

§ 70. Остались еще нѣкоторые комментаріи объяснительнаго характера къ переходу отъ первоначальнаго единаго строгаго фонетическаго закона къ современному многообразію явленій.

Въ наше время и въ теченіе извѣстнаго промежутка времени въ прошломъ сѣверно-кашубское удареніе есть и было *морфологизированнымъ* удареніемъ.

Въ первоначальномъ своемъ состояніи, въ эпоху дѣйствія извѣст-

наго намъ единаго строгаго фонетическаго закона, сѣверно-кашубское удареніе было *фонетизованнымъ* удареніемъ, вродѣ польскаго, но съ бо̀льшей сложностью явленій.

Несомнѣнно, гдѣ-то въ прошломъ былъ переломъ въ оцѣнкѣ явленій ударенія со стороны говорящихъ, гдѣ-то въ прошломъ эмоціи одного порядка замѣнились эмоціями другого порядка. Сначала были эмоціи ударенія на послѣднемъ слогѣ слова, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ слова, ударенія на третьемъ отъ конца слогѣ слова, а потомъ возникли эмоціи ударенія на окончаніи, ударенія на послѣднемъ слогѣ основы, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы (въ части діалектовъ и ударенія на первомъ слогѣ основы).

Переломъ въ оцѣнкѣ явленій ударенія со стороны говорящихъ долженъ былъ, конечно, опираться на что-нибудь объективное. Вполнѣ достаточными для возникновенія этого перелома считаю первые сдвиги въ направленіи выравненія ударенія по признаку принадлежности слоговъ къ тому или иному морфологическому элементу слова—появленіе какого-нибудь неподвижнаго по отношенію къ концу основы ударенія прилагательныхъ или существительныхъ II склоненія долготнаго типа. А при сложности первоначальнаго единаго строгаго фонетическаго закона сдвиги эти были неизбѣжны.

Дополненіе.

§ 71. Въ одинъ изъ сѣверно-кашубскихъ діалектовъ (въ діалектѣ Lusin-Schönwalde) мы находимъ одно чрезвычайно своеобразное явленіе: слогъ съ ā, по крайней мѣрѣ для уха Bronisch'a, здѣсь либо получаетъ «второе въ словѣ» удареніе, либо перетягиваетъ на себя удареніе. О томъ, что̀ слышалъ Bronisch, сужу по его записямъ въ T. (въ S. на этотъ счетъ ничего нѣтъ). Вотъ примѣры, переписанные въ принятой нами транскрипціи. «Второе въ словѣ» удареніе на -ā: pⁿovàdà 66 (3 раза), 68, pⁿòkàžą 66, nàkàzāĭ 66, kⁿòvàla 67 (2 раза), spřèvàząĭ 67, vⁿúʒvàcĭĭ 68, famĭlëjà 68, srà̀rà 69. Перетяженіе ударенія на слогъ съ ā: nalāz, vëlàz 66 вм. nàlāz, vèlāz, kⁿovàl 66 (3 раза), 67 (2 раза) вм. kⁿòvāl, zarà̀z 67 (3 раза), 68, 69 (2 раза),

70 вм. zàràz, ńeśkà 67 вм. ńèśkā, v^{n}uzëbńenà 67 вм. v^{n}uzëbńènā, p^{n}ovàdaĭ 68 вм. ожидаемаго въ этомъ діалектѣ p^{n}ovādaĭ, vèśćà 68 (2 раза) ср. vèśćēγ^{n}o ibid. smątàŕ 68 вм. smątāŕ, v^{n}uvleklà (отглаг. прилаг.) 68 вм. v^{n}uvlèklā, zvlekĭà (отглаг. прилаг.) 68 вм. zvlèkĭā, drëgà 69 ср. drē̋ǯī ibid. и drē̋ǯēγ^{n}o idid. и 70, tŕecà 69 ср. tŕècī 68 и tŕècēγ^{n}o 69, pŕëdà 69 вм. pŕëdā, krōlevà 70 ср. krōlèvā ibid. — Другіе долгіе гласные (а также ā въ исходномъ -āĭ — это исходное сочетаніе въ Lisin-Schönwalde'скомъ діалектѣ переходилось въ -ūl) подобныхъ явленій не вызываютъ. Ставлю это въ связь съ тѣмъ, что ā въ Lusin-Schönwalde'скомъ діалектѣ, какъ и въ многихъ другихъ, произносится нѣсколько длительнѣе, чѣмъ прочіе длительные гласные.

Не невозможно, что ухо Bronisch'а не совсѣмъ вѣрно оцѣнило явленія. Примемъ во вниманіе двѣ вещи. Усиленіе выдыханія, характерное для динамическаго ударенія, въ своемъ существѣ есть усиленіе интенсивности выдыханія, но сплошь и рядомъ сопровождается усиленіемъ и продолжительности выдыханія. Удлиненіе слога подъ динамическимъ удареніемъ явленіе совершенно обычное, извѣстное въ цѣломъ радѣ языковъ, въ томъ числѣ и въ кашубскомъ (въ словинскихъ и кабаткскихъ діалектахъ отсюда чрезвычайно яркій akzentueller Ablaut, ср. Lor. G.). Съ другой стороны, усиленіе выдыханія, характерное для долгихъ слоговъ, въ своемъ существѣ есть усиленіе продолжительности выдыханія, но сплошь и рядомъ сопровождается усиленіемъ и интенсивности выдыханія. Побочное удареніе въ долгихъ слогахъ утверждаютъ, напримѣръ, германисты, объясняя нѣкоторыя явленія древне-сѣвернаго языка. Интересны, хотя еще не полностью обслѣдованы, явленія этого рода въ чешскомъ языкѣ. Болѣе опредѣленныя явленія этого рода въ венгерскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, динамическое удареніе, если оно сопровождается усиленіемъ продолжительности выдыханія, и долгота, если она сопровождается усиленіемъ интенсивности выдыханія, могутъ имѣть точки сближенія, если не психологически, то акустически. Въ Lusin-Sckönwalde'скомъ діалектѣ такого рода сближеніе можетъ быть очень тѣснымъ, и то, что̀ говорящіе за удареніе, можетъ быть, и не сочли бы, то Bronisch могъ воспринять какъ удареніе.

Кое-что подобное мы видимъ и у Rudnick'аго, но въ очень немногочисленныхъ примѣрахъ. Такіе случаи у Rudnick'аго, какъ sepnąˇ 139, bⁿolì 140, kⁿoštà 170 (все формы Prs., гдѣ ударепіе на окончанія вообще неизвѣстно), могутъ пониматься только какъ результатъ смѣшенія двухъ близкихъ акустическихъ аффектовъ. Дѣло на этотъ разъ касается не только ā. — Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги Rudnicki, ополчаясь противъ Lorenz'а, настаиваетъ на побочномъ ударепіи въ такихъ случаяхъ, какъ kŕèscejān || krèscejàn, mèščą̄n || mèščàn, vⁿòkān || vⁿòkàn, Màrcīn || Màrcìn. Не похоже ли это ни «второе въ словѣ» ударепіе Bronisch'а?

Сказаннаго достаточно, чтобы утверждать: динамическое ударепіе въ сѣверно-кашубской рѣчи таково, что акустически съ нимъ сближается долгота слога. А акустическое въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ закрѣпляться и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, въ сѣверно-кашубской рѣчи есть и была чрезвычайно благопріятная почва для того, что̀ называется перетяженіемъ ударенія.

§ 72. На указанной въ предшествующемъ § особенности сѣверно-кашубскаго ударенія можно построить одинъ вопросъ:

Не является ли сѣверно-кашубское ударепіе на послѣднемъ слогѣ слова, если онъ дологъ или закрытъ, и если ему предшествуетъ одинъ краткій слогъ, результатомъ перетяженія ударенія долгимъ или закрытымъ слогомъ съ предшествующаго краткаго? Въ графическихъ символахъ: $\breve{} \stackrel{\cdot}{=} < \breve{} =$?

Этотъ вопросъ вызываетъ другой:

Не восходитъ ли извѣстный намъ первоначальный единый строгій фонетическій законъ къ такому еще болѣе первоначальному закону:

Если послѣдній слогъ слова былъ долгій или закрытый, ударепіе падало на предпослѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ краткій открытый, ударепіе падало на третій отъ конца слогъ слова (или, за недостаткомъ такового, на первый) — ?

Пока это только вопросъ, но въ другой работѣ, которая посвящена полабской системѣ ударенія, этотъ вопросъ получитъ отвѣтъ.

Экекурсъ

О праеловянекой долготѣ послѣдняго въ еловѣ слога.

Прасловянскія явленія.

§ 74. О долготахъ послѣдняго въ словѣ слога въ прасловянскомъ языкѣ мы до сихъ поръ знали довольно мало. Данныя мы черпали главнымъ образомъ изъ южно-словянскихъ языковъ, оставляя на самомъ горизонтѣ поля зрѣнія западно-словянскіе языки, гдѣ прасловянскія количественныя отношенія сохранены, конечно, лучше, чѣмъ въ южнословянскихъ языкахъ. Немудрено, что по отношенію къ долготамъ послѣдняго въ словѣ слога не могло создаться никакого твердаго взгляда.

А. А. Шахматовъ, чрезвычайно много поработавшій по вопросу о долгогахъ послѣдняго въ словѣ слога въ прасловянскомъ языкѣ (или, по его пониманію, о «сверхдолгогахъ» послѣдняго въ словѣ слога въ прасловянскомъ языкѣ), чрезвычайно близко подошелъ къ разрѣшенію этого вопроса, отмѣтивъ какую-то зависимость между этими долготами и переходомъ ударенія съ послѣдняго слога слова на предпослѣдній. Только зависимость эту онъ не разсматривалъ какъ зависимость послѣдовательную и о какомъ-либо законѣ строго общаго значенія говорить не рѣшался.

О переходѣ ударенія съ послѣдняго слога слова на предпослѣдній (не считая случаевъ перехода ударенія съ ъ ь впередъ — это случаи совершенно особаго порядка) А. А. Шахматовъ въ Очеркѣ древн. пер. истор. русскаго языка, гдѣ его акцентологическое ученіе представлено въ послѣдней и наиболѣе полной редакціи, говоритъ дважды.

1) «Въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе экспираторное полудолгое переносилось съ падежного окончанія на предыдущій слогъ подъ вліяніемъ той или иной граматической аналогіи. Это удареніе являлось въ видѣ экспираторнаго ударенія (краткаго или долгаго) на предшествующемъ слогѣ; въ видѣ компенсаціи полудолгая экспираторная гласная, потерявши удареніе, переходила въ сверхдолгую музыкальную» (с. 74).

Далѣе (сс. 74 — 76 и 79) слѣдуетъ перечисленіе случаевъ, гдѣ

имѣло мѣсто описанное явленіе: Pl. NA. Ntr. vèslaa, voŕtaa..., Du. GL. nôgun.... Pl. I ròdyy, zǫ́byy..., Sg. N. (etc.) vòl'aa, sûšaa (etc.)..., Sg. N Fm. причастій на -l- именного склоненія: rodílaa, koválaa..., Sg. L. kъmètun...

2) «Музыкальная долгота... была терпима только въ предударномъ слогѣ... Если подъ вліяніемъ граматической аналогіи эта долгота попадала въ слогъ третій отъ ударяемаго, удареніе передвигалось съ конечнаго слога на предконечный, и долгота оказывалась опять въ предударномъ слогѣ. Такъ измѣнились ōrbotà, zv̄ǝvotà подъ вліяніемъ ōrbíti, zv̄ǝvòti въ ōrbòta, zv̄ǝvòta» (с. 89).

Какъ видно, въ одномъ случаѣ А. А. Шахматовъ зависимость между долготами послѣдняго въ словѣ слога и переходомъ ударенія съ послѣдняго въ словѣ слога на предпослѣдній признаетъ, а въ другомъ нѣтъ: южно-словянскій матеріалъ никакихъ намековъ на какіе-либо праславянск. ōrbòtā... ему не дастъ.

§ 74. Привлекая къ разрѣшенію вопроса кашубскія данныя, мы оказываемся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ограничиваясь одними южно-славянскими данными. Мы сразу получаемъ въ руки важный козырь: мы знаемъ, что кашубскій языкъ нѣкогда зналъ rob^{u}òtā, и заключаемъ, что праславянскій языкъ зналъ не ōrbòtā, какъ думаетъ А. А. Шахматовъ, а ōrbòtā. Мы имѣемъ возможность то, что А. А. Шахматовъ не могъ не разъединять, соединить.

Мы можемъ выставить такой законъ — законъ строго общаго значенія:

Если удареніе падало не на послѣдній слогъ слова, какъ мы этого ждали бы на основаніи законовъ Фортунатова - de-Saussure'a-Meillet, а на предпослѣдній, — то послѣдній слогъ слова сохранялъ исконную (праиндоевропейскую) долготу. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ послѣдній слогъ слова долготу сокращалъ.

О причинахъ мы не говоримъ. Найти законъ — одно, а объяснить его возникновеніе — другое. О причинахъ въ другой работѣ. Здѣсь ограничимся указаніемъ, что причины эти могутъ быть не аналогическаго характера, а строго фонетическаго характера.

О законахъ Фортунатова-de-Saussure'a-Meillet, взятыхъ въ примѣненіи къ двумъ послѣднимъ слогамъ слова и только въ томъ, что сейчасъ существенно, напомнимъ слѣдующее.

По закону Фортунатова-de-Saussure'a, послѣдній въ словѣ длительно-долгій слогъ перетягивалъ на себя ударѐніе съ предпослѣдняго прерывисто-долгаго или краткаго.

По закону Фортунатова-Meillet, предпослѣдній въ словѣ длительно-долгій слогъ перетягивалъ на себя ударѐніе съ послѣдняго прерывисто-долгаго или краткаго.

Ударенія на послѣднемъ въ словѣ слогѣ мы на основаніи законовъ Фортунатова-de-Saussure'a-Meillet ожидаемъ: при праиндоевропейскомъ ударѐніи на предпослѣднемъ въ словѣ слогѣ — если этотъ предпослѣдній въ словѣ слогъ былъ прерывисто-долгій или краткій, а послѣдній длительно-долгій, а при праиндоевропейскомъ ударѐніи на послѣднемъ въ словѣ слогѣ — во всѣхъ случаяхъ, кромѣ случая, если этотъ послѣдній въ словѣ слогъ былъ прерывисто-долгій или краткій, а предпослѣдній длительно-долгій.

§ 75. Обращаемся къ разсмотрѣнію случаевъ дѣйствія установленнаго только что закона, располагая матеріалъ по морфологическимъ категоріямъ.

Къ нижеслѣдующимъ парадигмамъ слѣдующія предварительныя замѣчанія техническаго свойства.

1) Парадигмы располагаются въ три столбца.

Въ первомъ столбцѣ — слова, гдѣ дѣйствіе законовъ Фортунатова-de-Saussur'a-Meillet мы не ожидаемъ и не находимъ. Долготъ послѣдняго слога нѣтъ.

Во второмъ столбцѣ — слова, гдѣ дѣйствіе законовъ Фортунатова-de-Saussure'a-Meillet мы ожидаемъ и находимъ. Долготъ послѣдняго слога нѣтъ.

Въ третьемъ столбцѣ — слова, гдѣ дѣйствіе законовъ Фортунатова-de-Saussure'a-Meillet мы ожидаемъ, но не находимъ. Долготы послѣдняго слога въ тѣхъ формахъ, гдѣ мы ждали бы ударенія на этомъ послѣднемъ слога, а находимъ его на предпослѣднемъ.

2) Въ парадигмахъ приводятся только формы съ окончаніемъ, со-

ставляющимъ одинъ долгій съ праиндоевропейской точки зрѣнія слогъ, длительно-долгій или прерывисто-долгій — безразлично, а также всѣ формы, оканчивающіяся на -i, хотя бы съ праиндо-европейской точки зрѣнія оно и возглавляло краткій слогъ.

3) Формы съ долготой послѣдняго слога (въ 3 столо́цѣ) выставляются разрядкой.

4) Изъ знаковъ ударенія употребляются два: для обозначенія устойчиваго (такъ называемаго восходящаго) ударенія и для обозначенія рецессивнаго (такъ называемаго нисходящаго) ударенія. Изъ знаковъ количества употребляются два: для обозначенія долготы и ˘ (обычно опускаемое) для обозначенія краткости. Знаки ударенія и количества комбинируются: ˆ, ˘ (обычно просто ˋ), ˘ (обычно просто ˝).

§ 76. Имена I склоненія.

Sg. N.	jàgoda	postàva	lìpa		po⁀vālà	nogà		pērmȅ́nā	tòńā			
G.	jàgody	postàvy	lìpy		po⁀vālỳ	nogỳ		pērmȅnȳ	tòńȳ			
D.	jàgodȅ	postàvȅ	lìpȅ		pŏ⁀vālȅ	nŏ́gȅ		pērmȅnȅ	tòńi			
A.	jàgodǫ	postàvǫ	lìpǫ		pŏ⁀vālǫ	nŏgǫ		pērmȅnǫ	tòńǫ			
I.	—	—	—		—	—		—	—			
L.	jàgodȅ	postàvȅ	lìpȅ		po⁀vālȅ	nó́gȅ		pērmȅnē	tòńī			
V.	—	—	—		—	—		—	—			
Pl. NVA.	jàgody	postàvy	lìpy		pŏ⁀vāly	nŏgy		pērmȅny	tòńȅ			
G.	—	—	—		—	—		—	—			
D.	—	—	—		—	—		—	—			
I.	—	—	—		—	—		—	—			
L.	—	—	—		—	—		—	—			
Du. NVA.	jàgodȅ	postàvȅ	lìpȅ		pŏ⁀vālȅ	nŏ́gȅ		pērmȅnȅ	tòńi			
GL.	—	—	—		—	—		—	—			
DI.	—	—	—		—	—		—	—			

Важно отмѣтить, что отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, въ томъ числѣ въ кашубскомъ, Sg. D. именъ I склоненія смѣшался съ Sg. L. въ пользу особенностей послѣдняго. Первоначальное различіе Sg. D. и Sg. L. сохраняется лишь въ сербскомъ да въ полабскомъ языкѣ.

Случаи долготы послѣдняго слога въ Sg. N., G., L. (и D.) наблю-

даются въ кашубскомъ языкѣ, а поскольку дѣло касается именъ типа tòńā, и въ польскомъ (съ аналогическимъ, подъ вліяніемъ прилагательныхъ, распространеніемъ долготныхъ окончаній и въ другихъ формахъ). На южно-славянской почвѣ очень немногое: -ē < ę̄ || ъ̄ въ Sg. G. въ сербскомъ языкѣ да *-ā въ Prt. Sg. Fm. въ словенскомъ языкѣ, ср. ниже.

Такъ какъ Prt. Sg. Fm. по происхожденію есть Sg. N. именъ I склоненія, то эти формы сюда же.

tràtila | rodîlà | nosìlā

Случаи долготы послѣдняго слога въ кашубскомъ языкѣ, а также въ словенскомъ языкѣ: hodîla, ļubîla, pisâla, drémâla . . . < hodìlā, ļūbìlā, pīsàlā, drēmàlā . . .

§ 77. Имена смѣшаннаго II/IV склоненія (смѣшеніе, завершившееся только въ послѣпрасловянское время и протекшее не вполнѣ одинаково въ различныхъ словянскихъ языкахъ, мы для удобства проектируемъ на прасловянскій фонъ).

Sg. NA. Msc.	—	—	—	—	—	—
NVA. Ntr.	—	—	—	—	—	—
G. II.	ràtaja	perùna	bràt(r)a	pȍvoda	mȏsta	pomòsta
IV.	ràtaju	perùnu	bràt(r)u	pȍvodu	mȏstu	pomòstu
D. II.	ràtaju	perùnu	bràt(r)u	pȍvodu	mȏstu	pomòstu
IV.	—	—	—	—	—	—
I.	—	—	—	—	—	—
L. II.	ràtaji	perùnѣ	bràt(r)ѣ	pȍvodѣ	mȏstѣ	pomòstѣ
IV.	ràtaju	perùnu	bràt(r)u	povodù	mostù	pomòstū
V. II.	—	—	—	—	—	—
IV.	ràtaju	perùnu	bràt(r)u	pȍvodu	mȏstu	pomòstu
Pl. NV. Msc. II.	ràtaji	perùni	bràt(r)i	pȍvodi	mȏsti	pomòsti
IV.	—	—	—	—	—	—
NVA. Ntr.	ràdliśća	korẏta	lѣta		polȁ	vertènā sèlā
G.	—	—	—	—	—	—
D.	—	—	—	—	—	—
A. Msc.	ràtajѣ	perùny	bràt(r)ў	pȍvody	mȏsty	pomòstў

I.	II	ràtaji	perùny	brât(r)y	povodỳ	mostỳ	pomòstȳ sèlȳ
	IV.	—	—	—	—	—	—
L.		—	—	—	—	—	—
Du NVA.	Msc.	II.	ràtaja	perùna	brât(r)a	povodà	mostà	*pomòstā
		IV.	(форма нынѣ нигдѣ не сохранена).				
NVA.	Ntr.		ràdlišči	korỳtѣ	lѣtѣ		pǒlï	
GL.	II.		ràtaju	perùnu	brât(r)u	povodù	mostù	pomòstū
	IV.		—	—	—	—	—	—
DI.			—	—	—	—	—	—

Случаи долготы послѣдняго слога въ Sg. L. IV. наблюдаются кромѣ кашубскаго языка (-ū), изъ южно-славянскихъ — въ словенскомъ (pri kmêtu . . . < pri kmètū . . .). Случаи долготы послѣдняго слога въ Pl. NVA. Ntr. наблюдаются, кромѣ кашубскаго языка (§ 46), изъ южно-славянскихъ языковъ — діалектически въ сербскомъ (Берличъ—А. А. Шахматовъ) njêdrà (= njêdra), kôlà (= kôlā), stàdà (= stâdā), sêrdcà (= sêrdcā) . . ., Ivšić dlīt̆ă, krīl̆ă, plāt̆nă, vīn̆ă . . ., sêlā, rêbrā . . .) и въ словенскомъ (lîta, zîna, sêdla, sêla, sîda, kolêna, govêda . . .). Случаи долготы послѣдняго слога въ Pl. I. наблюдаются м. п. въ кашубскомъ языкѣ (-ī). Случаи долготы послѣдняго слога въ Du. GL. наблюдаются, кромѣ кашубскаго языка (-ū), изъ южно-славянскихъ — діалектически въ сербскомъ (kòd nogū . . .). Не могу нигдѣ указать случаевъ долготы послѣдняго слога только въ Du. NVA. Msc.; почему форма pomòstā въ своемъ мѣстѣ отмѣчена звѣздочкой. Удивляться не приходится, такъ какъ въ современныхъ словянскихъ языкахъ Du. NVA. Msc. смѣшалось съ Sg. G. Msc.

§ 78. Имена III склоненія.

Sg. NVA.	—	—	—
G.	pàkosti	pǒstǭpi	kǭdèli
D.	pàkosti	pǒstǭpi	kǭdèli
I.	—	—	—
L.	pàkosti	postǭpì	kǭdèlī

Pl. NVA.	pàkostı	pŏstǭpi	kǭdèli
G.	—	—	—
D.	—	—	—
I.	—	—	—
L.	—	—	—
Du. NVA.	pàkosti	pŏstǭpi	kǭdèli
GL.	—	—	—
DI.	—	—	—

Важно отмѣтить, что въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ въ кашубскомъ, Sg. D. именъ III склоненія съ Sg. L. *не* смѣшивался.

Случаи долготы послѣдняго слога наблюдаются м. п. въ кашубскомъ языкѣ (-ī).

§ 79. Въ глаголѣ случаи долготы послѣдняго слога аналогически исчезли еще въ прасловянскомъ языкѣ.

Что касается -ī, -ā въ Prs. Sg. 3 и -ę̄, -ǭ Prs. Pl. 3 (ā считаю изъ стяженія не возникшимъ), напр., nòsī, pȳtā и nòsę̄, pȳtàjǭ, то долгота здѣсь, какъ всѣми признается, перенесена изъ параллельныхъ -ītь, -ātь въ Prs. Sg. 3 и -ę̄tь, -ǭtь въ Prs. Pl. 3, напр. nòsītь, pȳtātь и nòsę̄tь, pȳtàjǭtь, или аналогически перенесена изъ другихъ формъ, вродѣ Prs. Sg. 2, напр. nòsīšı, pȳtāšı, и должна поэтому разсматриваться какъ явленіе не послѣдняго, а предпослѣдняго слога.

Кашубское развитіе прасловянскихъ явленій.

§ 80. 1) Во многихъ случаяхъ кашубскій языкъ унаслѣдованныя изъ прасловянскаго языка долготы послѣдняго слога обобщилъ полностью, т. е. такъ, что долгій варіантъ окончанія полностью вытѣснилъ краткій варіантъ окончанія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ — на это нельзя не обратить вниманія — дѣло касается прасловянск. -ū, -ī, -ȳ > кашубск. ū, -ī. Это Sg. L. IV на -ū > ū, Sg. L. III на -ī > ī, Pl. I. II на -ȳ -ī > -ī, Du. GL. на -ū > -ū. Какъ на исключительное явленіе надо указать на рѣдкое Sg. L. на -u -e. Любопытно, что противоположность Sg. D. на

-ě -i и Sg. L. на -i изъ именъ III склоненія аналогически перенесена и въ имена I склоненія мягкаго типа, хотя первоначально въ именахъ I склоненія мягкаго типа слѣдуетъ предполагать такое же смѣшеніе Sg. D. и Sg. L. въ пользу особенности послѣдняго, какъ и въ именахъ I склоненія твердаго типа.

2) Въ остальныхъ случаяхъ кашубскій языкъ унаслѣдованныя изъ прасловянскаго языка долготы послѣдняго слога обобщилъ только частично. Это Sg. N., G., L. (и D.) именъ I склоненія, восходящихъ къ прасловянскимъ именамъ на -ja и его фонетическіе эквиваленты, восходящихъ къ прасловянскимъ именамъ съ ъ ь въ послѣднемъ слогѣ основы, оканчивающихся на -ota, -oba, многихъ построенныхъ безъ суфикса съ приставкой и нѣкоторыхъ другихъ, ср. macèʸa < macèʸā при прасловянск. màťeʸă; Prt. Sg. Fm. на -ą̄la, -iī̄a -ē̄la, -a ī̄a < прасловянск. -ala; въ извѣстной мѣрѣ — Pl. NVA. Ntr. (-a). Отмѣтимъ, что сѣверно-кашубская противоположность образованій типа pr̄ēm̀ana < pr̄ēm̀anā . . . съ долгимъ гласнымъ въ окончаніи и приставкѣ и образованій типа pr̄èstava . . . съ краткимъ гласнымъ въ окончаніи и въ приставкѣ удивительно точно продолжаетъ прасловянскую противоположность образованій типа pērtm̀ēnā . . . съ долгимъ гласнымъ въ окончаніи и въ приставкѣ и образованій типа pērstàvă . . . съ краткимъ гласнымъ въ окончаніи и въ приставкѣ (ср. сообщенное въ § 2 наблюденіе относительно существительныхъ безъ суфикса съ приставкой).

Тѣ и другія обобщенія возникли еще до установленія первоначальнаго закона сѣверно-кашубскаго ударенія и потому явленіями этого ударенія отмѣчены. Долготы второй группы, будучи обобщены только частично, впослѣдствіи аналогически исчезли, оставивъ слѣдъ въ удареніи.

Петроградъ,
апрѣль—іюнь
1920 г.

Приложеніе I.

Прасловянская акцентологическая система.

Настоящее приложеніе написано подъ впечатлѣніями занятій надъ кашубскимъ удареніемъ и проникнуто настроеніемъ уваженія не только къ южно-словянскимъ, но и къ западно-словянскимъ акцентологическимъ фактамъ. Это опредѣляетъ весь ходъ мыслей.

Совершенно готовъ къ тому, что утвержденія настоящаго приложенія будутъ встрѣчены въ наукѣ съ крайнимъ негодованіемъ: они смѣлы. Въ то же время глубоко убѣжденъ въ томъ, что, послѣ достаточно полнаго печатнаго обмѣна мнѣній, они будутъ наукой приняты: они обоснованы. Смѣю думать, что въ изслѣдованіяхъ А. А. Шахматова, какъ ни отличаются его утвержденія отъ утвержденій настоящаго приложенія, наука стояла на пути именно къ утвержденіямъ настоящаго приложенія.

Существенно важно, чтобы при прочтеніи настоящаго приложенія читатель имѣлъ нѣкоторую предварительную подготовку — самое меньшее, *детально* зналъ ту главу въ «Очеркѣ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка» А. А. Шахматова, которая посвящена вопросамъ прасловянской акцентологіи.

Объ акцентологическихъ типахъ слога въ прасловянскомъ языкѣ эпохи распаденія.

§ I. Равнодѣйствующая современнаго научнаго мнѣнія признаетъ для прасловянскаго языка эпохи распаденія слѣдующіе акцентологическіе типы слога.

Слогъ ударяемый:

Праславянскія явленія			Праис. происх. (колич. слога)	Словянск. отраж. (чак., каш.)
Знакъ	Особенн. слога	Обычн. положеніе слога		
ˆ	Слогъ долгій. Удар. рецессивное нисходящее.	Слогъ первый въ двухсложн. словѣ (lȋsta : dȏ-lȋsta).	Слогъ долгій	Чак. ˆ рецессивное Каш. слогъ краткій
˝	Слогъ краткій. Удар. рецессивное нисходящее.	Слогъ первый въ двухсложн. словѣ (mȏsta : dȏ-mosta).	Слогъ краткій	Чак. ˝ рецессивное Каш. слогъ краткій
		Слогъ первый въ многосложн. словѣ (mѣsę́ća : dȏ-mѣsę́ća — vě́ćera : dȏ-véćera).	Слогъ долгій или слогъ краткій	
´	Слогъ долгій. Удар. устойчивое восходящее.	Слогъ любой въ словѣ (trǭbíši, χválīši).	Слогъ долгій	Чак. ´ Каш. слогъ долгій
`	Слогъ краткій. Удар. устойчивое восходящее.	Слогъ любой въ словѣ (mѣsę́cà, livàda, zāsàdā, jàgoda, zazǫ̀brina — vertenò, nesèši, kòľeši zānòzā, okòlića).	Слогъ долгій или слогъ краткій	Чак. ˝ устойчивое Каш. слогъ краткій

Слогъ неударяемый:

Праславянскія явленія			Праяз. происх. (колич. слога)	Словянск. отраж. (чак., каш.)
Знакъ	Особенн. слога	Обычн. положеніе слога		
—	Слогъ долгій	При рецессивномъ ударе-ніи слогъ предпослѣдній въ словѣ, при устойчивомъ ударе-ніи слогъ около-ударный (dȏ-lista, mȇsę́a : dȏ-mȇsę́a — glǫbīnà, ˀvàlīšĭ, zāsàdā)	Слогъ долгій	Чак. слогъ долгій Каш. слогъ долгій
˘ (или безъ обознач.)	Слогъ краткій	Слогъ любой въ словѣ (примѣры выше)	Слогъ долгій или слогъ краткій	Чак. слогъ краткій Каш. слогъ краткій

Чакавское нарѣчіе и кашубскій языкъ выбраны для таблицъ одно, какъ архаичнѣйшій по складу представитель южно-словянской акцентологіи (здѣсь нѣтъ свойственныхъ штокавскому нарѣчію и словянскому языку послѣпрасловянскихъ передвиженій ударенія), а другой какъ архаичнѣйшій по складу представитель западно-словянской акцентологіи (здѣсь нѣтъ свойственнаго чешскому языку послѣпрасловянскаго ранняго удлиненія подъ устойчивымъ ударе-ніемъ въ случаяхъ вродѣ jáma, kůže = kóže).

§ II. Первый вопросъ, который возникаетъ по поводу акцентологическихъ типовъ слога въ прасловянскомъ языкѣ эпохи распаденія, это вопросъ о прасловянской подкладкѣ отношенія между чакавскимъ ˆ рецессивнымъ и кашубской (и вообще западно-словянской) краткостью.

Обычно думаютъ слѣдующимъ образомъ. Прасловянскій языкъ раз-

личалъ два случая рецессивнаго ударенія — (рецессивное удареніе на долгомъ слогѣ) и ˝ (рецессивное удареніе на краткомъ слогѣ). Праславянской подкладкой отношенія между чакавскимъ ˆ рецессивнымъ и кашубской (и вообще западно-славянской) краткостью является праславянское ˆ. Праславянскій языкъ зналъ lîsta : dȏ-lîsta. На чакавской почвѣ праславянское состояніе сохранилось безъ измѣненія: lîsta : dȏ-lîsta. На западно-славянской почвѣ произошло два послѣдовательныхъ преобразованія: сначала, въ силу фонетическаго сокращенія долготы подъ рецессивнымъ удареніемъ — lîsta : dȏ-lîsta (dȏ-lîsta еще съ долготой), а потомъ, въ силу аналогическаго воздѣйствія простой формы на сложенную, — lîsta : dȏ-lĭsta (dȏ-lĭsta уже съ краткостью), или, безъ ударенія, lĭsta : do-lĭsta, кашубск. lẽsta . do-lẽsta.

Можно однако думать и иначе. Праславянскій языкъ зналъ только одинъ случай рецессивнаго ударенія — ˝ (рецессивное удареніе на краткомъ слогѣ). Праславянской подкладкой отношенія между чакавскимъ ˆ рецессивнымъ и кашубской (и вообще западно-славянской) краткостью является такое праславянское ˝, на мѣстѣ котораго при его переходѣ на приставку и т. п. оказывалась долгота. Праславянскій языкъ зналъ lîsta : dȏ-lîsta. На чакавской почвѣ, въ силу аналогическаго воздѣйствія сложенной формы на простую, поддержаннаго аналогическимъ воздѣйствіемъ такихъ другихъ формъ, какъ Du. NA. lĭstà, — lîsta (= lîsta) : dȏ-lîsta. На западно-славянской почвѣ, въ силу аналогическаго воздѣйствія простой формы на сложенную, — lîsta : dȏ-lĭsta, или, безъ ударенія, lĭsta : do-lĭsta, кашубск. lẽsta : do-lẽsta.

Сейчасъ предложенная вторая возможность въ освѣщеніи вопроса вовсе не такъ недостойна науки, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Прежде всего, она гораздо проще, чѣмъ первая: она опирается на простое дѣйствіе аналогіи въ двухъ разныхъ направленіяхъ, тогда какъ первая, кромѣ дѣйствія аналогіи въ опредѣленномъ направленіи, опирается на темный фонетическій процессъ, которому въ другихъ языкахъ врядъ-ли можно подыскать параллель. Далѣе, она ведетъ насъ къ одной чрезвычайно удобоусвояемой мысли: если принять во вниманіе, что удареніе ´ (устойчивое на долгомъ слогѣ), какъ доказалъ А. А. Шахматовъ, возникло въ результатѣ вторичной встрѣчи ударенія и долготы

въ одномъ слогѣ (§ VI), и допустить, что ударенія (рецессивнаго на долгомъ слогѣ) въ праславянскомъ языкѣ вовсѣ не существовало, то останется признать, что нѣкогда въ праславянскомъ языкѣ долгота была явленіемъ *только* неударяемаго слога, а удареніе комбинировалось только съ краткостью. Наконецъ, она — вторая возможность — въ совершенствѣ согласуется съ духомъ сербскаго и западно-славянскихъ языковъ: для сербскаго языка чрезвычайно характерно обобщеніе долготы на протяженіи флексіи имени или глагола (чак. hvālā, hvālàh . . ., hvālīt, hvālīl, hvál̄en, Prs. hválite, Imp. hvālīte . . .), а для западно-славянскихъ языковъ чрезвычайно характерно либо сохраненіе количественныхъ чередованій на протяженіи флексіи имени или глагола (кашубск. ˌvāl̆a, ˌvăl̆aˌ . . ., ˌvălec, ˌvălīl̆, ˌvāloni, Prs. ˌvālīce, Imp. ˌvălëcc...), либо обобщеніе краткости на протяженіи флексіи по крайней мѣрѣ имени (кашубск. rą̆ka, rą̆kaˌ . . .).

Сейчасъ предложенную вторую возможность въ освѣщеніи вопроса рѣшительно предпочитаю первой — какъ потому, что она имѣетъ перечисленныя за, такъ и потому, что она открываетъ пути къ совершенно отчетливому уразумѣнію исторіи праславянской акцентологической системы.

Итакъ:

Въ праславянскомъ языкѣ эпохи распаденія рецессивное удареніе комбинировалось только съ краткостью.

§ III. Другой вопросъ, который возникаетъ по поводу акцентологическихъ типовъ слога въ праславянскомъ языкѣ эпохи распаденія, это вопросъ о томъ, было ли праславянское рецессивное удареніе нисходящимъ, а праславянское устойчивое удареніе восходящимъ, иными словами, зналъ ли праславянскій языкъ качественныя различія въ удареніи. Смѣю выразить надежду, что читатель отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что различіе рецессивности и устойчивости ударенія само по себѣ ничего общаго съ различіемъ нисходящести и восходящести ударенія не имѣетъ и никакихъ качественныхъ различій въ удареніи не осуществляетъ.

Предварительно надо замѣтить, что данныхъ по разрѣшенію вопроса можно искать только въ чакавскомъ нарѣчіи, но не въ русскомъ языкѣ и не въ словенскомъ языкѣ.

Что русское различіе òро, òло, èре и орò, олò, ерè прямо ведетъ насъ къ различію нисходящести и восходящести ударенія, это либо предвзятость, либо смѣшеніе понятій. Это различіе ведетъ насъ просто къ различію рецессивности и устойчивости ударенія. Слогъ съ рецессивнымъ удареніемъ, въ силу самой природы рецессивнаго ударенія, не говоря ужъ о дѣйствіи оплетающихъ всякую форму морфологическихъ ассоціацій (вечерà : нà-вечеръ : вèчеръ = города̀ : за̀-городъ : х), могъ дать только слогъ съ òро, òло, èре. Слогъ съ устойчивымъ удареніемъ, въ силу дѣйствія оплетающихъ всякую форму морфологическихъ ассоціацій (походѝти : похòдиши = молотѝти : х), могъ дать только слогъ съ орò, олò, ерè.

Что словенское различіе ^ и прямо ведетъ насъ къ различію исходящести и восходящести ударенія, это либо натяжка, либо недоразумѣніе. Для раскрытія натяжки или недоразумѣнія достаточно обратиться къ словенскому ^: въ части случаевъ оно продолжаетъ не древнее рецессивное, а древнее устойчивое удареніе; въ той же части случаевъ, гдѣ оно продолжаетъ древнее рецессивное удареніе, оно, въ результатѣ послѣпраславянскаго перенесенія, падаетъ не на первый слогъ ударнаго цѣлаго, а на второй, а если на первый, то по аналогическимъ причинамъ (dobâ : do-dôba, въ соотвѣтствіи со сложенной формой также dôba; na-dôb, въ соотвѣтствіи со сложенной формой dôb)—а отъ особенностей новаго ударенія на второмъ слогѣ нельзя *ничего* заключать къ особенностямъ древняго ударенія на первомъ слогѣ. Словенское различіе ^ и ´ надо вообще разсматривать какъ вторичное.

Если искать данныхъ къ разрѣшенію вопроса только въ чакавскомъ нарѣчіи, то съ самаго же начала приходится столкнуться съ двумя вещами. Во-первыхъ, данныя чакавскаго нарѣчія, безъ поддержки другихъ языковъ, для обоснованія утвержденія качественныхъ различій въ праславянскомъ удареніи ненадежны: если вторичнаго происхожденія, различіе нисходящести и восходящести ударенія въ словянскомъ языкѣ (и въ штокавскомъ нарѣчіи), то, пожалуй, вторичнаго же происхожденія различіе нисходящести и восходящести ударенія и въ чакавскомъ нарѣчіи? Во-вторыхъ, данныя чакавскаго нарѣчія, безъ поддержки другихъ языковъ, для обоснованія утвержденія качественныхъ различій въ пра-

словянскомъ удареніи просто недостаточны: на краткомъ слогѣ всякое удареніе, и рецессивное, и устойчивое, въ чакавскомъ нарѣчіи является нисходящимъ. Это то, съ чѣмъ приходится столкнуться съ самаго начала. А дальше приходится столкнуться еще съ одной вещью. Какъ указано, на краткомъ слогѣ всякое удареніе, и рецессивное, и устойчивое, въ чакавскомъ нарѣчіи является нисходящимъ. Констатируемъ: различіе нисходящести и восходящести ударенія въ чакавскомъ нарѣчіи отнюдь не идетъ рука-объ-руку съ различіемъ рецессивности и устойчивости ударенія. Какъ мы говорили въ предшествующемъ §, чакавское ˆ рецессивное замѣнило болѣе древнее ˝ рецессивное въ опредѣленныхъ условіяхъ морфологическихъ ассоціацій. Когда ˆ рецессивнаго на чакавской почвѣ еще не было, тогда всякое удареніе на краткомъ слогѣ, и рецессивное, и устойчивое, было нисходящимъ, а всякое удареніе на долгомъ слогѣ, устойчивое, восходящимъ. Констатируемъ: различіе нисходящести и восходящести ударенія въ чакавскомъ нарѣчіи идетъ рука-объ-руку съ первоначальнымъ различіемъ краткости и долготы подъ удареніемъ. Несомнѣнно: различіе нисходящести и восходящести ударенія въ чакавскомъ нарѣчіи вовсе не продолженіе праславянскаго различія нисходящести и восходящести ударенія, а спеціально-чакавское (вторичное) осложненіе различія краткости и долготы подъ удареніемъ. Какую роль въ жизни языка играютъ осложненія различій, читателю полагаю, извѣстно. Что касается осложненія различія краткости и долготы подъ удареніемъ качественными различіями въ удареніи, то оно не рѣдкость — въ словянскомъ мірѣ оно извѣстно, напримѣръ, въ приморскихъ діалектахъ кашубскаго языка. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ «Slovinzische Grammatik» F. Lorenz'a, касающіяся словинскаго нарѣчія кашубскаго языка. «Словинская рѣчь различаетъ два качественно-различныхъ ударенія: острое и длительное. Острое удареніе въ экспираторномъ отношеніи одновершинное, просто нисходящее, слабо усѣченное удареніе. Въ музыкальномъ отношеніи оно тоже нисходящее. Длительное удареніе въ экспираторномъ отношеніи двухвершинное удареніе съ болѣе сильной первой вершиной. Насчетъ музыкальнаго движенія пока я не достигъ полной увѣренности, могу лишь сказать, что вторая вершина тонически лежитъ выше, чѣмъ первая» (стр. 168). «Острое удареніе находится

только при долгихъ гласныхъ» (стр. 169). «Длительное ударение находится только при (удлиненныхъ до полудолготы) краткихъ гласныхъ» (стр. 170). Такія же явленія F. Lorenz въ ASPh. отмѣчаетъ для былякскаго нарѣчія кашубскаго языка.

Къ этнологамъ: нѣтъ ли въ томъ обстоятельствѣ, что и чакавское нарѣчіе, и штокавское нарѣчіе, и словенскій языкъ, хоть и по разному, а все-таки всѣ пришли къ различію нисходящести и восходящести ударенія, этнологически обусловленной необходимости?

Итакъ:

Въ праславянскомъ языкѣ эпохи распаденія и рецессивное, и устойчивое ударенія были въ отношеніи нисходящести и восходящести безразличны.

§ IV. На основаніи изложеннаго для праславянскаго языка эпохи распаденія надо признавать слѣдующіе акцентологическіе типы слога (вмѣсто четырехъ знаковъ ударенія пользуюсь однимъ).

Слогъ ударяемый:

Праславянск. явленія		Праиндоевр. происхожд. (количество слога)	Словянск. отраж. (чакавск., кашубск.)
Знакъ и особенности слога	Обычное положеніе слога		
̏ (или ̀) рецессивное	Слогъ первый въ словѣ (lȉsta:dȍ-līsta, mȅsę́ca: dȍ-mȅsę́ca — mȍsta: dȍ-mosta, vȅ́čera: dȍ-véčera)	Слогъ долгій или слогъ краткій	Чак. ̑ или ̋ рецессивное, въ завис. отъ морфолог. ассоціацій Каш. слогъ краткій
̄ устойчивое	Слогъ любой въ словѣ (trǭbȉ̄ši, ɣȁlīši)	Слогъ долгій	Чак. ́ Каш. слогъ долгій
̆ (или ̀) устойчивое	Слогъ любой въ словѣ (mȅsę́ă̆, livă̆da, zā-să̆da, jă̆goda, zazǫ̆b-rina—vertenŏ, neseśi, kŏ̀leśi, zanŏza. okŏ̀-lića)	Слогъ долгій или слогъ краткій	Чак. ̋ устойчивое Каш. краткій

Слогъ неударяемый:

Праславянск. явленія		Праиндоевр. происхожд. (количество слога)	Словянск. отраж. (чакавск., кашубск.)
Знакъ и особенности слога	Обычн. положеніе слога		
—	При рецессивномъ ударѣніи слогъ предпослѣдній въ словѣ, при устоичивомъ ударѣніи слогъ околоударный (dȍ-līsta, mȅsę̑ća : dȍmȅsę̑ća — glǫbīnà. χvàlīšı, zāsàdā)	Слогъ долгій	Чак. слогъ долгій Каш. слогъ долгій
(или безъ обозн.)	Слогъ любой въ словѣ (примѣры выше)	Слогъ долгій или слогъ краткій	Чак. слогъ краткій Каш. слогъ краткій

Почему выбраны для таблицъ чакавское нарѣчіе и кашубскій языкъ, указано въ § I.

Краткій обзоръ акцентологіи праславянскихъ склоненія и спряженія въ эпоху распаденія.

(Имена I, II, III. скл. въ Sg.-Pl. N., G., D., A., I., L., глаголы на -ti, nǫti, -nti, -iti, -ati въ Inf., Part. Praet. Act. II. Sg. N., Part. Praet. Pass. Sg. N., Prs. Sg.-Pl., Imp. Sg.-Pl.).

§ V. *Имена I склоненія.*

Типъ aα. Ударѣніе въ однѣхъ формахъ рецессивное (разрядка), въ другихъ на окончаніи. Въ послѣднемъ слогѣ основы по происхожденію долгомъ количественное чередованіе, — въ томъ видѣ, какъ оно было при двух-и-болѣе-сложной основѣ, сохраненное въ кашубскомъ языкѣ (а въ

томъ видѣ, какъ оно было при односложной основѣ, сохраненное въ чешскомъ языкѣ).

	Sg.			Pl.		
N.	skovo͞rdà	—	(bo͞rnà)	skòvo͞rdy	—	(bo͞rny)
G.	skovo͞rdy̆	do-bo͞rny̆	(bo͞rny̆)	(skovo͞rdъ)	(do-bo͞rnъ)	(bo͞rnъ)
D.	skòvo͞rdѣ	pò-bo͞rnѣ	(bo͞rnѣ)	skovo͞rdàmъ	po-bo͞rnàmъ	(bo͞rnàmъ)
	(skovo͞rdѣ)	(po-bo͞rnѣ)	(bo͞rnѣ)			
A.	skòvo͞rdǫ	nà-bo͞rnǫ	(bo͞rnǫ)	= N.	nà-bo͞rny	= N.
I.	skovo͞rdòjõ	za-bo͞rnòjǫ̃	(bo͞rnòjǫ̃)	skovo͞rdàmi	za-bo͞rnàmi	(bo͞rnàmi)
L.	skovo͞rdѣ	na-bo͞rnѣ	(bro͞nѣ)	skovo͞rdàχъ	na-bo͞rnàχъ	(boo͞rnàχъ)

Типъ aβ. Удареніе послѣдовательно на послѣднемъ слогѣ основы. Въ предпослѣднемъ слогѣ основы по происхожденію долгомъ долгота. Въ окончаніяхъ количественное чередованіе, отражающееся въ кашубскомъ языкѣ, см. ч. II настоящей работы.

	Sg			Pl		
N.	zāslùgā	—	(sùšā)	zāslùgy̆	—	(sùšy̆)
G.	sāslùgy̆	do-sùšѣ	(sùšѣ)	(zàslūgъ)	(dò-sūšь)	(sùšь)
D.	zāslùźѣ	po-sùšī	(sùšī)	zāslùgamъ	po-sùšamъ	(sùšamъ
	(zāslùźѣ)	(po-sùšī)	(sùšī)			
A.	zāslùgǫ̆	nāsùšǫ̆	(sùšǫ̆)	= N.	nā-sùšѣ	= N.
I.	zāslùgojǫ	zā-sùšejǫ	(sùšejǫ)	zāslùgami	zā-sùšami	(sùšami)
L.	zāslùźѣ	nā-sùšī	(sùšī)	zāslùgaχъ	nā-sùšaχъ	(sùšaχъ)

Въ виду параллелизма образованій вродѣ sùšā (кашубск. sëšā) и образованій вродѣ sūšà (кашубск. sūša) нерѣдко и контаминированныя образованія вродѣ sūšā (кашубск. sūšā).

Типъ b. Удареніе послѣдовательно на окончаніи. Въ послѣднемъ слогѣ основы количественное чередованіе, ничѣмъ не отличающееся отъ количественнаго чередованія въ именахъ типа aα при двухъ-и-болѣесложной основѣ, сохраненное въ кашубскомъ языкѣ.

	Sg.		Pl.	
N.	glǫbīnà	/vālà	glǫbīnỳ	/vālỳ
G.	glǫbīnỳ	/vālỳ	(glǫbĭnъ)	(/vàlъ)
D.	glǫbīnė	/valù	glǫbĭnàmъ	/vălàmъ
A.	glǫbīnǫ	/vālǫ	= N.	= N.
I.	glǫbĭnòjǫ	/vălòjǫ	glǫbĭnàmi	/vălàmi
L.	glǫbīnė	/vālъ	glǫbĭnà/ъ	/vălà/ъ

По аналогіи явленій, имѣвшихъ мѣсто во II склоненіи, иногда противоположность ударенія на окончаніи въ Sg. и ударенія на послѣднемъ слогѣ основы въ Pl.: glǫbīnà — glǫbĭny, sestrà — sèstry.

Примѣчаніе. — Въ силу обобщенія ударенія на окончаніи во многихъ именахъ типа aα, въ числѣ именъ типа b, особенно при двух-и-болѣе-сложной основѣ, много именъ, первоначально принадлежавшихъ къ типу aα.

Типъ c. Удареніе послѣдовательно на послѣднемъ слогѣ основы. Во всѣхъ слогахъ основы и окончаній краткость.

	Sg.			Pl		
N.	livàda	—	(jàma)	livàdy	—	(jàmy)
G.	livàdy	do-jàmy	(jàmy)	(livādъ)	(dò-jāmъ)	(jàmъ)
D.	livàdė	po-jàmė	(jàmė)	livàdamъ	po-jàmamъ	(jàmamъ)
A.	livàdǫ	na-jàmǫ	(jàmǫ)	= N.	na-jàmy	= N.
I.	livàdojǫ	za-jàmojǫ	(jàmojǫ)	livàdami	za-jàmami	(jàmami)
L.	livàdė	na-jàmė	(jàmė)	livàda/ъ	na-jàma/ъ	(jàma/ъ)

Типъ d. Удареніе послѣдовательно на предпослѣднемъ и далѣе отъ конца слогѣ основы. Во всѣхъ слогахъ основы и окончаній, по крайней мѣрѣ въ именахъ первоначальнаго состава, краткость.

	Sg.		Pl	
N.	koprìvića	jàgoda	koprìvićė	jàgody
G.	koprìvićė	jàgody	(koprìvīćь)	(jàgodь)
D.	koprìvići	jàgodė	koprìvićamъ	jàgodamъ
A.	koprìvićǫ	jàgodǫ	= N.	= N.
I.	koprìvićejǫ	jàgodojǫ	koprìvićami	jàgodami
L.	koprìvići	jàgodė	kodrìvića/ъ	jàgoda/ъ

Примѣчаніе. — Въ силу дѣйствія опредѣленныхъ морфологическихъ ассоціацій (rǫ̀kà : rǫ̑̀ća = pogòdā : x, гдѣ x = pogòdića; rǫ̀kà : rǫ̑̀činā = zanòzā : x, гдѣ x = zānòzina или zāńòzīna; rǫ̀kà : rǫ̑̀čьkā > rǫ̑̀čьka = porǫ̀kà : x, гдѣ x = porǫ̑̀čьka или porǫ̑̀čkā и т. п.), въ числѣ именъ типа d много именъ, первоначально принадлежавшихъ къ другимъ типамъ.

§ VI. *Имена II и III склоненій.*

Типъ a. Удареніе въ однѣхъ формахъ рецессивное (разрядка), а въ другихъ на окончаніи, притомъ въ формахъ съ двухсложными окончаніями либо на окончаніи, либо рецессивное. Въ послѣднемъ слогѣ основы по происхожденію долгомъ во всѣхъ формахъ, кромѣ формъ съ двухсложными окончаніями при рецессивномъ удареніи, долгота. Въ формахъ съ двухсложными окончаніями при рецессивномъ удареніи въ послѣднемъ слогѣ основы краткость, а въ окончаніяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота. Sg. I. на -ъмь, -ьмь — какъ формы съ односложными окончаніями.

Sg. N.A.	prìstāv	nà-līstъ (lĭ̀stъ)
G.	prìstāva	dò-līsta (lĭ̀sta)
D.	prìstāvu	pò-līstu (lĭ̀stu)
I.	prìstāvъmь	zà-līstъmь (lĭ̀stъmь)
L.	prìstāvѣ	nà-līstѣ (lĭ̀stѣ)
Pl. N.	prìstāvi	— (lĭ̀sti)
G.	(pristâvъ)	(do-lĭ̀stъ) (lĭ̀stъ)
D.	pristāvòmъ ‖ prìstāvomъ	po-līstòmъ (līstòmъ) ‖ pò-lĭ̀stomъ (lĭ̀stomъ)
A.	prìstāvy	nà-līsty (lĭ̀sty)
I.	pristāvy̆	za-līsty̆ (līsty̆)
L.	pristāvѣ̆⁄ъ ‖ prìstāvѣ̆⁄ъ	na-līstѣ̆⁄ъ (listѣ̆⁄ъ) ‖ nà-lĭ-stѣ̄⁄ъ (lĭ̀stѣ̄⁄ъ)

Sg. NA.	jèzero	nà-poľe (pòľe)
G.	jèzera	dò-poľa (pòľa)
D.	jèzeru	pò-poľu (pòľu)
I.	jézerъmь	zà-poľьmь (pòľьmь)
L.	jèzerě	nà-poľi (pòľi)
Pl. NA.	jezerà	na-poľà (poľà)
G.	(jezèrъ)	(do-pòľь) (pòľь)
D.	jezeròmъ ‖ jèzeromъ	po-poľèmъ (poľèmъ ‖ pò-poľemъ, (pòľemъ)
I.	jezerỳ	za-poli (poli)
L.	jezerě́ʒ̨ъ ‖ jèzerě́ʒ̨ъ	na-poľíʒ̨ъ (poľíʒ̨ъ) ‖ nà-poľíʒ̨ъ (pòľíʒ̨ъ)
Sg. NA.	pòvẽstь	nà-vẽstь (vẽ̊stь)
G.	pòvẽsti	dò-vẽsti (vẽ̊sti)
D.	pòvẽsti	pò-vẽsti (vẽ̊sti)
I.	povẽstьjǫ̀ ‖ pòvẽstьjǭ	za-vẽstьǫ̀ (vẽstьjǫ̀) ‖ zà-vẽstьjǭ (vẽstьjǭ)
L.	povẽstì	na-vẽstì (vẽsti)
Pl. NA.	pòvẽsti	nà-vẽsti (vẽ̊sti)
G.	povẽstьjь ‖ pòvẽstьjь	do-vẽstьjь (vẽstьjь) ‖ dò-vẽstьjь (vẽ̊stьjь)
D.	povẽstьmь ‖ pòvẽstьmъ	po-vẽstьmъ (vẽstьmъ) ‖ pò-vẽstьmъ (vẽ̊stьmъ)
I.	povẽstьmì ‖ pòvẽstьmī	za-vẽstьmì (vẽstьmì) ‖ zà-vẽstьmī (vẽ̊stьmī)
L.	povẽstь̀ʒ̨ъ ‖ pòvẽstь̀ʒ̨ъ	na-vẽstь̀ʒ̨ъ (vẽstь̀ʒ̨ъ) ‖ nà-vẽstь̀ʒ̨ъ (vẽ̊stь̀ʒ̨ъ)

Діалектически, на основаніи отношеній вродѣ pristāvě́ʒ̨ъ : prìstā-vě́ʒ̨ъ = prĩstāvỳ : x, na-līstě́ʒ̨ъ (līstě́ʒ̨ъ) : nà-līstẽʒ̨ъ (l̀īstẽʒ̨ъ) = za-līstỳ (līstỳ) : x, jezerě́ʒ̨ъ : jèzerě́ʒ̨ъ = jezerà : x_1, = jezerỳ : x_2, na-poľíʒ̨ъ (poľíʒ̨ъ) . nà-polī́ʒ̨ъ (pòlī́ʒ̨ъ) = na-poľà (poľà) . x_1, = za-poľi (poli) : x_2, povẽstьmì : pòvẽstьmī = povẽstì : x, za-vẽstьmì

(vȅstьmĭ) : za-vȅstьmĭ (vȅstьmĭ) = na-vȅstì (vȅstì) : x, строились формы вродѣ prìstȁvy̆, zà-lȉsty̆ (lȉsty̆), jèzerā, jézery̆, nà-poľā (pòlā), zà-poľī (pòlī), pòvȅstĭ, nà-vȅstĭ (vȅstĭ), чѣмъ достигалось единообразное рецессивное удареніе на всемъ протяженіи флексіи при сложномъ количественномъ чередованіи и въ послѣднемъ слогѣ основы по происхожденію долгомъ, и въ окончаніяхъ (а при односложной основѣ единообразное рецессивное удареніе и единообразная краткость въ слогѣ основы на всемъ протяженіи флексіи при количественномъ чередованіи въ окончаніяхъ). Явленія этого рода въ отношеніи мѣста ударенія частично отражаются въ сербскомъ языкѣ, а въ отношеніи количественныхъ чередованій въ чистѣйшемъ видѣ сохранены въ кашубскомъ языкѣ (иногда съ обобщеніемъ краткости въ послѣднемъ слогѣ основы).

Діалектически же, по образцу vertenà : vertènā возникало (см. ниже) и jezerà : jezèrā. Явленіе это, строго ограниченное условіемъ двух-и-болѣе-сложности основы, отражается въ русскомъ языкѣ.

Типъ aβ. Удареніе послѣдовательно на послѣднемъ слогѣ основы. Въ предпослѣднемъ слогѣ основы по происхожденію долгомъ долгота. Въ окончаніяхъ количественное чередованіе, отражающееся въ кашубскомъ языкѣ, см. ч. II настоящей работы.

	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.	Sg.	Pl.
N.	ūstàvъ	ūstàvĭ	pīsàlo	pīsàlā	kǭdélь	kǭdèlĭ
G.	ūstàvа	(ūstāvъ)	pīsàlă	(pȉsālъ)	kǭdèlĭ	kǭdèlьjь
D.	ūstàvu	ūstàvomъ	pīsàlŭ	pīsàlomъ	kǭdèlĭ	kǭdèlьmъ
A.	= N.	ūstàvy̆	= N.	= N.	= N.	= N.
I.	ūstàvъmь	ūstávy̆	pīsàlъmь	pīsàly̆	kǭdèlьjǭ	kǭdèlьmī
L.	ūstàvĕ	ūstàvĕ⁄ъ	pīsàlĕ	pīsàlĕ⁄ъ	kǭdèlī	kǭdèlь⁄ъ

Типъ b. Удареніе послѣдовательно на окончаніи, а въ Pl. также на послѣднемъ слогѣ основы. Въ послѣднемъ слогѣ основы по происхожденію долгомъ долгота. Въ формахъ Pl. съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ основы въ окончаніяхъ количественное чередованіе. — Типъ извѣстенъ только во II скл.?

Sg. NA.	bogȁčь	kȍrlь
G.	bodāčà	kȍrlà
D.	bogāčù	kȍrlù
I.	bogāčьmь	kȍrlьmь
L.	bogāčì	kȍrlì
Pl. N.	bogāčì ‖ bogȁčĭ	kȍrlì ‖ kȍrlì
G.	(bogȁčь)	(kȍrlь)
D.	bogāčèmъ ‖ bogȁčemъ	kȍrlèmъ ‖ kȍrlemъ
A.	bogāčѣ ‖ bogȁčѣ	kȍrlѣ ‖ kȍrlѣ
I.	bodāčì ‖ bogȁčī	kȍrlì ‖ kȍrlī
L.	bogāčì⁄ъ ‖ bogȁčī⁄ъ	kȍrlì⁄ъ ‖ kȍrlī⁄ъ
Sg. NA.	vertenò	gnēzdò
G.	vertenà	gnēzdà
D.	vertenù	gnēzdù
I.	vertenъmь	gnēzdьmь
L.	vertenѣ	gnēzdѣ
Pl. MA.	vertenà ‖ vertènā	gnēzdà ‖ gnēzdā
G.	(vertènъ)	(gnēzdъ)
D.	vertenòmъ ‖ vertènomъ	gnēzdòmъ ‖ gnēzdomъ
I.	vertenȳ ‖ vertènȳ	gnēzdȳ ‖ gnēzdȳ
L.	vertenѣ⁄ъ ‖ vertènѣ⁄ъ	gnēzdѣ⁄ъ ‖ gnēzdѣ⁄ъ

Примѣчаніе. — Въ силу обобщенія ударенія на окончаніи во многихъ именахъ типа aα, въ числѣ именъ типа b, особенно при двух-и-болѣе-сложной основѣ, много именъ, первоначально принадлежавшихъ къ типу aα.

Типъ c. Удареніе послѣдовательно на послѣднемъ слогѣ основы. Во всѣхъ слогахъ основы и окончаній краткость.

	Sg.		Pl.		
N.	jęzȳkъ	— (bràtъ)	jęzȳći	—	(bràti)
G.	jęzȳka	do-bràta (bràta)	(jęzȳkъ)	(dò-brātъ)	(bràtъ)
D.	jęzȳku	po-bràtu (bràtu)	jęzȳkomъ	po-bràtomъ	(bràtomъ)
A.	= N.	na-bràtъ = N.	jęzȳky	na-bràty	(bràty)
I.	jęzȳkъmь	za-bràtъmь (bràtъmь)	jęzȳky	za-bràty	(bràty)
L.	jęzȳćь	na-bràtѣ (bràtѣ)	jęzȳćь⁄ъ	na-bràtѣ⁄ъ	(bràtѣ⁄ъ

	Sg.			Pl		
NA.	korỳto	na-lѣto	(lѣto)	korỳta	na-lѣta	(lѣta)
G.	korỳta	do-lѣta	(lѣta)	(kòrỳtъ)	(dò-lѣtъ)	(lѣtъ)
D.	korỳtu	po-lѣtu	(lѣtu)	korỳtomъ	po-lѣtomъ	(lѣtomъ)
I.	korỳtъmь	za-lѣtъmь	(lѣtъmь)	korỳty	za-lѣty	(lѣty)
L.	korỳtъ	na-lѣtъ	(lѣtѣ)	korỳtѣ⁄ъ	na-lѣtѣ⁄ъ	(lѣtѣ⁄ъ)

	Sg.			Pl.		
NA.	bolѣznь	na-bàsnь	(bàsnь)	bolѣzni	na-bàsni	(bàsni)
G.	bolѣsni	do-bàsni	(bàsni)	bolѣznьjь	do-bàsnьjь	(bàsnьjь)
D.	bolѣzni	po-basni	(bàsni)	bolѣznьmъ	po-bàsnьmъ	(bàsnьmъ)
I.	bolѣznьjǫ	za-bàsnьjǫ	(bàsnьjǫ)	bolѣznьmi	za-basnьmi	(bàsnьmi)
L.	bolѣzni	na-bàsni	(bàsni)	bolѣznь⁄ъ	na-bàsnь⁄ъ	(bàsnь⁄ъ)

Типъ d. Удареніе послѣдовательно на предпослѣднемъ и далѣе отъ конца слогѣ основы. Во всѣхъ слогахъ основы, по крайней мѣрѣ въ именахъ первоначальнаго состава, краткость.

	Sg.		Pl.	
N.	jęzỳčькъ	bràtьćь	jęzỳčьći	bràtьći
G.	jęzỳčьka	bràtьća	(jęzỳčьkъ)	(bràtьćь)
D.	jęzỳčьku	bràtьću	jęzỳčьkomъ	bràtьćemъ
A.	= N.	= N.	jęzỳčьky	bràtьćъ
I.	jęzỳčьkъmь	bràtьćьmь	jęzỳčьky	bràtьći
L.	jęzỳčьćъ	bràtьći	jęzỳčьćѣ⁄ъ	bràtьći⁄ъ

	Sg		Pl.	
NA.	korỳtьće	lѣtъko	korỳtьća	lѣtъka
G.	korỳtьća	lѣtъka	(korỳtьćь)	(lѣtъkъ)
D.	korỳtьću	lѣtъku	korỳtьćemъ	lѣtъkomъ
I.	korỳtьćьmь	lѣtъkъmь	korytьći	lѣtъky
L.	korỳtьći	lѣtъćь	korỳtьći⁄ъ	lѣtъćѣ⁄ъ

	Sg.		Pl.	
NA.	vѣdomostь	pàkostь	vѣdomosti	pàkosti
G.	vѣdomosti	pàkosti	vѣdomostьjь	pàkostьjь
D.	vѣdomosti	pàkosti	vѣdomostьmъ	pàkostьmъ
I.	vѣdomostьjǫ	pàkostьjǫ	vѣdomostьmi	pàkostьmi
L.	vѣdomosti	pàkosti	vѣdomostь⁄ъ	pakostь⁄ъ

Примѣчаніе. — Въ силу дѣйствія опредѣленныхъ морфологическихъ ассоціацій (spālà : Sg. G. spānьjà = kāzàlā : x, гдѣ x = kāzànьjā; Pl. I. rodỳ : Sg. G. rodьstvà = Pl. I ūròdy : x, гдѣ x = ūròdьstvā; Pl. I. selỳ : Sg. G. selьćà = Pl. I, ūròdy : x, гдѣ x = ūròdьćā; Pl. I. kvētỳ : Sg G. kvētъkà = Pl. I. postàvỹ : x, гдѣ x = postàvъkā; Pl. I. selỳ : seliśće = Pl. I. postàvỹ : x, гдѣ x = postàviśće или postàvīśće и т. п.), въ числѣ именъ типа d, особенно съ трех-и-болѣе-сложной основой, много именъ, первоначально принадлежавшихъ къ другимъ типамъ.

§ VII. *Глаголы на* -ti

Формы съ основой Inf.

Типъ a. Удареніе въ однѣхъ формахъ рецессивное (разрядка), въ другихъ на окончаніи. Исключительныя особенности въ Inf. и притомъ однѣ у глаголовъ съ основой на гласный чистый и другія у глаголовъ съ основой на гласный носовой или дифтонгъ съ плавнымъ. — Типъ извѣстенъ только у глаголовъ съ основой на гласный или дифтонгъ съ плавнымъ.

Типъ b. Удареніе послѣдовательно на окончаніи — Типъ извѣстенъ только у глаголовъ съ основой на согласный.

Inf.		polĭ̀ti (lĭ̀ti)	proklę̀ti (klę̀tì)	trę̀stì
Part. Act. Sg.	Msc.	pòlīlъ (lĭ̀lъ)	pròklę̄lъ (klę̀lъ)	trę̀slъ
	Fm.	polīlà (līlà)	proklę̄là (klę̄là)	trę̄slà
	Ntr.	pòlīlo (lĭ̀lo)	pròklę̄lo (klę̀lo)	trę̄slò
Part. Pass. Sg.	Msc.	pòlītъ (lĭ̀tъ)	pŕòklętъ (klę̀tъ)	trę̀sènъ
	Fm.	polītà (lìtà)	proklę̄tà (klę̄tà)	trę̀senà
	Ntr.	pòlīto (lĭ̀to)	pròklę̄to (klę̀to)	trę̀senò

Типъ c. Удареніе послѣдовательно на слогѣ основы.

Inf.		zaśìti (śìti)	sъźę̀ti (źę̀ti)	zaprę̀sti (prę̀sti)
Part. Act. Sg.	Msc.	zaśīlъ (śìlъ)	sъźę̀lъ (źę̀lъ)	zaprę̀dlъ (prę̀dlъ)
	Fm.	zaśīla (śìla)	sъźę̀la (źę̀la)	zaprę̀dla (prę̀dla)
	Ntr.	zaśīlo (śìlo)	sъźę̀lo (źę̀lo)	zaprę̀dlo (prę̀dlo)

Part. Pass. Sg. Msc.	zašîtъ (šîtъ)	sъžę̀tъ (žę̀tъ)	zaprę̀denъ (prę̀denъ)
Fm.	zašîta (šîta)	sъžę̀ta (žę̀ta)	zaprę̀dena (prę̀dena)
Ntr.	zašîto (šîto)	sъžę̀to (žę̀to)	zaprę̀deno (prę̀deno)

Формы съ основой Prs.

Типъ a. Ударе́ніе въ однѣхъ формахъ на слогѣ основы, въ другихъ на окончаніи.

Типъ b. Ударе́ніе послѣдовательно на окончаніи.

Типъ c. Ударе́ніе послѣдовательно на слогѣ основы.

Prs. Sg.	1	pomogȕ (mogȕ)	trę̄sò	prisę̀dǫ (sę̀dǫ)
	2	pomòžeši (mòžeši)	trę̄séši	prisę̀deši (sę̀desi)
	3	pomòžetь (mòžetь)	trę̄sètь	prisę̀detь (śę̀detь)
Pl.	1	pomòžemo (mòžemo)	trę̆semò	prisę̀demo (sę̀demo)
	2	pomòžete (mòžete)	trę̆setè	prisę̀dete (sę̀dete)
	3	pomògǭtь (mògǭtь)	trę̄sǭtь	prisę̀dǭtь (sę̀dǭtь)
Imp. Sg.	2	pomoźî (moźî)	trę̆sì	prisę̀di (sę̀di)
Pl.	1	pomoźětmo (moźětmo)	trę̆sětmo	prisę̀dětmo (sę̀dětmo)
	2	pomoźěte (moźěte)	trę̆sěte	prisę̀děte (sę̀děte)

Діалектически, на основаніи отношеній вродѣ trę̄sèši : trę̆sì = pomòžeši (mòžeši) : x, формы вродѣ pomòźi (mòźi). Явленія этого рода отражаются въ сербскомъ языкѣ.

Въ формахъ съ основой Inf. и въ формахъ съ основой Prs. глаголы часто принадлежали къ разнымъ типамъ (mot'ì, mòglъ, moglà, moglò, — mogǫ́, mòžeši, mòžetь, mòžemo, mòžete, mògǭtь, moźî, moźětmo, moźěte; prę̀sti, prę̀dlъ, prę̀dla, prę̀dlo, prę̀denъ, prę̀dena, prę̀deno — prę̀dǫ́, prę̄dèši, prę̄dètь, prę̆demò, prę̆detè, prę̄dǭtь, prę̆dì, prę̆dětmo prę̆děte). На этой почвѣ нѣкоторыя колебанія.

§ VIII. *Глаголы на* -nǫti.

Типъ a — b. Ударе́ніе въ однѣхъ формахъ на слогѣ основы, въ другихъ на окончаніи.

Типъ c. Ударе́ніе послѣдовательно на слогѣ основы.

	Inf.	potę̄gnǭti (tę̄gnǭti)	pogy̏nǫti (gy̏nǫti)
Part. Act. Sg. Msc.		potę̄gnǫ̀lъ (tę̄gnǫ̀lъ)	pogy̏nǫlъ (gy̏nǫlъ)

Fm.	potę̄gnǫ̀lā (tę̄gnǫ̀lā)	pogỳnǫla (gỳnǫla)
Ntr.	potę̄gnǫ̀lo (tę̄gnǫ̀lo)	pogỳnǫlo (gỳnǫlo)
Part. Pass. Sg. Msc.	potę̄gnǭtъ (tę̄gnǭtъ)	
Fm.	potę̄gnǭta (tę̄gnǭta)	
Ntr.	potę̄gnǭto (tę̄gnǭto)	
Prs. Sg. 1	potę̄gnǫ̀ (tę̄gnǫ̀)	pogỳnǫ (gỳnǫ)
2	potę̄gneśi (tę̄gneśi)	pogỳneśi (gỳneśi)
3	potę̄gnetь (tę̄gnetь)	pogỳnetъ (gỳnetь)
Pl. 1	potę̄gnemo (tę̄gnemo)	pogỳnemo (gỳnemo)
2	potę̄gnete (tę̄gnete)	pogỳnete (gỳnete)
3	potę̄gnǭtь (tę̄gnǭtь)	pogỳnǭtь (gỳnǭtь)
Imp. Sg. 2	potę̄gnì (tę̄gnì)	pogỳni (gỳnì)
Pl. 1	potę̄gnѣmo (tę̄gnѣmo)	pogỳnѣmo (gỳnѣmo)
2	potę̄gnѣte (tę̄gnѣte)	pogỳnѣte (gỳnѣte)

§ IX. *Глаголы на* -ѣti.

Типъ a. Удареніе послѣдовательно на окончаніи.

Типъ c. Удареніе послѣдовательно на слогѣ основы.

Inf.	ŭmѣ̀ti	vь̄rtѣ̀ti	uvìdѣti (vìdѣti)
Part. Act. Sg. Msc.	ŭmѣ̀lъ	vь̄rtѣ̀lъ	uvìdѣlъ (vìdѣlъ)
Fm.	ŭmѣ̀lă	vь̄rtѣ̀lă	uvìdѣla (vìdѣla)
Ntr.	ŭmѣ̀lo	vь̄rtѣ̀lo	uvìdѣlo (vìdѣlo)
Part. Pas. Sg. Msc.		vь̄rt́ènъ	uvìd́enъ (vìd́enъ)
Fm.		vь̄rt́enà	uvìd́ena (vìd́ena)
Ntr.		vь̄rt́enò	uvìd́eno (vìd́eno)
Prs. Sg. 1	umѣ̀jǫ	vь̄rt́ǫ̀	uvìd́ǫ (vìd́ǫ)
2	ŭmѣ̀jeśi	vь̄rtì́śi	uvìdīśi (vìdīśi)
3	ŭmѣ̀jetь	vь̄rtì́tь	uvìdītь (vìdītь)
Pl. 1	ŭmѣ̀jemo	vь̄rtì́mo	uvìdīmo (vìdīmo)
2	ŭmѣ̀jete	vь̄rtì́te	uvìdīte (vìdīte)
3	ŭmѣ̀jǭtь	vь̄rtę̀́tь	uvìdę̄tь (vìdę̄tь)
Imp. Sg. 2	ŭmѣ̀ji	vь̄rtì	uvìdi (vìdi)
Pl. 1	ŭmѣ̀jimo	vь̄rtìmo	uvìdimo (vìdimo)
2	ŭmѣ̀jite	vь̄rtìte	uvìdite (vìdite)

Типъ a при i-овомъ Prs. испыталъ многообразную діалектическую переработку. По аналогіи съ perlòmīši (lomīši) и т. д. (см. ниже), появлялось и rovьŕtīši (vьrtīši) и т. д. Явленія этого рода отражаются въ русскомъ языкѣ. По аналогіи zaorȁti (orȁti), zàorālъ, zaorālà, zàoralo (orȁlъ, orálā, orȁlo), zàorānъ, zaorānà, zàorāno (òrānъ, orą̄nà, òrāno) и т. д. (см. ниже), появлялось и zadьrźàti (dьrźàti), zàdьrźālъ, zadьrźālà, zàdьrźālo (dьrźàlъ, dьrźàlā, dьrźàlo), zàdьrźānъ, zadьrźānà, zàdьrźāno (dьŕźānъ, dьrźānà, dьźāno) и т. д. Явленія этого рода отражаются въ сербскомъ языкѣ. На основаніи отношеній вродѣ trǫ̑bìti : trǫ̑bǫ̀ = vь̄rtȅti : x, иногда появлялись формы вродѣ vь̄rtǫ̀ съ долготой. Явленія этого рода отражаются въ сербскомъ языкѣ. Свободныя отъ аналогической переработки явленія отражаются только въ западно-словянскихъ языкахъ.

§ X. *Глаголы на* -iti.

Типъ a. Удареніе послѣдовательно на окончаніи. Отсутствіе количественнаго чередованія.

Типъ b. Удареніе сильно чередующееся, различное при слогѣ основы по происхожденію краткомъ и при слогѣ основы по происхожденію долгомъ. Количественное чередованіе въ разныхъ слогахъ.

Типъ c. Удареніе послѣдовательно на слогѣ основы.

Inf.	čĭnìti	poglàditi (glàditi)
Part. Act. Sg. Msc.	čĭnìlъ	poglàdilъ (glàdilъ)
Fm.	čĭnìlă	poglàdila (gladila)
Ntr.	čĭnìlo	poglàdilo (glàdilo)
Part. Pass. Sg. Msc.	čĭnènъ	poglàďenъ (glàďenъ)
Fm.	čĭnenà	poglàďena (glàďena)
Ntr.	čĭnenò	poglàďeno (glàďeno)
Prs. Sg. 1	čĭńǫ̀	poglàďǫ (glàďǫ)
2	čĭnìši	poglàdīši (glàdīši)
3	čĭnìtь	poglàdītь (glàdītь)
Pl. 1	čĭnìmo	poglàdīmo (glàdīmo)
2	čĭnìte	poglàdīte (glàdīte)
3	čĭnę̀ʦь	poglàdę̄ʦь (glàdę̄ʦь)

Imp. Sg.	2	čĭnì	poglàdi (glàdi)
Pl.	1	čĭnìmo	poglàdimo (glàdimo)
	2	čĭnìte	poglàdite (gladite)
Inf.		perlomìti (lomìti)	po⁄vălìti (⁄valìti) zatrǫ̑bìti (trǫ̑bìti)
Part. Act. Sg.	Msc.	perlomīlъ (lomìlъ)	po⁄vālìlъ (⁄vālìlъ) zatrǫ̑bìlъ (trǫ̑bìlъ)
	Fm.	perlomīlà (lomìlā)	po⁄vālìlā (⁄vālìlā) zatrǫ̑bìlā (trǫ̑bìlā)
	Ntr.	perlomīlo (lomìlo)	po⁄vālìlo (⁄vālìlo) zatrǫ̑bìlo (trǫ̑bìlo)
Part. Pass. Sg.	Msc.	perlomenъ (lomènъ)	po⁄vàl'enъ (⁄vàl'enъ) zatrǫ̑bènъ (trǫbènъ)
	Fm.	perlomenà (lomenà)	po⁄vàl'ena (⁄vāl'ena) zatrǫ̑benà (trǫ̑benà)
	Ntr.	perlomeno (lomenò)	po⁄vàl'eno (⁄vàl'eno) zatrǫ̑benò (trǫ̑benò)
Prs. Sg.	1	perlomlǫ̑ (lomlǫ̑)	po⁄vālǫ̑ (⁄vāl'ǫ̑) zatrǫ̑bǫ̑ (trǫbǫ̑)
	2	perlòmīšĭ (lomìšĭ)	po⁄vàlīšĭ (⁄vàlīšĭ) zatrǫ̑bìšĭ (trǫ̑bìšĭ)
	3	perlòmītь (lomìtь)	po⁄vàlītь (⁄vàlītь) zatrǫ̑bìtь (trǫ̑bìtь)
Pl.	1	perlòmīmo (lomìmo)	po⁄vàlīmo (⁄vàlīmo) zatrǫ̑bìmo (trǫ̑bìmo)
	2	perlòmīte (lomìte)	po⁄vàlīte (⁄vàlīte) zatrǫ̑bìte (trǫ̑bìte)
	3	perlòmę̑tь (lomę̑tь)	po⁄vàlę̑tь (⁄vàlę̑tь) zatrǫ̑bę̑tь (trǫ̑bę̑tь)
Imp. Sg.	2	perlomì (lomì)	po⁄vălì (⁄vālì) zatrǫ̑bì (trǫ̑bì)
Pl.	1	perlomìmo (lomìmo)	po⁄vălìmo (⁄vālìmo) zatrǫ̑bìmo (trǫ̑bìmo)

2	perlomìte (lomìte)	poz̆vălìte (z̆vălìte)	zatrǫ̆bìte (trǫ̆bìte)

Глаголы типа a охотно усвоивали особенности глаголовъ типа b.

§ XI. *Глаголы на* -ati.

Типъ a. Удареніе послѣдовательно на окончаніи. Отсутствіе количественнаго чередованія.

Типъ a — b при je-овомъ Prs., типъ b при a-овомъ Prs. Удареніе сильно чередующееся, различное при слогѣ основы по происхожденію краткомъ и при слогѣ основы по происхожденію долгомъ. Количественное чередованіе въ разныхъ слогахъ.

Типъ c. Удареніе послѣдовательно на слогѣ основы.

Inf.	vĕnьć̀ati	poglę̀dati (glę̀dati)	zaplàkati (plàkati)
Part. Act. Sg. Msc.	vĕnьć̀alъ	poglę̀dalъ (glę̀dalъ)	zaplàkalъ (plàkalъ)
Fm.	vĕnьć̀ală	poglę̀dala (glę̀dala)	zaplàkala (plàkala)
Ntr.	vĕnьć̀alo	poglę̀dalo (glę̀dalo)	zaplàkalo (plàkalo)
Prt. Pass. Sg. Msc.	vĕnьć̀anъ	poglę̀dānъ (glę̀dānъ)	zaplàkānъ (plàkānъ)
Fm.	vĕnьć̀ană	poglę̀dāna (glę̀dāna)	zaplàkāna (plàkāna)
Ntr.	vĕnьć̀ano	poglę̀dāno (glę̀dāno)	zaplàkāno (plàkāno)
Prs. Sg. 1	vĕnьć̀ajǫ	poglę̀dajǫ (glę̀dajǫ)	zaplàć̆ǫ (plàć̆ǫ)
2	vĕnьć̀aši	poglę̀dāši (glę̀dāši)	zaplàć̆eši (plàć̆eši)
3	vĕnьć̀atь	poglę̀dātь (glę̀dātь)	zaplàć̆etь (plàć̆etь)
Pl. 1	vĕnьć̀amo	poglę̀dāmo (glę̀dāmo)	zaplàć̆emo (plàć̆emo)

	2	vɛ̃nьć̀āte poglę̀dāte (glę̀dāte)	zaplàć̀ete (plàć̀ete)
	3	vɛ̃nьć̀ājǭtь poglę̀dajǫtь (glę̀dajǫtь)	zaplàć̀ǭtь (plàć̀ǭtь)
Imp. Sg.	2	vɛ̃nьć̀àji poglę̀daji (glę̀daji)	zaplàć̀i (plàć̀i)
Pl.	1	vɛ̃nьć̀àjimo poglę̀dajimo (glę̀dajimo)	zaplàć̀imo (plàć̀imo)
	2	vɛ̃nьć̀àjite poglę̀dajite (glę̀dajite)	zaplàć̀ite (plàć̀ite)
Inf.		zakopàti (kopàti)	ispy̆tàti (pў̆tàti)
Part. Act. Sg.	Msc.	zàkopālъ (kopàlъ)	ispў̆tàlъ (pў̆tàlъ)
	Fm.	zakopālà (kopàlā)	ispў̆tàlā (pў̆tàlā)
	Ntr.	zàkopālo (kopàlo)	ispў̆tàlo (pў̆tàlo)
Part. Pass. Sg.	Msc.	zàkopānъ (kòpānъ)	ispў̆tanъ (pў̆tānъ)
	Fm.	zakopānà (kopānà)	ispў̆tāna (pў̆tāna)
	Ntr.	zàkopāno (kòpāno)	ispў̆tāno (pў̆tāno)
Prs. Sg.	1	zakopàjǫ (kopàjǫ)	ispў̆tàjǫ (pў̆tàjǫ)
	2	zakòpāši (kopàši)	ispў̆tāši (pў̆tāši)
	3	zakòpātь (kopàtь)	ispў̆tātь (pў̆tātь)
Pl.	1	zakòpāmo (kopàmo)	ispў̆tāmo (pў̆tāmo)
	2	zakòpāte (kopàte)	ispў̆tāte (pў̆tāte)
	3	zakopàjǭtь (kopàjǭtь)	ispў̆tàjǭtь (pў̆tàjǭtь)
Imp. Sg.	2	zakopàji (kopàji)	ispў̆tàji (pў̆tàji)
Pl.	1	zakopàjimo (kopàjimo)	ispў̆tàjimo (pў̆tàjimo)
	2	zakopàjite (kopàjite)	ispў̆tàjite (pў̆tàjite)
Inf.		zaoràti (oràti)	napĭsàti (pĭsàti)
Part. Act. Sg.	Msc.	zàorālъ (oràlъ)	napĭsàlъ (pĭsàlъ)
	Fm.	zaorālà (oràlā)	napĭsàlā (pĭsàlā)
	Ntr.	zàorālo (oràlo)	napĭsàlo (pĭsàlo)
Part. Pass. Sg.	Msc.	zàorānъ (òrānъ)	napĭsānъ (pĭsānъ)
	Fm.	zaorānà (orānà)	napĭsāna (pĭsāna)
	Ntr.	zàorāno (òrāno)	napĭsāno (pĭsāno)
Prs. Sg.		zaoŕǫ̀ (oŕǫ̀)	napĭśǫ̀ (pĭśǫ̀)

	2	zaòŕeši (oŕèši)	napĭšeši (pĭšeši)
	3	zaòŕetь (oŕètь)	napĭšetь (pĭšetь)
Pl.	1	zaòŕemo (oŕèmo)	napĭšemo (pĭšemo)
	2	zaòŕete (oŕète)	napĭšete (pĭšete)
	3	zaòŕǫtь (oŕǫ̀tь)	napĭšǫtь (pĭšǫ̀tь)
Imp. Sg.	2	zaoŕi (oŕi)	napĭši (pĭši)
Pl.	1	zaoŕimo (oŕimo)	napĭšimo (pĭšimo)
	2	zaoŕite (oŕite)	napĭšite (pĭšite)

Глаголы типа a охотно усвапвали особенности глаголовъ типа b. Діалектически, какъ mòźi при mòžeši, такь и pỳtaji при pỳtāši. -ā- въ Prs. по аналогическимъ причинамъ рано стало замѣняться черезъ, -aje-, въ однихъ діалектахъ (серб.) безъ измѣненій въ мѣстѣ ударенія, въ другихъ (русск.) съ обобщеніемъ ударенія формъ на -ajǭ -ajǭtь. Чак. kopâš = kopāš непосредственно изъ kopàješ.

О явленіяхъ позднѣйшаго періода исторіи праславянской акцентологической системы.

§ XII. Начнемъ съ вопроса о происхожденіи устойчиваго ударенія на долгомъ слогѣ.

Уже А. А. Шахматовъ доказалъ, что устойчивое удареніе на долгомъ слогѣ (въ его терминахъ, восходящее удареніе на музыкально-высокомъ сверхдолгомъ слогѣ) возникло во всѣхъ случаяхъ въ результатѣ вторичной встрѣчи ударенія и долготы въ одномъ слогѣ — въ однихъ случаяхъ въ результатѣ фонетическаго перехода ударенія съ ъ ь въ слабой позиціи на предшествующій долгій слогъ (kōrlь > kōrĺь), въ другихъ случаяхъ, въ результатѣ аналогическаго проникновенія долготы подъ удареніе (vòrtā подъ вліяніемъ параллельнаго vōrtà > vōrtā). Пути аналогическаго проникновенія долготы подъ удареніе можно, правда, понимать не всегда такъ, какъ А. А. Шахматовъ, но суть дѣла отъ этого не измѣняется. Относительно путей аналогическаго проникновенія долготы подъ удареніе надо сказать, что они были гораздо единообразнѣе, чѣмъ это думаетъ А. А. Шахматовъ, — обычно передъ нами одна и

та же контаминація параллельныхъ образованій. Это ясне всего для такихъ случаевъ, какъ sûšā (sûšā — sūšà, § V) и для такихъ случаевъ, какъ Pl. bogāčìχъ, korlìχъ, gnēžda (bogàčìχъ, korlìχъ, gnìzda — bogāčìχъ, korlìχъ, gnēzdьχъ, § VI). Это ясно также для такихъ случаевъ, какъ χvalíši, trǫbíši (poχvàlíši, potrǫbíši — χvalíši trǫbìši, ср. perlòmíši — lomìši, lomíši, § X), pŷtaši (ispŷtáši — pŷtàši, ср. zakòpáši — kopáši, kopàši, § XI), píšeši (napíšeši — píšeši, ср. zaòŕeši — oŕéši, § XI), tę̄gneši (potę̄gneši — tę̄gnéši), и для такихъ случаевъ, какъ χvàľenъ (χvàľenъ — χvāľénъ, ср. -lòmílъ : lomìlъ, § X), pŷtānъ, pìsānъ (-pŷtānъ, -pìsānъ — pŷtànъ, pìsànъ, ср. -kòpālъ, -òrālъ — kopàlъ, oràlъ), tę̄gnǭtъ (tę̄gnǭtъ — tę̄gnǫ̀tъ), а также для такихъ случаевъ какъ bьloje (bьloje — bьlòje). Inf. типа proklę̄ti слѣдуетъ разсматривать, какъ контаминацію proklę̀ti, ср. políti, § VII, и klę̄tì. Inf. типа tę̄gnǭti надо связывать съ Inf. типа proklę̄ti и разсматривать какъ результатъ контаминаціи Inf. типа tę̄gnǫ̀ti и Inf. типа tę̄gnǭtì, съ вмѣшательствомъ вліянія тѣхъ или иныхъ формъ съ долгимъ слогомъ основы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ нами аналогическое распространеніе долготы въ окончаніи (-ìši -àši и т. д. и тамъ, гдѣ никакой контаминаціи не происходило). Въ одномъ случаѣ передъ нами аналогическое проникновеніе долготы въ предпослѣдній слогъ основы (Pl. G. zàslūgъ, ūstāvъ). Устойчивое удареніе на долгомъ слогѣ какъ результатъ фонетическаго перехода ударенія съ ъ ь въ слабой позиціи на предшествующій долгій слогъ считаю явленіемъ очень раннимъ, а устойчивое удареніе на долгомъ слогѣ, какъ результатъ аналогическаго проникновенія долготы подъ удареніе считаю явленіемъ очень позднимъ.

Остается неяснымъ: почему вторичная встрѣча ударенія и долготы въ одномъ слогѣ неизмѣнно обусловливала устойчивый характеръ ударенія — kòpānъ : òkopānъ, но pŷtānъ : ispŷtānъ? Остается также неяснымъ: почему вторичная встрѣча ударенія и долготы въ одномъ слогѣ обычно обусловливала исчезновеніе чередованія ударенія — kòpānъ : kopānà, но pŷtānъ : pŷtāna? Остается также неяснымъ: почему вторичная встрѣча ударенія и долготы въ одномъ слогѣ неизмѣнно обусловливала исчезновеніе ударной противоположности простыхъ и сложенныхъ

формъ — kopā̀šь ; zakòpā̀šь, но pȳtā̀šь : ispȳtā̀sь? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы одинъ: въ сознаніи говорящихъ представленіе комбинаціи ударенія съ долготой, несомнѣнно, плохо ассоціировалось съ представленіемъ подвижности ударенія, и потому при этой комбинаціи ударенія съ долготой эта подвижность ударенія, въ чемъ бы она ни выражалась, въ рецессіи ли ударенія, или въ чередованіи удареній, или въ ударной противоположности простыхъ и сложенныхъ формъ, была въ однихъ случаяхъ неизмѣнно, а въ другихъ обычно ликвидирована.

Важно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленія оneподвиженія ударенія разныхъ порядковъ, вызванныя возникновеніемъ комбинаціи ударенія съ долготой по граматической аналогіи могли передаваться и туда, гдѣ комбинаціи ударенія съ долготой не было. Уже въ праславянскомъ языкѣ perlomenъ : perlomenà : lomènъ : lomenà начинало вытѣсняться черезъ perlòmenъ : perlòmena : lòmenъ : lòmena (чак. prilo̱mi̯ēn : prilo̱mi̯ena : lo̱mi̯ēn : lo̱mi̯ena), по образцу po̯χvā̀ľenъ : po̯χvā̀ľena : χvā̀ľenъ : χvā̀ľena. Сюда же, если угодно, отсутствіе рецессіи ударенія въ pomòžeši, potòneši, perlòmīši, zakòpā̀ši, zadȍŕeši, по образцу potẹ̑gneši, po̯χvā̀līši, ispȳtā̀ši, napī̀šeši. Сюда же, если угодно, всестороннее (то по однѣмъ, то по другимъ формамъ, съ громадными колебаніями по діалектамъ) оneподвиженіе ударенія въ прилагательныхъ мѣстоименнаго склоненія.

Итакъ:

Устойчивое удареніе на долгомъ слогѣ возникло въ результатѣ вторичной встрѣчи ударенія и долготы въ одномъ слогѣ.

§ XIII. Теперь перейдемъ къ вопросу о происхожденіи рецессивнаго ударенія въ трех-и-болѣе-сложныхъ формахъ.

Не можетъ не привлечь вниманія то обстоятельство, что, въ то время какъ при устойчивомъ удареніи долгота сосѣдила съ удареніемъ, при рецессивномъ удареніи долгота (долгота предпослѣдняго слога слова, ср. таблицы § I или IV) могла отдѣляться отъ ударенія слогомъ или нѣсколькими слогами. Это обстоятельство можетъ имѣть только одно истолкованіе: сосѣдство долготы (долготы предпослѣдняго слога слова) нѣкогда было и здѣсь — въ трех-и-болѣе-сложныхъ формахъ, рецессивное удареніе замѣнило устойчивое удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ:

pòvẽstь : nà-povẽstь < pòvẽstь : na-pòvẽstь, ìspovẽstь : nà-ispovẽstь < ispòvẽstь : na-ispòvẽstь. Что касается рецессивнаго ударенія въ двухсложныхъ формахъ, то это вопросъ особый — nà-vẽstь существовало уже тогда, когда было pòvẽstь съ устойчивымъ удареніемъ на третьемъ отъ конца слогѣ.

Остается неяснымъ: почему устойчивое удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ слова въ однихъ случаяхъ замѣнялось рецессивнымъ удареніемъ, а въ другихъ случаяхъ сохранялось какъ устойчивое удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ слова? Вопросъ этотъ надо разсмотрѣть отдѣльно для формъ съ односложнымъ окончаніемъ, гдѣ удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ слова было удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы, и отдѣльно для формъ съ двухсложнымъ окончаніемъ, гдѣ удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ слова было удареніемъ на послѣднемъ слогѣ основы.

Первый случай. Замѣну устойчиваго ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы рецессивнымъ удареніемъ мы видимъ въ skòvōrdo : nà-skovōrdǫ < skòvōrdǫ : na-skòvōrdǫ — skovōrdà, prìstāvъ : nà-pristāvъ < prìstāvъ : na-prìstāvъ — Pl. I. pristāvỳ, jèzero : nà-jezero < jèzero : na-jèzero — Pl. NA. jezerà, pòvẽstь : nà-povẽstь < pòvẽstь : na-pòvẽstь — Sg. L. povẽstì, zèlenъ : nà-zelenъ < na-zèlenъ — zelenà, perlomīlъ < perlòmīlъ — perlomīlà, zàkopālъ < zakòpālъ — zakopālá, záorālъ < zaòrālъ — zaorālà, perlomenъ < perlòmenъ — perlomenà, kòpānъ : zàkopānъ < kòpānъ : zakòpānъ — kopānà, òrānъ : zàorānъ < òrānъ : zaòrānъ — orānà. Сохраненіе устойчиваго ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы мы видимъ въ jàgodǫ : na-jàgodǫ — jàgoda, bràtьćь : na-bràtьćь — Pl. I. bràtьći, lętъko : na-lętъko — Pl. NA. lętъka, pàkostь : na-pàkostь — Sg. L. pàkosti, bràtьskъ : na-bràtьskъ — bràtьska, glàdilъ : poglàdilъ — glàdila, ględalъ : poględalъ — ględala, plàkalъ : zaplàkalъ — plàkala, glàd'enъ : poglàd'enъ — glàd'ena, ględānъ : poględānъ — ględāna, plàkānъ : zaplàkānъ — plàkāna. Этотъ матеріалъ позволяетъ намъ сдѣлать такое наблюденіе: устойчивое удареніе на предпослѣднемъ слогѣ основы замѣнилось рецессивнымъ удареніемъ, если на протяженіи флексіи чередовалось съ удареніемъ на

окончаніи, и сохранилось какъ устойчивое ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ основы, если на протяженіи флексіи съ ударѐніемъ на окончаніи не чередовалось. Исключенія ни одного. Процессы, создавшіе наблюденную зависимость, не могутъ составлять загадки. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда, въ связи съ тѣмъ, что въ словахъ съ двухсложной основой, выступавшихъ въ рѣчи гораздо чаще, чѣмъ слова съ трех-, четырех- и т. д.-сложной основой, ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ основы *матеріально* было и ударѐніемъ на первомъ слогѣ основы,— представленіе чередованія ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы и ударенія на окончаніи въ сознаніи говорящихъ оказалось подмѣнено представленіемъ чередованія ударенія на первомъ слогѣ основы и ударенія на окончаніи, и этотъ подмѣнъ представленій нашелъ себѣ объективное выраженіе въ словахъ съ трех-, четырех-, и т. д.-сложной основой: какъ pòvēstь — povēstì съ ударѐніемъ въ pòvēstь понятымъ какъ ударѐніе на первомъ слогѣ основы, такъ и ìspovēstь — ìspovēstì (вм. ispòvēstь : ispovēstì), nà-povēstь — na-povēstì (вм. na-pòvēstь — na-povēstì), nà-ispovēstь — na-ispovēstì (вм. na-ispòvēstь : na-ispovēstì). Процессы эти развивались тѣмъ легче, что противоположность «начало — конецъ слова» гораздо ярче, гораздо больше даетъ языковому ощущенію, чѣмъ противоположность «предпослѣдній слогъ основы — окончаніе». Гдѣ не было никакого чередованія ударенія или было какое-нибудь иное чередованіе ударенія, тамъ указанный подмѣнъ представленій и указанныя измѣненія не имѣли мѣста. Поразительная параллель — въ приморскихъ діалектахъ кашубскаго языка, см. ч. II настоящей работы.

Второй случай. Замѣну устойчиваго ударенія на послѣднемъ слогѣ основы рецессивнымъ ударѐніемъ мы видимъ въ prìstăvē̆ъ < pristàvē̆ъ (при pristāvē̆ъ) — prìstāvъ — Pl. I. pristāvỳ, jèzerē̆ъ < jezèrē̆ъ (при jezerѣ̆ъ) — jèzero — Pl. NA. jezerà, pòvēstь̆ъ < povēstь̀ъ (при povēstь̀ъ) — pòvēstь — Sg. L. povēstì. Сохраненіе устойчиваго ударенія на послѣднемъ слогѣ основы мы видимъ, съ одной стороны (до аналогическаго проникновенія долготы подъ ударѐніе), въ bogàčĭъ (при bogāčĭъ — Sg. G. bogāčà, vertènē̆ъ (при vertenѣ̆ъ) — vertenò, а съ другой стороны, въ livàdaъ — livàdǫ — livàda, jęzỳćьъ — jęzỳkъ — Pl. I. jęzỳky, korỳtьъ — korỳto —

Pl. NA. korỳta, bolьznь/ъ — bolèznь — Sg. L. bolèznь/ъ. Если угодно, сюда же можно прибавить pomòž|eši, potòm|eši, perlòm|ši, zakòp|āši, zaòr|eši — pomog|ǫ́, poton|ǫ́, perlom|ǫ́, zakopàj|ǫ, zaor|ǫ́ и vesèl|oje, gòl|oje. Этотъ матеріалъ позволяетъ намъ сдѣлать такое наблюденіе: устойчивое удареніе на послѣднемъ слогѣ основы замѣнилось сначала устойчивымъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы, а затѣмъ, вмѣстѣ съ другимъ устойчивымъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы, рецессивнымъ удареніемъ, если участвовало въ *тройномъ* чередованіи ударенія на предпослѣднемъ слогѣ основы, ударенія на послѣднемъ слогѣ основы и ударенія на окончаніи, и сохранилось какъ удареніе на послѣднемъ слогѣ основы, если въ такомъ тройномъ чередованіи ударенія не участвовало. Исключенія ни одного. Процессы, создавшіе наблюденную зависимость, не могутъ составлять загадки. Тройное чередованіе ударенія было слишкомъ сложно, чтобы существовать долго, и вотъ оно замѣнилось двойнымъ чередованіемъ ударенія. Процессы эти развивались тѣмъ легче, что въ такихъ случаяхъ, какъ lìstē/ъ (при lìstè/ъ) — lìstъ — Pl. I. lìstỳ, внѣ сложенія съ предлогомъ, *матеріально* было не три, а двѣ позиціи ударенія.

Сказанное позволяетъ вскрыть взаимоотношенія между двоякостью ударенія въ формахъ съ двух-сложными окончаніями именъ II скл. типа aα и двоякостью ударенія въ формахъ Pl. именъ II скл. типа b. Позволительно думать, что и тутъ, и тамъ составъ двоякоударяемыхъ формъ былъ нѣкогда одинъ и тотъ же — формы съ двухсложными окончаніями, а обобщеніе двоякости ударенія на всѣ формы Pl. въ именахъ II скл. типа b произошло на основаніи отношеній вродѣ bogāčì/ъ : bogàčī/ъ = Pl. I. bogāčì : x, гдѣ x = bogàčī (Pl. I. ūstàvỳ : Pl. A. ūstàvy = Pl. I. bogàčī : x, гдѣ x = bogàčē) или vertenē/ъ : vertènē/ъ = Pl. NA. vertenà : x, гдѣ x = vertènā, ср. такое же, но только діалектическое, обобщеніе двоякости ударенія на всѣ формы Pl. въ именахъ II скл. типа aα (§ VI). Если такъ, то всѣ явленія двоякости ударенія во II, какъ и въ III склоненіи возникли изъ того, что (до замѣны устойчиваго ударенія на послѣднемъ слогѣ рецессивнымъ удареніемъ въ однихъ случаяхъ и до аналогическаго проникновенія долготы подъ удареніе въ другихъ случаяхъ) при формахъ съ двухсложными окончаніями

вродѣ pristāvь̀ъ, jezerь̄ъ, какъ и povь̄stь̀ъ, существовали и формы съ двухсложными окончаніями вродѣ pristàvь̄ъ, jezèrь̄ъ, какъ и povь̄stь̀ъ, и точно такъ же при формахъ съ двухсложными окончаніями вродѣ bogàčь̀ъ, vertenь̀ъ существовали и формы съ двухсложными окончаніями вродѣ bogàčь̄ъ, vertènь̄ъ. Какъ сформировался этотъ очагъ двоякости ударенія во II, какъ и въ III, склоненіи, это вопросъ особый, который получитъ освѣщеніе дальше. По поводу своеобразнаго положенія Sg. I. на -ъmь -ьmь среди другихъ формъ II скл. съ двухсложными окончаніями надо сказать, что оно перестанетъ быть неяснымъ, какъ только мы обратимъ вниманіе на акцентологическое единообразіе *всѣхъ* остальныхъ формъ Sg. II скл.: изъ двухъ первоначальныхъ варіантовъ Sg. I. на -ъmь -ьmь былъ отобранъ тотъ, при помощи котораго достигалось полное единообразіе ударенія на всемъ протяженіи Sg., а единообразіе ударенія на всемъ протяженіи Sg. было далѣе закрѣплено и единообразіемъ количественнаго строенія на всемъ протяженіи Sg.

Итакъ:

Въ трех-и-болѣе-сложныхъ формахъ рецессивное удареніе замѣнило устойчивое удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ.

О переходѣ отъ явленій конца древнѣйшаго періода исторіи праславянской акцентологической системы къ явленіямъ начала позднѣйшаго ея періода.

§ XIV. Исторію праславянской акцентологической системы надо представлять въ двухъ періодахъ: древнѣйшемъ и позднѣйшемъ. Для древнѣйшаго періода характерно продолженіе праиндоевропейскихъ акцентологическихъ типовъ слога. Въ связи съ различными передвиженіями ударенія въ древнѣйшій періодъ, одна интонація иногда замѣняла другую, но общая картина акцентологическихъ типовъ слога отъ этого не измѣнялась. Древнія долготы никакимъ сокращеніямъ не подвергались. Для позднѣйшаго періода характерень въ отношеніи акцентологическихъ типовъ слога полный разрывъ съ праиндоевропейской традиціей. Древнія интонаціонныя различія исчезли. Древнія долготы испытали массо-

вое сокращеніе. Позднѣйшій періодъ нельзя представлять особенно длительнымъ: къ началу его, до массоваго сокращенія древнихъ долготъ, уже успѣли протечь монофтонгизація дифтонговъ на носовой, переглясовка, монофтонгизація дифтонговъ на гласный, діалектически-различная переработка дифтонговъ на плавный (метатеза, полногласіе), уже успѣла протечь качественная дифференціація древнихъ долгихъ и древнихъ краткихъ гласныхъ, вообще уже успѣлъ сложиться тотъ вокализмъ, который въ существенномъ сохранился до эпохи распаденія. Между концомъ древнѣйшаго періода и началомъ позднѣйшаго періода надо полагать переходный періодъ, съ нѣкоторыми явленіями котораго мы встрѣтимся въ § XXVI.

Какъ представлять акцентологическіе типы слога въ позднѣйшій періодъ, мы знаемъ.

Что касается акцентологическихъ типовъ слога въ древнѣйшій періодъ, то ихъ надо представлять слѣдующимъ образомъ. Различались: два количества слога, долгота и краткость, и двѣ интонаціи слога, существо котораго намъ совершенно неизвѣстно и которыя мы можемъ назвать только развѣ интонаціями А и В. Интонація А комбинировалась только съ долготой (длительная долгота Фортунатова), а интонація В комбинировалась и съ долготой (прерывистая долгота Фортунатова), и съ краткостью (краткость Фортунатова). Ударепіе само по себѣ было во всѣхъ случаяхъ одинаково, но измѣняло свое значеніе въ зависимости отъ комбинаціи съ тѣми или иными количественными и интонаціонными особенностями слога. Существенно важно, что къ концу древнѣйшаго періода интонаціонныя различія въ неударяемыхъ слогахъ исчезли. Для обозначенія акцентологическихъ типовъ слога въ древнѣйшій періодъ цѣлесообразно пользоваться слѣдующими знаками: долгота ¯ сверху, краткость ˘ сверху, интонація А _ снизу, интонація В ˏ снизу, ударе-ніе ˋ. При знакѣ интонаціи А можно опускать знакъ долготы (làpa), и во всѣхъ вообще случаяхъ можно опускать знакъ краткости. Опущеніе знака интонаціи имѣетъ спеціальное назначеніе либо отвлеченія отъ интонаціонныхъ различій (въ нашей практикѣ не встрѣтится), либо указанія на исчезновеніе интонаціональныхъ различій въ неударяемыхъ слогахъ въ концѣ древнѣйшаго періода (lapā).

§ XV. О двухъ періодахъ исторіи праславянской акцентологической системы, хотя въ совершенно иномъ освѣщеніи, впервые заговорилъ А. А. Шахматовъ. Ему же принадлежитъ первая попытка установить точные законы перехода отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода. Правда, связанный признаніемъ для позднѣйшаго періода сложнѣйшей системы музыкальныхъ и экспираторныхъ различій (не имѣющей себѣ подобной ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ языковъ), А. А. Шахматовъ не могъ не облечь этихъ законовъ въ громоздкое одѣяніе ученія о музыкальномъ паденіи и сокращеніи послѣднихъ въ словѣ слоговъ со всѣми послѣдствіями и со всѣми исключеніями изъ этихъ послѣдствій. Правда, связанный акцентологическимъ сербофильствомъ, А. А. Шахматовъ не могъ не упустить изъ вида западно-словянскаго богатства фактовъ И тѣмъ не менѣе, въ своихъ законахъ перехода отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода А. А. Шахматовъ, со свойственной ему необычайной проницательностью, сумѣлъ напасть на подлинную суть дѣла.

Западно-словянскіе (премущественно кашубскіе) факты, безъ которыхъ не обойтись при изслѣдованіи законовъ перехода отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода, слѣдующіе. Во-первыхъ, въ западно-славянскихъ языкахъ сохраняется количественное чередованіе въ послѣднемъ слогѣ основы, въ сербскомъ языкѣ почти безслѣдно сметенное обобщеніемъ долготы. Это количественное чередованіе въ послѣднемъ слогѣ основы (строжайшимъ образомъ учтенное въ вышеприведенномъ обзорѣ) имѣетъ то чудесное свойство, что совершенно избавляетъ отъ необходимости вести разговоръ объ исключеніяхъ. Во-вторыхъ, въ западно-словянскихъ языкахъ сохраняется количественное чередованіе въ окончаніяхъ. Это количественное чередованіе въ окончаніяхъ (со всею тщательностью учтенное въ вышеприведенномъ обзорѣ) позволяетъ выставить чрезвычайно важное дополненіе къ законамъ А. А Шахматова — дополненія, безъ которыхъ настоящее приложеніе не было бы написано. Въ части II настоящей работы мы это дополненіе формулировали въ такомъ духѣ: послѣдній слогъ слова въ праславянскомъ языкѣ былъ дологъ, если, вмѣсто ожидаемаго по зако-

намъ Фортунатова ударенія на послѣднемъ слогѣ, имѣлось удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Ниже мы это дополненіе облечемъ въ другую формулу, сливая его съ однимъ изъ законовъ А. А. Шахматова. Къ этому дополненію, кромѣ такихъ случаевъ, какъ Pl. NA. II. скл. Ntr. вродѣ vertènā, sèlā, Pl. I. II. скл. вродѣ pomòsty, Du. GL. II. скл. вродѣ pomòstū, Sg. L. III. скл. вродѣ kǭdèlī, Sg. L. IV. скл. въ смѣшеніи со II. скл. вродѣ pomòstū, Sg. N. Fm. причастій Praet. Akt. II. вродѣ tonǫ̀lā, χvālìlā, pytàlā, также такіе случаи, какъ Sg. N. I. скл. вродѣ pogòdā, vecěrā, tòńā, Sg. G. I скл. вродѣ pogòdy, vecěrē, tòńē, Sg. L. (& D.) I. скл. вродѣ pogòdē, vecěrī, tòńī.

Перестраивая систему законовъ А. А. Шахматова въ духѣ того пониманія акцентологическихъ типовъ слога въ праславянскомъ языкѣ, къ какому мы пришли на основаніи предшествующаго изложенія, и вливая въ нее указанное дополненіе, мы оказываемся передъ слѣдующей картиной.

Въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на послѣднемъ слогѣ слова, какова бы ни была его интонація, — въ началѣ позднѣйшаго періода одно изъ двухъ: либо удареніе на томъ же послѣднемъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ предшествующемъ (предпослѣднемъ) слогѣ (Шахматовъ), либо, наоборотъ, удареніе на предшествующемъ (предпослѣднемъ) слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ томъ же послѣднемъ слогѣ (Бубрихъ), а если слово было односложно, то просто удареніе на послѣднемъ - единственномъ слогѣ безъ сохраненія въ немъ древней долготы, если она была: Pl. I. prīstāvy̆? > prĭstāvy̆, ūstāvy̆? > ūstă̆vy (объ ū- ниже), Sg. N. dūšą̆? > dūšą̆, sūšą̆? > sŭšą̆, tǫ̆? > tǫ̆ при nā-tǭ? > nā-tǫ̆ (каш. nā-tą) и т. п. Въ двухъ случаяхъ рефлексъ ударенія на послѣднемъ слогѣ своеобразный — безъ сохраненія древней долготы, есла она была. Это Imp. Sg. 2. вродѣ trę̆sì, tę̆gnì, χvălì, pĭšĭ (каш. tŕ̆ësë, cëgńi, χvălë, pĭšë) и Prs. Sg. 1. глаголовъ на -ěti и глаголовъ на -iti типа a вродѣ vьrtǫ̆, cĭńǫ̆ (каш. vercą, cěńą).

Въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на предпослѣднемъ слогѣ слова съ интонаціей B — въ началѣ позднѣйшаго періода одно изъ двухъ:

либо удареніе на томъ же предпослѣднемъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ предшествующемъ (третьемъ отъ конца) слогѣ, либо, наоборотъ, удареніе на предшествующемъ (третьемъ отъ конца) слогѣ при сохраненіи древней долготы въ томъ же предпослѣднемъ слогѣ (то и другое Шахматовъ), а если слово было двухсложно, то просто удареніе на предпослѣднемъ-первомъ слогѣ безъ сохраненія въ немъ древней долготы, если она была: Sg. N. prīstâvъ > prĭ̀stāvъ, ūstàvъ > ūstằvъ, Sg. A. dūšǭ > dŭ̀šǫ̆̄, при nā-dūšǭ > nằ-dūšǫ̆̄, sūšǭ > sŭ̀šǫ̆̄ при nā-sūšǭ > nā-sŭ̀šǫ̆̄. Обратимъ вниманіе, какъ при томъ пониманіи акцентологическихъ типовъ слога въ праславянскомъ языкѣ, къ какому мы пришли на основаніи предшествующаго изложенія, распутываются всѣ ударныя и количественныя противоположности въ dŭ̀šǫ̆̄: nằ-dūšǫ̆̄ и sŭ̀šǫ̆̄: nā-sŭ̀šǫ̆̄. Для ясности пониманія не мѣшаетъ имѣть въ виду, что рефлексъ вродѣ prīstâvъ > prĭ̀stāvъ тотъ самый, который обычно передаютъ какъ рефлексъ вродѣ prīstâvъ > prĭ̀stāvъ, а рефлексъ вродѣ ūstâvъ > ūstằvъ тотъ самый, который обычно передаютъ какъ рефлексъ вродѣ ūstâvъ < ūstàvъ.

Въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на предпослѣднемъ слогѣ слова съ интонаціей A — въ началѣ позднѣйшаго періода удареніе на томъ же предпослѣднемъ слогѣ безъ сохраненія гдѣ бы то ни было древней долготы, если она была (Шахматовъ): līvàdā > lĭ̀vădă, χvālà̆χъ > χvằlă̆χъ (каш. χvằlăχ), χvālītī > χvằlĭtĭ (каш. χvằlĕc), Imp. χvālīte > χvằlĭte (Каш. χvằlĕce).

Въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на третьемъ и далѣе отъ конца слога слова съ интонаціей A — въ началѣ позднѣйшаго періода удареніе на томъ же третьемъ и далѣе отъ конца слога безъ сохраненія гдѣ бы то ни было древней долготы, если она была (Шахматовъ): plàkātī > plằkătĭ, lĭ̀pāmī > lĭ̀pămĭ.

По поводу этой картины надо сдѣлать два замѣчанія.

Нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы для конца древнѣйшаго періода можно было указать удареніе на третьемъ и далѣе отъ конца слогѣ слова съ

интонаціей B. Уже А. А. Шахматовъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о чемъ-либо вродѣ mѣsę̀ć̀, gòlǫ̀bь, jèzero въ концѣ древнѣйшаго періода — онъ долженъ былъ признать mѣsę̀ć̀, golǫ̀bь, jezèro въ концѣ древнѣйшаго періода (отсюда закономѣрно mѣsę̀ć̀, gòlǫ̀bь, jèzero въ началѣ позднѣйшаго періода). Къ этому нужно добавить, что необходимо отказаться отъ мысли и о чемъ-либо вродѣ prīstāvȇ̀ˇъ, ūstāvȇ̀ˇъ, povēstь̀ˇъ, kǭdèlь̀ˇъ въ концѣ древнѣйшаго періода — надо признать prīstāvȇ̀ˇъ, ūstāvȇ̀ˇъ, povēstь̀ˇъ, kǭdelь̀ˇъ въ концѣ древнѣйшаго періода (отсюда закономѣрно prĭstāvȇ̀ˇъ и prĭstăvȇ̀ˇъ, ūstăvȇ̀ˇъ (объ ū- ниже), povēstь̀ˇъ и povĕstь̀ˇъ, kǭdélь̀ˇъ (о kǭ- ниже) в началѣ позднѣйшаго періода). Какъ объясняется prīstāvȇ̀ˇъ, ūstāvȇ̀ˇъ, povēstь̀ˇъ, kǭdelь̀ˇъ въ концѣ древнѣйшаго періода, это вопросъ особый. Устанавливаемый А. А. Шахматовымъ законъ о рефлексахъ ударенія на третьемъ и далѣе отъ конца слогѣ слова съ интонаціей B (совпадаетъ съ однимъ изъ рефлексовъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ слова съ интонаціей B) приходится оставить въ сторонѣ. Замѣтимъ: въ концѣ древнейшаго періода ударение въ комбинаціи съ интонаціей B было извѣстно только въ рамкахъ двухъ послѣднихъ слоговъ слова.

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что рефлексы ударенія на послѣднемъ слогѣ слова, какова бы ни была его интонація, *въ точности* аналогичны рефлексамъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ слова съ интонаціей B. Это, конечно, не съ проста — несомнѣнно, ударение на послѣднемъ слогѣ въ концѣ древнѣйшаго періода комбинировалось не съ нѣкой какой бы то ни было интонаціей, а съ интонаціей B. Какъ объясняется исключительное распространеніе интонаціи B въ послѣднемъ слогѣ въ концѣ древнѣйшаго періода, это вопросъ особый. Любопытно, что изъ законовъ А. А. Шахматова, если въ нихъ внести необходимое дополненіе, выростаетъ картина, въ корнѣ несогласная съ ученіемъ А. А. Шахматова о музыкальномъ паденіи и сокращеніи послѣднихъ въ словѣ слоговъ со всѣми послѣдствіями и со всѣми исключе-

ніями изъ этихъ послѣдствій. Для ясности пониманія не мѣшаетъ имѣть въ виду, что рефлексъ вродѣ pogodā > pogòdā тотъ самый, который обычными средствами передали бы какъ рефлексъ вродѣ pogodâ > pogòdā, а рефлексъ skovordā > skovordằ тотъ самый, который обычными средствами передали бы какъ рефлексъ вродѣ skovordâ > skovo-rdà. По поводу Imp. Sg. 2 вродѣ trẹ̑sì, tẹ̑gnì, χvălì, pĭšì и Prs. Sg. 1 глаголовъ на -ѣti и глаголовъ на -iti типа a вродѣ vьrtǫ̀ и čĭńǫ̀ не трудно подмѣтить, что рефлексы ударенія на послѣднемъ слогѣ слова въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ *въ точности* аналогичны рефлексамъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ слова съ интонаціей A и рефлексамъ ударенія на третьемъ и далѣе отъ конца слогѣ слова съ интонаціей A. И это, конечно, не съ проста — несомнѣнно, удареніе на послѣднемъ слогѣ слова въ концѣ древнѣйшаго періода въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ комбинировалось съ интонаціей A: какъ χvālìmo, χvālìte и т. п. (> χvằlĭmo, χvằlĭte и т. п.), такъ и χvālì (> χvằlĭ); какъ χvālĭ̀šì, χvālĭ̀tь и т. п. (> χvālĭ̀šì, χvālĭ̀tь и т. п. при -χvằlĭšì, -χvằlĭtь и т. п., въ контаминаціи χvălĭ̀šì, χvằlĭtь и т. п., § XII) и при нихъ χvālǫ̀ и т. п. (< χvālǫ̆̀ и т. п.), такъ и čĭnĭ̀šì, čĭnĭ̀tь и т. п. (> čĭnĭ̆̀šì, čĭnĭ̆̀tь и т. п., съ аналогической долготой въ окончаніяхъ čĭnĭ̀šì, čĭnĭ̀tь и т. п., § XII) и при нихъ čĭńǫ̀ и т. п. (< čĭńǫ̆̀ и т. п.). Замѣтимъ: въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на послѣднемъ слогѣ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, комбинировалось съ интонаціей B.

Въ свѣтѣ двухъ сдѣланныхъ замѣчаній создается неожиданная для А. А. Шахматова возможность сведенія всѣхъ законовъ перехода отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода въ одинъ простой законъ.

Въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на слогѣ съ интонаціей B (послѣднемъ, предпослѣднемъ) — въ началѣ позднѣйшаго періода одно изъ двухъ: либо удареніе на данномъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ предшествующемъ слогѣ, либо, наоборотъ, уда-

реніе на предшествующемъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ данномъ слогѣ, а если данный слогъ былъ единственный или первый, то просто удареніе на немъ безъ сохраненія въ немъ древней долготы, если она была. Въ концѣ древнѣйшаго періода удареніе на слогѣ съ интонаціей A (предпослѣднемъ, третьемъ и далѣе отъ конца)— въ началѣ позднѣйшаго періода удареніе на данномъ слогѣ безъ сохраненія гдѣ бы то ни было древней долготы, если она была.

Остается неяснымъ: въ какихъ условіяхъ удареніе въ комбинаціи съ интонаціей B рефлектировалось однимъ изъ двухъ способовъ, и въ какихъ другимъ? Наблюденіе надъ противоположностью такихъ случаевъ, какъ rǫ̑kà, и такихъ случаевъ, какъ porǫ̑kā, и надъ противоположностью такихъ случаевъ, какъ lomĭ̀šĭ, lomĭ̀lъ, и такихъ случаевъ, какъ perlòmīšĭ, perlòmīlъ (позже peŕlomīlъ), ведетъ какъ къ догадкѣ, что удареніе въ комбинаціи съ интонаціей B рефлектировалось первоначально въ опредѣленной зависимости отъ числа предшествовавшихъ ему слоговъ; остальное можетъ быть безъ труда объяснено изъ взаимодѣйствія между простыми и сложенными съ предлогомъ, приставкой и т. п. формами, которое могло обнаруживаться либо въ пользу однихъ, либо въ пользу другихъ. Отъ разработки этой догадки позволяю себѣ здѣсь уклониться, такъ какъ для дальнѣйшаго это не нужно.

Важно отмѣтить, что сохраненныя изъ праиндоевропейскаго языка долготы въ *предпослѣднемъ* слогѣ основы обобщались на всемъ протяженіи флексіи: zāslūgà: zāslùgǫ̑ > zăslūgā: zāslŭ̀gǫ̑ > zāslŭ̀gā: zāslŭ̀gǫ̑, Pl. I. ūstāvȳ: Pl. A. ūstàvȳ > ūstăvȳ: ūstăvy > ūstăvȳ: ūstăvў. Что вторая долгота въ zāslŭ̀gā, Pl. I. ūstăvȳ должна разсматриваться какъ явленіе аналогическое, выразительно свидѣтельствуютъ случаи вродѣ Sg. I. rǫ̑kojǫ̑ > rǫ̑kòjǫ̑, гдѣ слогъ rǫ̑- былъ не предпослѣднимъ, а послѣднимъ слогомъ основы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ аналогическая долгота въ предпослѣднемъ слогѣ основы, наряду съ другими причинами, содѣйствовала перемѣщенію удареніа: zāslūgà: zāslŭ̀gǫ̑: zāslūgàχъ > zăslŭ̀gā: zāslugǫ̑: zăslŭgăχъ > zāslŭ̀gā: zāslŭgǫ̑: zāslŭgăχъ.

Итакъ:

Въ концѣ древнѣйшаго періода ударѐніе на слогѣ съ интонаціей В (послѣднемъ, предпослѣднемъ) — въ началѣ позднѣйшаго періода одно изъ двухъ: либо ударѐніе на данномъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ предшествующемъ слогѣ, либо, наоборотъ, ударѐніе на предшествующемъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ данномъ слогѣ, а если данный слогъ былъ единственный или первый, то просто ударѐніе на немъ безъ сохраненія въ немъ древней долготы, если она была. Въ концѣ древнѣйшаго періода ударѐніе на слогѣ съ интонаціей А (предпослѣднемъ, третьемъ и далѣе отъ конца)— въ началѣ позднѣйшаго періода ударѐніе на данномъ слогѣ безъ сохраненія гдѣ бы то ни было древней долготы, если она была.

О явленіяхъ древнѣйшаго періода исторіи праславянской акцентологической системы.

§ XVI. Къ объясненію явленій древнѣйшаго періода исторіи праславянской акцентологической системы въ распоряженіи науки имѣются слѣдующіе законы Фортунатова, которые мы передаемъ въ нашихъ терминахъ:

1) Слогъ съ интонаціей А перетянулъ на себя ударѐніе съ *предшествующаго* слога съ интонаціей В, причемъ подъ перенесеннымъ ударѐніемъ интонація А сохранилась ($\underset{\smile}{\text{r}\bar{\text{o}}}\underset{\frown}{\text{k}\text{a}} > \text{r}\bar{\text{o}}\underset{\frown}{\text{k}\text{à}}$).

2) Слогъ съ интонаціей А перетянулъ на себя ударѐніе съ *послѣдующаго* слога съ интонаціей В, причемъ подъ перенесеннымъ ударѐніемъ интонація А замѣнилась интонаціей В ($\underset{\smile}{\text{g}\text{o}\text{l}\text{v}\bar{\text{o}}} > \underset{\smile}{\text{g}\text{o}\text{l}\text{v}\bar{\text{o}}}$).

Въ своей основной идеѣ законы Фортунатова безспорно вѣрны, но, будучи построены на основаніи наблюденій только надъ двухсложными формами, они нуждаются кое-въ-какихъ дополненіяхъ и кое-въ-какихъ поправкахъ.

Если сообразить, что въ концѣ древнѣйшаго періода ударѐніе въ комбинаціи съ интонаціей В было извѣстно только въ рамкахъ двухъ по-

слѣднихъ слоговъ слова (§ XV), то станутъ очевидны три вещи. Во-первыхъ, второй законъ Фортунатова надо ограничить рамками двухъ послѣднихъ слоговъ слова — вѣдь что-нибудь вродѣ mẽsẽ̀cь > mẽsẽ́cь прямо противорѣчило бы незнакомству конца древнѣйшаго періода съ удареніемъ въ комбинаціи съ интонаціей B въ третьемъ и далѣе отъ конца слогѣ (было mẽsẽ̀cь безъ всякихъ измѣненій). Во-вторыхъ, къ законамъ Фортунатова надо добавить еще законъ: третій и далѣе отъ конца слогъ съ интонаціей B передалъ съ себя ударѐніе на предпослѣдній слогъ съ любой интонаціей, причемъ подъ перенесеннымъ удареніемъ первоначальная интонація сохранилась (Zweisilbengesetz для ударенія въ комбинаціи съ интонаціей B) — вѣдь объясненію подлежатъ не только случаи вродѣ rǭka̋ъ > rǭkà̋ъ, но и случаи вродѣ lĩstẽ̋ъ > lĩstẽ́̋ъ. Въ-третьихъ, первый законъ Фортунатова надо, какъ и первый, ограничить рамками двухъ послѣднихъ слоговъ слова — вѣдь случаи вродѣ rǭka̋ъ > rǭkà̋ъ находятъ объясненіе вовсе не въ первомъ законѣ Фортунатова, а въ только что указанномъ Zweisilbengesetz'ѣ для ударенія въ комбинаціи съ интонаціей B, въ которомъ находятъ объясненія и случаи вродѣ lĩstẽ̋ъ > lĩstẽ́̋ъ.

Если сообразить, что въ концѣ древнѣйшаго періода ударѐніе на послѣднемъ слогѣ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, комбинировалось съ интонаціей B (§ XV), то станутъ очевидны двѣ вещи. Во-первыхъ, первый законъ Фортунатова, ограниченный, согласно вышеуказанному, рамками двухъ послѣднихъ слоговъ слова, слѣдуетъ измѣнить въ томъ смыслѣ, что при перетяженіи ударенія съ предпослѣдняго слога на послѣдній интонація A подъ перенесеннымъ удареніемъ точно такъ же замѣнялась интонаціей B, какъ при перетяженіи ударенія съ послѣдняго слога на предпослѣдній, — вѣдь въ концѣ древнѣйшаго періода было совсѣмъ не rǭkà, а rǭkà̋, слѣдовательно, rǭka̋ > rǭkà̋, какъ golvǭ̋ > golvǭ́̋. Кстати сказать, исключительное распространеніе интонаціи B въ послѣднемъ слогѣ совершенно понятно: въ та-

кихъ случаяхъ, какъ Sg. G. gnīzdà, она существовала съ самаго начала, въ такихъ случаяхъ, какъ rǭkā̀. она возникла вновь фонетически, а въ такихъ случаяхъ, какъ gōlvà (вм. gōlvà), она возникла вновь аналогически. Во-вторыхъ, законы Фортунатова, ограниченные, согласно вышеуказанному рамками двухъ послѣднихъ слоговъ слова, въ виду сейчасъ сдѣланной поправки, надо соединить въ одинъ: въ рамкахъ двухъ послѣднихъ слоговъ слова слогъ съ интонаціей A перетянулъ на себя удареніе съ *сосѣдняго* слога съ интонаціей B, причемъ подъ перенесеннымъ удареніемъ интонація A замѣнилась интонаціей B (rǭkà > rǭkā̀, gōlvǭ̀ > gōlvǭ̄).

Передъ нами два закона, одинъ Фортунатовымъ не предусмотрѣнный, а другой замѣняющій оба закона Фортунатова:

1) Третій и далѣе отъ конца слогъ съ интонаціей B передалъ съ съ себя ударенія на предпослѣдній слогъ съ любой интонаціей, причемъ подъ перенесеннымъ удареніемъ первоначальная интонація сохранилась (rǭkamъ > rǭkàmъ, līstḕъ > līstē̄ъ).

2) Въ рамкахъ двухъ послѣднихъ слоговъ слова слогъ съ интонаціей A перетянулъ на себя удареніе съ *сосѣдняго* слога съ интонаціей B, причемъ подъ перенесеннымъ удареніемъ интонація A замѣнилась интонаціей B (rǭkà > rǭkā̀, gōlvǭ̀ > gōlvǭ̄).

Дѣйствіе перваго закона надо считать болѣе раннимъ, чѣмъ дѣйствіе второго закона. Можно констатировать случаи перехода ударенія съ третьяго и далѣе отъ конца слога *черезъ* предпослѣдній слогъ съ интонаціей B на послѣдній слогъ съ интонаціей A (rǭkǫjǫ > rǭkǫjǭ)— это комбинированное дѣйствіе сначала перваго (rǭkǫjǫ > rǭkǫ̀jǫ), а потомъ второго закона (rǭkǫ̀jǫ > rǭkǫjǭ). О переходѣ ударенія *черезъ* слогъ съ интонаціей B говорилъ уже Pedersen KZ. XXXVIII, хотя онъ и не объяснилъ, какъ понять это явленіе.

Итакъ:

1) *Третій и далѣе отъ конца слогъ съ интонаціей B пере-*

далъ съ себя ударѐніе на предпослѣдній слогъ съ любой интонаціей, причемъ подъ перенесеннымъ ударѐніемъ первоначальная интонація сохранилась.

2) *Въ рамкахъ двухъ послѣднихъ слоговъ слова слогъ съ интонаціей A перетянулъ на себя ударѐніе съ сосѣдняго слога съ интонаціей B, причемъ подъ перенесеннымъ ударѐніемъ интонація A замѣнилась интонаціей B.*

Кратній обзоръ акцентологіи праславянскихъ склоненія и спряженія отъ эпохи выдѣленія до эпохи распаденія.

(Имена I, II, III скл. въ Sg. Pl. N., G., D., A., I., L., глаголы на -ti, -nǫti, -ěti, -iti, -ati въ Inf., Part. Praet. Act. II Sg. N., Part. Praet. Pass. Sg. N., Prs. Sg.-Pl., Imp. Sg.-Pl.).

§ XVII. Предварительно — взглядъ на исторію праславянской акцентологической системы въ порядкѣ отъ древнѣйшаго къ позднѣйшему.

Древнѣйшій періодъ.

1) *Третій и далѣе отъ конца слогъ съ интонаціей B передалъ съ себя ударѐніе на предпослѣдній слогъ съ любой интонаціей, причемъ подъ перенесеннымъ ударѐніемъ первоначальная интонація сохранилась.*

2) *Въ рамкахъ двухъ послѣднихъ слоговъ слова слогъ съ интонаціей A перетянулъ на себя ударѐніе съ сосѣдняго слога съ интонаціей B, причемъ подъ перенесеннымъ ударѐніемъ интонація A замѣнилась интонаціей B.*

3) Въ послѣднемъ слогѣ подъ ударѐніемъ обобщилась интонація B.

4) Въ неударяемыхъ слогахъ интонаціонныя различія исчезли.

Переходъ отъ древнѣйшаго періода къ позднѣйшему.

5) *Въ концѣ древнѣйшаго періода ударѐніе на слогѣ съ интонаціей B (послѣднемъ, предпослѣднемъ) — въ началѣ позднѣйшаго періода одно изъ двухъ: либо ударѐніе на данномъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ предшествующемъ слогѣ, либо, наоборотъ, ударѐніе на предшествую-*

щемъ слогѣ при сохраненіи древней долготы, если она была, въ данномъ слогѣ, а если данный слогъ былъ единственный или первый, то просто ударѐніе на немъ безъ сохраненія въ немъ древней долготы, если она была. — Въ концѣ древнѣйшаго періода ударѐніе на слогѣ съ интонаціей A (предпослѣднемъ, третьемъ и далѣе отъ конца) — въ началѣ позднѣйшаго періода ударѐніе на данномъ слогѣ безъ сохраненія гдѣ бы то ни было древней долготы, если она была.

Позднѣйшій періодъ.

6) Ударѐніе на послѣднемъ слогѣ основы замѣнилось ударѐніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы, если участвовало въ тройномъ чередованіи ударѐнія на предпослѣднемъ слогѣ основы, ударѐнія на послѣднемъ слогѣ основы и ударѐнія на окончаніи, и сохранилось какъ ударѐніе на послѣднемъ слогѣ основы, если въ такомъ тройномъ чередованіи ударѐній не участвовало.

7) Ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ основы замѣнилось рецессивнымъ ударѐніемъ, если чередовалось съ ударѐніемъ на окончаніи, и сохранилось какъ ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ основы, если съ ударѐніемъ на окончаніи не чередовалось.

8) Въ предпослѣднемъ слогѣ основы обобщилась долгота, если она въ этомъ слогѣ имѣлась въ части формъ слова.

9) Въ результатѣ контаминаціи параллельныхъ образованій въ рядѣ случаевъ возникла комбинація ударѐнія съ долготой, неизмѣнно обусловливавшая исчезновеніе рецессивнаго характера ударѐнія и исчезновенія ударной противоположности между простыми и сложенными формами и обычно обусловливавшая исчезновеніе чередованія ударѐній.

§ XVIII. *Имена I склоненія.*

Типъ aα.

		Нач. древн. пер	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.)
Sg.	N.	skǫvorda	skovordà	skovordà	skovordà
	G.	skǫvordy	skovordỳ	skovordỳ	skovordỳ

	Нач древн. пер.	Кон древн пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расш.)
D.	skǫvordѣ	skovordъ	skòvordѣ	skòvordъ (skovordѣ)
A.	skǫvordǫ	skovordǫ	skòvordǫ	skòvordǫ
I.	skǫvordǫjǫ	skovordojǫ̀	skovordòjǭ	skovordòjǭ
L.	skǫvordѣ	skovordѣ	skovordѣ	skovordѣ
Pl. NA.	skǫvordy	skovordy	skòvordy	skòvordy
G.		§ XXVI.		
D.	skǫvordąmъ	skovordàmъ	skovordàmъ	skovordàmъ
I.	skǫvordąmi	skovordàmī	skovordàmi	skovordàmi
L.	skǫvordaχъ	skovordàχъ	skovordàχъ	skovordàχъ

Объ именахъ типа aα съ односложной основой можно судить по аналогіи съ именами типа aα съ двухъ-и-болѣе-сложной основой.

Съ именами типа skovordą, rǫką: skovordǭ, rǭkǭ > skovordą̀. rǭkà: skovordǭ, rǫ̀kǭ совпали имена типа golvà: golvǭ > golvà: golvǭ и имена типа zèleną: zèlenǭ > zelenà: zelènǭ.

Типъ aβ.

	Нач древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расш.)
Sg. N.	ząslùga	zāslūgà	zăslùgā	zāslùgā
G.	ząslùgy	ząslūgȳ	zăslùgȳ	zāslùgȳ
D.	ząslùźī	ząslūźѣ	zāslùźъ	zāslùźъ (zāslùźъ)
A.	ząslùgǫ	zāslùgǫ	zāslùgǫ	zāslùgǫ
I.	ząslùgojǫ	zāslūgojǫ̀	zăslūgòjǭ	zāslùgojǫ

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Pl. NA.	zaslūgȳ	zāslūgȳ	zāslùgȳ	zāslŭgȳ
G.		§ XXVI.		
G.	zaslūgamъ	zāslūgàmъ	zăslŭgàmъ	zăslùgamъ
I.	zaslūgami	zāslūgàmī	zăslŭgàmi	zāslùgami
L.	zaslūgaχъ	zaslūgàχъ	zăslŭgàχъ	zāslùgaχъ

Объ именахъ типа aβ съ односложной основой можно судить по аналогіи съ именами типа aβ съ двухъ-и-болѣе-сложной основой.

Отдѣленіе именъ типа aβ отъ именъ типа aα начинается только съ позднѣйшаго періода.

Изображать исторію типа b, а тѣмъ болѣе исторію типовъ c и d излишне.

§ XIX. *Имена II и III склоненій.*

Типъ aα.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.)
Sg. NA.	pristavъ	prīstàvъ	prìstāvъ	prìstāvъ
G.	pristavă	prīstàvā	prìstāva	prìstāva
D.	pristavū	prīstàvū	prìstāvu	prìstāvū
I.	pristavъmь	prīstāvъmь	pristăvъmь ‖ pristàvъmь	— ‖ prìstāvъmъ[1]
L.	pristavě	prīstàvē	prìstāvě	prìstāvě
Pl. N.	pristavì	prīstāvi	prìstāvi	prìstāvi
G.		§ XXVI.		
D.	pristavòmъ	prīstāvòmъ	pristāvòmъ ‖ pristàvomъ	prìstāvòmъ ‖ prìstăvomъ
A.	pristavȳ	prīstàvȳ	prìstāvy	prìstāvy
I.	pristavỳ	prīstāvȳ	pristāvỳ	pristāvỳ

[1] § XIII.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. позд. пер.	Кон позд. пер. (эп. расп.)
L.	pristavɛ̄χъ	prīstāvɛ̄χъ	pristāvɛ̀χъ ‖ pristàvɛ̄χъ	pristāvɛ̄χъ ‖ pristăvɛ̄χъ
Sg. NA.	jèzerǫ	jezèro	jèzero	jèzero
G.	jèzerā	jezèrā	jèzera	jèzera
D.	jèzerū	jezèrū	jèzeru	jèzeru
I.	jèzerъmь	jezerъmь	jezerъmь ‖ jezèrъmь	— ‖ jèzerъmь[1]
L.	jèzerɛ̄	jezèrɛ̄	jèzerě	jèzerě
Pl. NA.	jèzera	jezerà	jezerà	jezerà
G.			§ XXVI.	
D.	jèzerǫmъ	jezeròmъ	jezeròmъ ‖ jezèromъ	jezeròmъ ‖ jèzeromъ
I.	jèzerу	jezerȳ	jezerỳ	jezerỳ
L.	jèzerɛ̄χъ	jezerɛ̄χъ	jezerěχъ ‖ jezèrɛ̄χъ	jezerěχъ ‖ jèzerɛ̄χъ
Sg. NA.	pǫvɛ̄stь	povɛ̄stь	pòvɛ̄stь	pòvɛ̄stь
G.	pǫvɛ̄stì	povɛ̄stī	pòvɛ̄sti	pòvɛ̄sti
D.	pǫvɛ̄stì	povɛ̄stī	pòvɛ̄sti	pòvɛ̄sti
I.	pǫvɛ̄stьjǫ	povɛ̄stьjǭ	povɛ̄stьjǫ̀[2] ‖ povɛ̄stьjǭ > pověstьjǭ[2]	povɛ̄stьjǫ̀ ‖ pòvɛ̄stьjǭ
L.	pǫvɛ̄stì	povɛ̄stī	povɛ̄stì	povɛ̄stì
Pl. NA.	pǫvɛ̄stì	povɛ̄stī	pòvɛ̄sti	pòvɛ̄sti
G.	pǫvɛ̄stьjь	povɛ̄stьjь	povɛ̄stьjь ‖ pověstьjь	povɛ̄stьjь ‖ pòvɛ̄stьjь
D.	pǫvěstьmъ	povɛ̄stьmъ	povɛ̄stьmъ ‖ pověstьmъ	povɛ̄stьmъ ‖ pòvɛ̄stьmъ

[1] § XIII
[2] § XXVI.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. позд. пер.	Кон. позд. пер. (эп. расп.).
I.	pǫvě̋stьmi	povēstьmĭ	povēstьmì[1] ‖ povēstьmī > pově̋stьmī[1]	povēstьmì ‖ pòvēstьmī
L.	pǫvě̋stьχъ	povēstьχъ	povēstьχъ ‖ pově̋stьχъ	povēstьχъ ‖ pòvēstьχъ

Объ именахъ типа aα съ односложной основой можно судить по аналогіи съ именами типа aα съ двухъ-и-болѣе сложной основой.

Совпали: имена типа pǫvòzъ: Pl. I. pǫvòzy, vòzъ: Pl. I. vòzy > povòzъ: Pl. I. povozy̋, vòzъ: Pl. I. vozy̋, pòľe: Pl. NA. pòľa > pòľe: Pl. NA. poľà, nòťь: Sg. L. nòťi > nòťь: Sg. L. noťì; имена типа pristavъ: Pl. I. pristavy, sadъ: Pl. I. sady > prīstàvъ: Pl. I. prīstāvy̋, sàdъ: Pl. I. sādy̋, pivò: Pl. NA. pivà < pìvo: Pl. NA. pīvà, pǫvě̋stь: Sg. L. pǫvě̋stì, vě̋stь: Sg. L. vě̋stì > povēstь: Sg. L. povēstì, vēstь: Sg. L. vēstì; имена типа vèčerъ: Pl. I. vèčery > večèrъ: Pl. I. večerȳ, jèzerǫ: Pl. NA. jèžera > jezèro: Pl. NA. jezerà, nòvǫstь. Sg. L. nòvǫsti > novòstь: novostì.

Типъ aβ.

		Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. позд. пер.	Кон. позд. пер. (эп. расп.).
Sg.	NA.	ūstavь	ūstàvъ	ūstàvъ	ūstàvъ
	G.	ūstavà	ūstàvā	ūstàvă	ūstàvă
	D.	ūstavū	ūstàvū	ūstàvŭ	ūstàvū
	I.	ūstavьmь	ūstāvьmь	ūstāvьmь ‖ ūstàvъmь	— ‖ ūstàvъmь
	L.	ūstavě	ūstàvē	ūstàvě	ūstàvē
Pl.	N.	ūstavì	ūstàvi	ūstàvĭ	ūstàvĭ
	G.			§ XXVI.	
	D.	ūstavòmъ	ūstāvòmъ	ūstāvòmъ ‖ ūstàvomъ	— ‖ ūstàvomъ

[1] § XXVI (объ особыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ редукціей ъ ь).

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. позд. пер.	Кон. позд. пер. (эп. расш.)
A.	ūstaᵕvȳ	ūstàvȳ	ūstàvȳ	ūstàvȳ
I.	ūstaᵕvȳ	ūstāvȳ	ŭstàvȳ	ūstàvȳ
L.	ūstaᵕvḕχъ	ūstāvḕχъ	ŭstāvѣχъ ‖ ŭstàvēχъ	— ‖ ūstàvѣχъ
Sg. NA.	pīsaᵕlò	pīsà̆lo	pīsàlo	pīsàlo
G.	pīsaᵕlà̆	pīsàlā	pīsàlă	pīsàlă
D.	pīsaᵕlū	pīsàlū	pīsàlŭ	pīsàlŭ
I.	pīsaᵕlѣmь	pīsālѣmь	pīsālѣmь ‖ pīsàlѣmь	— ‖ pīsàlѣmь
L.	pīsaᵕlḕ	pīsàlḕ	pīsàlḕ	pīsàlḕ
Pl. NA.	pīsaᵕlà	pīsālà	pīsàlā	pīsàlā
G.			§ XXVI.	
D.	pīsaᵕlòmъ	pīsālòmъ	pīsālòmъ ‖ pīsàlomъ	— ‖ pīsàlomъ
I.	pīsaᵕlȳ	pīsālȳ	pīsàlȳ	pīsàlȳ
L.	pīsaᵕlḕχъ	pīsālḕχъ	pīsālѣχъ ‖ pīsālѣχъ	— ‖ pīsàlḕχъ
Sg. NA.	kǫᵕdèlь	kǭdèlь	kǭdèlь	kǭdèlь
G.	kǫᵕdèlī	kǭdèlī	kǭdèlĭ	kǭdèlĭ
D.	kǫᵕdèlī	kǭdèlī	kǭdèlĭ	kǭdèlĭ
I.	kǫᵕdèlьjǫ	kǭdelьjǭ	kǭdelьjǫ́ ‖ kǭdelьjǭ > kǭdèljǭ [1]	— ‖ kǭdèlьjǭ
L.	kǫᵕdèli	kǭdelī	kǭdèlī	kǭdèlī
Pl. NA.	kǫᵕdèlī	kǭdèlī	kǭdèlĭ	kǭdèlĭ
G.	kǫᵕdèlьjь	kǭdelьjь	kǭdelьjь ‖ kǭdèlьjь	— ‖ kǭdèlьjь
D.	kǫᵕdèlьmъ	kǭdelьmъ	kǭdelьmъ ‖ kǭdèlьmъ	— ‖ kǭdèlьmъ
I.	kǫᵕdèlьmi	kǭdelьmī	kǭdelьmī ‖ kǭdèlьmī > kǭdèlьmī [1]	— ‖ kǭdèlьmī
Sg. NA.	kǫᵕdèlьχъ	kǭdelьχъ	kǭdelьχъ ‖ kǭdèlьχъ	— ‖ kǭdèlьχъ

[1] § XXVI (объ особыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ редукціей ъ ь).

Отдѣленіе именъ типа aβ отъ именъ типа aα начинается только съ позднѣйшаго періода.

Изображать исторію типа b, а тѣмъ болѣе исторію типовъ c и d излишне.

§ XX. *Глаголы на* ti.

Типъ a.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	pǫlìti	polìtī	polìti	polìti
	(klętì)	(klętī)	(klętì)	(klętì)
Part. Act. Sg. Msc.	pǫlilъ	polìlъ	pòlīlъ	pòlīlъ
Fm.	pǫlilà	polīlą	polīlà	polīlà
Ntr.	pǫlilò	polìlo	pòlīlo	pòlīlo
Part. Pass. Sg. Msc.	pǫlitъ	polītъ	pòlītъ	pòlītъ
Fm.	pǫlità	polītą	polītà	polītà
Ntr.	pǫlitò	polīto	pòlīto	pòlīto

Типъ b.

	Нач древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	trę̑slì	trę̑stī	trę̑stì	trę̑slì
Part. Act. Sg. Msc.	trę̑slъ	trę̑slъ	trę̑slъ	trę̑slъ[1]
Fm.	trę̑slà	trę̑slą	trę̑slà	trę̑slà
Ntr.	trę̑slò	trę̑slò	trę̑slò	trę̑slò
Part. Pass. Sg. Msc.	trę̑senъ	trę̑senъ	trę̑senъ	trę̑sènъ[1]
Fm.	trę̑senà	trę̑seną	trę̑senà	trę̑senà
Ntr.	trę̑senò	trę̑senò	trę̑senò	trę̑senò

Изображать исторію типа c излишне.

Формы съ основой Prs.

---

[1] § XXVI (объ особыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ редукціей ъ ь).

Типъ a.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Prs. Sg. 1.	pǫmȍgǫ	pomogǭ	pomogǫ̀	pomogǫ̀
2.	pǫmȍžeši	pomožéši	pomȍžeši	pomȍžeši
3.	pǫmȍžetь	pomožétь	pomȍžetь	pomȍžetь
Pl. 1.	pǫmȍžemǫ	pomožémo	pomȍžemo	pomȍžemo
2.	pǫmȍžete	pomožéte	pomȍžete	pomȍžete
3.	pǫmȍgǭtь	pomogǭtь	pomȍgǭtь	pomȍgǭtь
Imp. Sg. 2.	pǫmȍzi	pomozî[1]	pomozî	pomozî
Pl. 1.	pǫmȍźѣmǫ	pomoźѣmo	pomoźѣmo	pomoźѣmo
2.	pǫmȍźѣte	pomoźѣte	pomoźѣte	pomoźѣte

Типъ b.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Prs. Sg. 1.	trę̀sǭ	trę̀sǭ	trę̀sǫ	trę̀sǫ
2.	trę̀sèši	trę̀séši	trę̀sèši	trę̀sèši
3.	trę̀sètь	trę̀sètь	trę̀sètь	trę̀sètь
Pl. 1.	trę̀semȍ	trę̀semȍ	trę̀semò	trę̀semò
2.	trę̀setȅ	trę̀setȅ	trę̀setè	trę̀setè
3.	trę̀sǭtь	trę̀sǭtь	trę̀sǫ̀tь	trę̀sǫ̀tь
Imp. Sg. 2.	trę̀sì	trę̀sî[1]	trę̀sì	trę̀sì
Pl. 1.	trę̀sѣmǫ	trę̀sѣmo	trę̀sѣmo	trę̀sѣmo
2.	trę̀sѣte	trę̀sѣte	trę̀sѣte	trę̀sѣte

Изображать исторію типа с излишне.

§ XXI. *Глаголы на* -nǫti.

Типъ a — b (a въ формахъ съ основой Prs., b въ формахъ съ основой Inf.).

[1] § XV.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	tę̑gnǫ̑tì	tę̑gnǫ̑tĭ	tę̑gnǫ̑tì	tę̀gnǫ̑ti[1]
	(tę̑gnǫ̑ti)	(tę̑gnǫ̀tī)	(tę̑gnǫ̀ti)	
Part. Act. Sg. Msc.	tę̑gnǫ̑lъ	tę̑gnǫ̑lъ	tę̑gnǫ̀lъ	tę̑gnǫ̀lъ
Fm.	tę̑gnǫ̑là	tę̑gnǫ̑là	tę̑gnǫ̀lā	tę̑gnǫ̀lā
Ntr.	tę̑gnǫ̑lò	tę̑gnǫ̀lo	tę̑gnǫ̀lo	tę̑gnǫ̀lo
Part. Pass. Sg. Msc.	tę̑gnǫ̑tъ	tę̑gnǫ̀tъ	tę̑gnǫ̀tъ	tę̀gnǫ̑tъ
			(potę̀gnǫ̑tъ)	
Fm.	tę̑gnǫ̑tà	tę̑gnǫ̑tà	tę̑gnǫ̀tā	tę̀gnǫ̑ta
			(potę̑gnǫ̑tà)	
Ntr.	tę̑gnǫ̑tò	tę̑gnǫ̀to	tę̀gnǫ̀to	tę̀gnǫ̑to
			(potę̀gnǫ̑to)	
Prs. Sg. 1.	tę̀gnǫ̑	tę̀gnǫ̑	tę̀gnǫ̀	tę̀gnǫ̀
2.	tę̀gnešĭ	tę̀gnèši	tę̀gnèši	tę̀gneši
			(potę̀gneši)	
3.	tę̀gnetъ	tę̀gnetъ	tę̀gnètъ	tę̀gnetъ
			(potę̀gnetъ)	
Pl. 1.	tę̀gnemǫ	tę̀gnèmo	tę̀gnèmo	tę̀gnemo
			(potę̀gnemo)	
2.	tę̀gnete	tę̀gnète	tę̀gnète	tę̀gnete
			(potę̀gnete)	
3.	tę̀gnǫ̑tъ	tę̀gnǫ̑tъ	tę̀gnǫ̀tъ	tę̀gnǫ̑tъ
			(potę̀gnǫ̑tъ)	

[1] § XII.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Imp. Sg. 2.	tę̀gnì	tęgnì[1]	tę̑gnì	tę̑gnì
Pl. 1.	tę̀gnѣmo	tęgnѣ̀mo	tę̑gnѣmo	tę̑gnѣmo
2.	tę̀gnѣte	tęgnѣ̀te	tę̑gnѣte	tę̑gnѣte

Изображать исторію типа с излишне.

§ XXII. Глаголы на -ѣ̀ti.

Типъ a.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер	Нач. поздн. пер	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	ūmѣ̀ti	ūmѣ̀tī	ŭmѣ̀ti	ŭmѣ̀ti
Part. Act. Sg. Msc.	ūmѣ̀lъ	ūmѣ̀lъ	ŭmѣ̀lъ	ŭmѣ̀lъ
Fm.	ūmѣ̀la	ūmѣ̀lā	ŭmѣ̀lă	ŭmѣ̀lă
Ntr.	ūmѣ̀lǫ	ūmѣ̀lo	ŭmѣ̀lo	ŭmѣ̀lo
Part. Pass. Sg. Msc.				
Fm.				
Ntr.				
Prs. Sg. 1.	ūmѣ̀jǫ	ūmѣ̀jǭ	ŭmѣ̀jǫ	ŭmѣ̀jǫ
2.	ūmѣ̀jeśi	ūmѣ̀jeśi[2]	ŭmѣ̀jeśi	ŭmѣ̀jeśi
3.	ūmѣ̀jetъ	ūmѣ̀jetъ[2]	ŭmѣ̀jetъ	ŭmѣ̀jetъ
Pl. 1.	ūmѣ̀jemǫ	ūmѣ̀jemo[2]	ŭmѣ̀jemo	ŭmѣ̀jemo
2.	ūmѣ̀jete	ūmѣ̀jete[2]	ŭmѣ̀jete	ŭmѣ̀jete
3.	ūmѣ̀jǭtъ	ūmѣ̀jǭtъ[2]	ŭmѣ̀jǫ̑tъ	ŭmѣ̀jǭtъ
Imp. Sg. 2.	ūmѣ̀ji	ūmѣ̀jī	ŭmѣ̀ji	ŭmѣ̀ji
Pl. 1.	ūmѣ̀jimǫ	ūmѣ̀jīmo[2]	ŭmѣ̀jimo	ŭmѣ̀jimo
2.	ūmѣ̀jite	ūmѣ̀jīte[2]	ŭmѣ̀jite	ŭmѣ̀jite
Inf.	vьrtѣ̀ti	vьrtѣ̀tī	vьrtѣ̀ti	vьrtѣ̀ti

[1] § XV.

[2] Выравненіе по ūmѣ̀jǭ, ūmѣ̀jī.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер	Кон. поздн. пер. (эп расп.).
Part. Act. Sg. Msc.	vьrtě̀lъ	vьrtě̀lъ	vьrtě̀lъ	vьrtě̀lъ
Fm.	vьrtě̀la	vьrtě̀lā	vьrtě̀lă	vьrtě̀lă
Ntr.	vьrtě̀lo	vьrtě̀lo	vьrtě̀lo	vьrtě̀lo
Part. Pass. Sg. Msc.	vьrťenъ	vьrťènъ	vьrťenъ [1]	vьrťènъ [2]
Fm.	vьrťena	vьrťenà	vьrťenà [1]	vьrťenà
Ntr.	vьrťeno	vьrťèno	vьrťenò [1]	vьrťenò
Prs. Sg. 1.	vьrťǫ	vьrťǫ̀ [3]	vьrťǫ̀	vьrťǫ̀
2.	vьrtiši	vьrtìši	vьrtìši	vьrtìši
3.	vьrtitь	vьrtìtь	vьrtìtь	vьrtìtь
Imp. Sg. 2.	vьrti	vьrtì [3]	vьrtì	vьrtì
Pl. 1.	vьrtimǫ	vьrtìmo	vьrtìmo	vьrtìmo
2.	vьrtitę	vьrtìte	vьrtìte	vьrtìte

Изображать исторію типа с излишне.

§ XXIII. *Глаголы на* -iti.

Типъ a.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	čĭniti	čĭnìtī	čĭnìti	čĭnìti
Part. Act. Sg. Msc.	čĭnilъ	čĭnìlъ	čĭnìlъ	čĭnìlъ
Fm.	čĭnila	čĭnìlā	čĭnìlă	čĭnìlă
Ntr.	čĭnilǫ	čĭnìlo	čĭnìlo	čĭnìlo

[1] Вліяніе глаголовъ на -ti.

[2] § XXVI (объ особыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ редукціей ъ ь).

[3] § XV.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Part. Pass. Sg. Msc.	čĭńęnъ	čīńènъ	čĭńenъ[1]	čĭńènъ[2]
Fm.	čĭńęnạ	čīńenà	čĭńenà[1]	čĭńenà
Ntr.	čĭńęnǫ	čīńèno	čĭńenò[1]	čĭńenò
Prs. Sg. 1.	čĭńǫ	čīńǫ̀[3]	čĭńǫ̀	čĭńǫ̀
2.	čĭnīšį	čīnìši	čĭnìši	čīnĭ̀ši
3.	čĭnitь	čīnìtь	čĭnìtь	čĭnĭ̀tь
Pl. 1.	čĭnimǫ	čīnìmo	čĭnìmo	čĭnĭ̀mo
2.	čĭnitę	čīnìte	čĭnìte	čĭnĭ̀te
3.	čĭnętь	čīnę̀tь	čĭnę̀tь	čĭnę̃tь
Imp. Sg. 2.	čĭni	čīnì[3]	čĭnì	čĭnì
Pl. 1.	čĭnimǫ	čīnìmo	čĭnìmo	čĭnìmo
2.	čĭnitę	čīnìte	čĭnìte	čĭnìte

Типъ b.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	lǫmìti	lomìtī	lomìti	lomìti
Part. Act. Sg. Msc.	lǫmilъ	lomĭ̀lъ	lomìlъ (perlòmīlъ)	lomìlъ (peřlomīlъ)
Fm.	lǫmilà	lomīlà	lomìlā (perlomīlà)	lomìlā (perlomīlà)
Ntr.	lǫmilò	lomĭ̀lo	lomìlo (perlòmīlo)	lomìlo (peřlomīlo)
Part. Pass. Sg. Msc.	lǫmęnъ	lomenъ	lomenъ (perlòmenъ)[4]	lomènъ[2] (peřlomenъ)
Fm.	lǫmęnà	lomenà	lomenà (perlomenà)	lomenà (perlomenà)

[1] Вліяніе глаголовъ на -ti.
[2] § XXVI (объ особыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ редукціей ъ ь).
[3] § XV.
[4] Вліяніе глаголовъ на -ati.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер	Нач. позд. пер.	Кон. позд. пер. (эп. расп.).
Ntr.	lǫmenǫ̀	lomenǫ̀	lomenò (perlòmeno)[1]	lomenò (perlomeno)
Prs. Sg. 1.	lǫmlę̀	lomlę̀	lomlę̀	lomlę̀
2.	lǫmìšį	lomìšį[2]	lomìši (perlòmīši)	lomīši (perlòmīši)
3.	lǫmìtъ	lomītъ[2]	lomìtъ (perlòmītъ)	lomītъ (perlòmītъ)
Pl. 1.	lǫmimǫ̀	lomīmo	lomìmo (perlòmīmo)	lomīmo (perlòmīmo)
2.	lǫmitè	lomīte	lomìte (perlòmīte)	lomīte (perlòmīte)
3.	lǫmètъ	lomętъ[2]	lomętъ (perlòmętъ)	lomętъ (perlòmętъ)
Imp. Sg. 2.	lǫmì	lomì[3]	lomì	lomì
Pl. 1.	lǫmìmǫ	lomìmo	lomìmo	lomìmo
2.	lǫmìte	lomìte	lomìte	lomìte

О глаголахъ при i-овомъ Prs. съ долгимъ по происхожденію гласнымъ основы см. § XII. Количественное чередованіе въ слогѣ основы строго согласовано съ интонаціями въ концѣ древнѣйшаго періода.

Изображать исторію типа с излишне.

§ XXIV. *Глаголы на* -ati.

Типъ a.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. позд. пер.	Кон. позд. пер. (эп. расп.).
Inf.	vędьčàti	vędьčàtī	vędьčàti	vędьčàti
Part. Act. Sg. Msc.	vędьčàlъ	vędьčàlъ	vędьčàlъ	vędьčàlъ

[1] Вліяніе глаголовъ на -ati.

[2] Выравненіе по lomìmo, lomìte.

[3] § XV.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Fm.	vẽnьć̑ala	vẽnьć̑alā	vẽnьć̑ală	vẽnьć̑ală
Ntr.	vẽnьć̑alǫ	vẽnьć̑alo	vẽnьć̑alo	vẽnьć̑alo
Part. Pass. Sg. Msc.	vẽnьć̑anъ	vẽnьć̑anъ	vẽnьć̑anъ	vẽnьć̑anъ
Fm.	vẽnьć̑ana	vẽnьć̑anā	vẽnьć̑ană	vẽnьć̑ană
Ntr.	vẽnьć̑anǫ	vẽnьć̑ano	vẽnьć̑ano	vẽnьć̑ano
Prs. Sg. 1.	vẽnьć̑ajǫ	vẽnьć̑ajǭ	vẽnьć̑ajǫ	vẽnьć̑ajǫ
2.	vẽnьć̑aši	vẽnьć̑aši	vẽnьć̑aši	vẽnьć̑aši
3.	vẽnьć̑atь	vẽnьć̑atь	vẽnьć̑atь	vẽnьć̑atь
Pl. 1.	vẽnьć̑amǫ	vẽnьć̑amo	vẽnьć̑amo	vẽnьć̑amo
2.	vẽnьć̑atę	vẽnьć̑ate	vẽnьć̑ate	vẽnьć̑ate
3.	vẽnьć̑ajǫ̑tь	vẽnьć̑ajǭtь[1]	vẽnьć̑ajǫ̑tь	vẽnьć̑ajǫ̑tь
Imp. Sg. 2.	vẽnьć̑aji	vẽnьć̑ajī	vẽnьć̑aji	vẽnьć̑aji
Pl. 1.	vẽnьć̑ajimo	vẽnьć̑ajīmo[1]	vẽnьć̑ajimo	vẽnьć̑ajimo
2.	vẽnьć̑ajitę	vẽnьć̑ajīte[1]	vẽnьć̑ajite	vẽnьć̑ajite

Типъ a — b (второй примѣръ), b (первый примѣръ).

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	kǫpàti	kopàtī	kopàti	kopàti
Part. Act. Sg. Msc.	kǫpalъ	kopàlъ	kopàlъ (zakòpālъ)	kopàlъ (zàkopālъ)
Fm.	kǫpalà	kopālą̀	kopàlā (zakopālà)	kopàlā (zakopālà)
Ntr.	kǫpalǫ̀	kopàlo	kopàlo (zakòpālo)	kopàlo (zàkopālo)

[1] Выравненіе по vẽnьć̑ajǭ и т. д., vẽnьć̑ajī.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Part. Pass. Sg. Msc.	kǫpanъ	kopānъ	kòpānъ	kòpānъ
Fm.	kǫpanà	kopānà	kopānà	kopānà
Ntr.	kǫpanò	kopāno	kòpāno	kòpāno
Prs. Sg. 1.	kǫpàjǫ	kopàjǭ	kopàjǫ	kopàjǫ
2.	kǫpàšь	kopàši[1]	kopàši (zakòpāši)	kopàši (zakòpāši)
3.	kǫpàtь	kopàtь[1]	kopàtь (zakòpātь)	kopàtь (zakòpātь)
Pl. 1.	kǫpamò	kopàmo	kopàmo (zakòpāmo)	kopàmo (zakòpāmo)
2.	kǫpatè	kopàte	kopàte (zakòpāte)	kopàte (zakòpāte)
3.	[illegible]ǭtь	kopàjǭtь	kopàjǫ̆tь	kopàjǭtь
Du. 1.		kopàjī	kopàji	kopàji
2.		[illegible]àjīmo	kopàjimo	kopàjimo
			kopàjite	kopàjite

	Нач. пер.		поздн.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Inf.	ǫràti			oràti
Part. Act. Sg. Msc.	ǫralъ	orā[illegible]		[illegible]àlъ zàorālъ)
Fm.	ǫralà	orālà	ora[illegible] (zaorāla,	[illegible]ràlā (zaorālà)
Ntr.	ǫralò	oràlo	oràlo (zaòrālo)	oràlo (zàorālo)
Part. Pass. Sg. Msc.	ǫranъ	orànъ	òrānъ	òrānъ
Fm.	ǫranà	orānà	orānà	orānà
Ntr.	ǫranò	orāno	òrāno	òrāno

[1] Выравненіе по kopàmo, kopàte.

	Нач. древн. пер.	Кон. древн. пер.	Нач. поздн. пер.	Кон. поздн. пер. (эп. расп.).
Prs. Sg. 1.	òŕǫ	oŕǭ	oŕǫ	oŕǫ
2.	òŕęśi	oŕèśi	oŕèśi (zaòŕeśi)	oŕèśi (zaòŕeśi)
3.	òŕętь	oŕètь	oŕètь (zaòŕetь)	oŕètь (zaòŕetь)
Pl. 1.	òŕęmǫ	oŕèmo	oŕèmo (zaòŕemo)	oŕèmo (zaòŕemo)
2.	òŕęte	oŕète	oŕète (zaòŕete)	oŕète (zaòŕete)
3.	òŕǭtь	oŕǭtь	oŕǫtь (zaòŕǭtь)	oŕǭtь (zaòŕǭtь)
Imp. Sg. 2.	òŕi	oŕi[1]	oŕì	oŕì
Pl. 1.	òŕimǫ	oŕìmo	oŕìmo	oŕìmo
2.	òŕite	oŕìte	oŕìte	oŕìte

О глаголахъ съ долгимъ по происхожденію гласнымъ основы см. § XII. Количественное чередованіе въ слогѣ основы строго согласовано съ интонаніями въ концѣ древнѣйшаго періода. Въ pȳtàjǫ, pȳtàjǭtь выравненіе по pȳtāśi и т. д.

Изображать исторію типа с излишне.

Объ особыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ редукціей ъ ь.

§ XXV. Къ пониманію чрезвычайно пестрыхъ явленій, связанныхъ съ редукціей ъ ь, необходимо вспомнить, что переходъ отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода былъ опосредствованъ явленіями переходнаго періода (§ XIV). Одна изъ эпохъ этого переходнаго періода — та самая, въ которую получило начало большинство явленій, связанныхъ съ редукціей ъ ь. Эту эпоху надо охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Различію сохраненія и сокращенія древнихъ долготъ, какъ мы съ нимъ встрѣчаемся въ началѣ

[1] § XV.

позднѣйшаго періода, въ эту эпоху прямо предшествовало другое различіе, которое существовало въ обстановкѣ еще не начавшагося сокращенія древнихъ долготъ и было свойственно одинаково и долгимъ, и краткимъ слогамъ, — различіе, которое мы условно можемъ назвать различіемъ вторичныхъ интонацій α и β. Вторичная интонація α — тамъ, гдѣ древнія долготы, если онѣ были, къ началу позднѣйшаго періода сократились, а вторичная интонація β — тамъ, гдѣ древнія долготы, если онѣ были, къ началу древнѣйшаго періода сохранились. Если обозначать вторичную интонацію β знакомъ ˛ снизу, а вторичную интонацію α отсутствіемъ этого знака, то роль различія вторичныхъ интонацій α и β въ переходѣ отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода можно проиллюстрировать такими примѣрами: rǫ̀kà͡ > rǫ̀kà > rǫkǎ, rǫ̀kǫ̀ > rǫ̀kǫ̀ > rǫ̀kǫ̌, nogà͡ > nǫgà > nogǎ, nǫ̀gǫ̀ > nǫ̀gǫ̌ > nǫ̀gǫ̀, skovȏrdà͡ > skovȏrdà > skovȏrdǎ, skovȏrdǫ̀ > skǫ̀vȏrdǫ̀ > skǫ̀vȏrdǫ̌, sīrotà͡ > sīrǫtà > sīrotǎ, sīrǫ̀tǫ̀ > sīrǫ̀tǫ̀ > sīrotǫ̌, zāslūgà͡ > zāslūgà > zāslūgā, zāslūgǫ̀ > zāslūgǫ̀ > zāslūgǫ̌. Для полноты характеристики эпохи существенно важно добавить, что картина, которую можно себѣ представить на основаніи точнѣйшаго дѣйствія закона перехода отъ явленій конца древнѣйшаго періода къ явленіямъ начала позднѣйшаго періода, существовала въ чрезвычайной чистотѣ, и только развѣ въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ и суфиксахъ успѣла получить аналогическое распространеніе вторичная интонація β. Замѣтимъ: вторичная интонація β и удареніе были въ одномъ слогѣ строжайшимъ образомъ несовмѣстимы.

§ XXVI. Явленія, связанныя съ редукціей ь ъ, можно разбить на двѣ большія группы, относящіяся къ разнымъ эпохамъ. Одни изъ этихъ явленій относятся къ охарактеризованной въ предшествующемъ § эпохѣ и обусловлены утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями вторичной интонаціи β (первоначально, какъ skovȏrdà͡, krāsǫ̀tà͡, такъ и svīnьjà͡, какъ mẽsę̀cā͡, vèčęrā͡, такъ и jezèrъkā͡), а другія изъ этихъ явленій относятся къ одной изъ эпохъ въ самомъ началѣ позднѣйшаго періода и обусловлены утерей ъ ь въ слабой позиціи способности

быть носителями ударенія. Когда ъ ь въ слабой позиціи утеряли способность быть носителями вторичной интонаціи β, они еще не утеряли способности быть носителями ударенія. Къ хронологіи явленій, обусловленныхъ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями ударенія, надо добавить, что они протекли еще до явленій аналогической замѣны ударенія на послѣднемъ слогѣ основы удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ основы (§ XVII, 6) — объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы особенности развитія такихъ формъ, какъ povẽstьjǫ̑, povẽstьmì (§ XIX).

Сначала о явленіяхъ, обусловленныхъ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями вторичной интонаціи β.

Если ъ ь въ слабой позиціи были носителями вторичной интонаціи β, они передавали ее сосѣднему неударяемому слогу (NB. вторичная интонація β и ударе̋ніе были въ одномъ слогѣ строжайшимъ образомъ несовмѣстимы). Сюда такія явленія, какъ svīnьjā̆ > svīn̥jā̆, въ позднѣйшій періодъ svīnьjā̆, kvẽtъkā̆ > kvẽt̥kā̆, въ позднѣйшій періодъ kvẽtъkā̆, povẽstьjǫ̑ > povẽst̥jǫ̑, povẽstьmì > povẽstьmì, въ позднѣйшій періодъ povẽstьjǫ̑, povẽstьmì, и т. д. безъ конца. Этого рода явленія наукѣ хорошо извѣстны, но до сихъ поръ не объяснены. Сюда же такія явленія, какъ jezèrъkā > jezèrъkā̆, въ позднѣйшій періодъ jezèrъkā, reč̑ènьjā > reč̑ènjā̆, въ позднѣйшій періодъ reč̑ènjā, и т. д. безъ конца. Явленія этого рода блестяще представлены въ кашубскомъ языкѣ и въ нѣкоторой мѣрѣ и въ другихъ языкахъ, см. ч. II настоящей работы. Долготу въ случаяхъ вродѣ jezèrъkā jezèrъkū . . . (по аналогіи рано или поздно и jezèrъkō), reč̑ènьjā reč̑ènjū . . . (по аналогіи рано или поздно и reč̑ènjē) мы въ части II настоящей работы называли «замѣнительной» — этимъ неопредѣленнымъ терминомъ мы пользовались только для того, чтобы не раздражать читателя.

Бывало такъ, что сосѣдняго неударяемаго слога, куда перешла бы вторичная интонація β, не было. Въ такомъ случаѣ вторичная интонація β переходила на сосѣдній ударяемый слогъ, но за то ударе̋ніе, уступая мѣсто вторичной интонаціи β, переходило на предшествующій слогъ

(NB. вторичная интонація β и ударе́ніе были въ одномъ слогѣ строжайшимъ образомъ несовмѣстимы).

Къ исторіи Pl. G. на -ъ -ь при двух-и-болѣе-сложной основѣ. Еще въ концѣ древнѣйшаго періода Pl. G. по мѣсту ударе́нія аналогически уподобился большинству остальныхъ формъ Pl.: какъ prīstāvȍmъ prīstāvȳ..., такъ и Pl. G. prīstāvь̑ (при Sg. N. prīstȃvъ), какъ skovōrdàmъ skovōrdàmī..., такъ и Pl. G. skovōrdь̀, какъ ūstāvȍmъ ūstāvȳ..., такъ и Pl. G. ūstāvь̑ (при Sg. N. ūstȃvъ), какъ zāslūgàmъ zāslūgàmī..., такъ и Pl. G. zāslūgь̀. Въ эпоху вторичныхъ интонацій α и β формы Pl. G. отразили состоя́ніе конца древнѣйшаго періода совершенно фонетически: какъ prīstāvȳ > prīstȃvȳ, такъ и Pl. G. prīstāvь̑ > prīstȃvъ̀ (при Sg. N. prīstȃvъ > prīstȃvъ), какъ skovordȁ > skovōrdȁ, такъ и Pl. G. skovōrdь̑ > skovōrdь̀, какъ ūstāvȳ > ūstȁvȳ, такъ и Pl. G. ūstāvь̑ > ūstȁvъ (при Sg. N. ūstȁvъ > ūstȁvъ), какъ zāslūgȁ > zāslūgȃ, такъ и Pl. G. zāslūgь̑ > zāslūgъ. Такія формы, какъ prīstȃvъ̀, skovōrdь̀, были въ разсматриваемую эпоху еще терпимы, такъ какъ ъ ь въ слабой позиціи еще не утеривали способности быть носителями ударе́нія. Въ позднѣйшій періодъ отсюда prīstāvъ̀, skovōrdь̀ и только съ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителемъ ударе́нія prīstȁvъ skovȍrdъ (см. ниже). Но вотъ такія формы, какъ ūstȁvъ, zāslūgъ, были въ разсматриваемую эпоху уже нетерпимы, такъ какъ ъ ь въ слабой позиціи уже утеряли способность быть носителями вторичной интонаціи β. Участь этихъ формъ раздѣлили и такія формы, какъ jēzȳkъ, lopȁtъ, съ аналогически усвоеннымъ ъ. Согласно указанному, ūstȁvъ, zāslūgъ, jēzȳkъ, lopȁtъ > ūstȃvъ, zȁslūgъ, jēzȳkъ, lòpātъ. Въ позднѣйшій періодъ отсюда ūstȃvъ (ūstāvъ), zȁslūgъ (zāslūgъ), jȅzȳkъ, lòpātъ. Ударе́ніе въ ūstāvъ, zàslūgъ, jȅzȳkъ, lòpātъ рецессивнаго характера не пріобрѣтало, такъ какъ съ ударе́ніемъ на окончаніи не чередовалось, не говоря уже о томъ, что въ части случаевъ вступило въ комбинацію съ долготой.

Къ исторіи нѣкоторыхъ другихъ образованій. Mь̥rèši, bь̥jèši (какъ trę̄sèši, nę̄sèši), согласно указанному, > mь̥rę̄́ši, bь̥ję̄́ši при ǔmь̥rę̄́ši, ǔbь̥ję̄́ši. Въ позднѣйшій періодъ отсюда mь̥reši, bь̥ješi при ǔmь̥reši, ǔbь̥ješi и только съ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями ударенія mь̥rèši, bь̥jèši при ǔmь̥reši, ǔbь̥ješi (см. ниже). Dъ̥vā̀, согласно указанному, > dъ̥vą̄ при nā-dъ̥vą̄. Въ позднѣйшій періодъ отсюда dъ̥vā при nā̆-dъ̥vā и только съ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями ударенія, dъ̥và при nà-dъ̥vā (см. ниже). По ассоціаціи съ представленіемъ краткости слога подъ рецессивнымъ ударені̯емъ dъ̥vā̆ при nà-dъ̥vā. По аналогіи и trȉ при nà-trī.

Бывало и такъ, что не было и предударнаго слога, куда бы перешло ударені̯е, уступая мѣсто вторичной интонаціи β. Въ такомъ случаѣ вторичная интонація β, которой некуда было дѣваться, исчезала вовсе (NB. вторичная интонація β и ударені̯е были въ одномъ слогѣ строжайшимъ образомъ несовмѣстимы).

Къ исторіи Pl. G. на -ъ -ь при односложной основѣ. Какъ prī-stą̄vь̥, такъ и lī̯stь̥, какъ skovō͡rdь̥, такъ и rą̄kъ̥, какъ jȩ̄zy̆kъ̥, такъ и brā̀tъ̥, какъ lopā̀tъ̥, такъ и là̀rъ̥. Такія формы, какъ lī̯stь̥, rą̄kъ̥, были въ разсматриваемую эпоху еще терпимы, такъ какъ ъ ь въ слабой позиціи еще не утеривали способности быть носителями ударенія. Въ позднѣйшій періодъ отсюда lī̯stь̥, rą̄kъ̥ и только съ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями ударенія lȉstъ rą̄kъ (см. ниже). Но вотъ такія формы, какъ brā̀tъ̥, là̀rъ̥ были въ разсматриваемую эпоху уже нетерпимы, такъ какъ ъ ь въ слабой позиціи уже утеряли способность быть носителями вторичной интонаціи β. Согласно указанному, brā̀tъ̥, là̀rъ̥ > brā̀tъ, là̀rъ (при do-brā̀tъ̥, do-là̀rъ̥ > dò-brą̄tъ, dò-lą̄rъ). Въ позднѣйшій періодъ отсюда brā̆tъ, là̆rъ (при dò-brātъ, dò-lārъ).

Теперь о явленіяхъ, обусловленныхъ утерей ъ ь въ слабой позиціи способности быть носителями ударенія. Эти явленія, какъ указано, протекли въ одну изъ эпохъ въ самомъ началѣ позднѣйшаго періода.

Если ъ ь въ слабой позиціи были носителями ударенія, они передавали его предшествующему слогу, хотя бы онъ былъ долгій (NB. дол-

гота и удареніе были въ одномъ слогѣ совмѣстимы). Сюда такіе случаи, какъ Sg. N. bogā́čь > bogâčь, kōrlь > kȍrlь; Pl. G. prĭstāvъ > prĭstâvъ, lĭstъ > lĭstъ, skovōrdъ > skovȍrdъ, rǭkъ > rǫ̀kъ; umьrešĭ, ubьješĭ > ùmьrešĭ, ùbьješĭ; na-dъvā > nà-dъvā; povĕstьjǭ > povèstьjǭ (позже pòvĕstьjǭ), povĕstьmĭ > povèstьmĭ (позже pòvĕstьmĭ); rǭčьkā rǭčьkȳ rǭčьčь̄ (rǭčьčь̄) rǭčьkǫ̆..., какъ zānòzā zānòzȳ zānòzь̄ (zānòzь̄) zānòzǫ̆..., > rǫ̀čьkā rǫ̀čьky rǫ̀čьčь̄ (rǫ̀čьčь̄) rǫ̀čьkǫ̆... или doklādъkā doklādъkȳ doklādъčь̄ (doklādъčь̄) doklādъkǫ̆... > doklàdъkā doklàdъkȳ doklàdъčĭ (doklàdъčь̄) doklàdъkǫ̆...

Бывало такъ, что предударнаго слога, куда бы перешло удареніе, не было. Въ такомъ случаѣ удареніе переходило на послѣдующій слогъ, хотя бы онъ былъ долгій (NB. долгота и удареніе были въ одномъ слогѣ совмѣстимы). Сюда такіе случаи, какъ mьrešĭ, bьješĭ > mьrèšĭ, bьjèšĭ или dъvā > dъvà (позже dъvǎ).

Къ ученію Белић'а.

§ XXVII. Белић въ «Акценатске студије» (и раньше) проводитъ мысль, что праславянскій языкъ зналъ шесть удареній, составляющихъ три пары: ^ (первое нисходящее на долгомъ слогѣ) и ″ (первое восходящее на долгомъ слогѣ), ‴ (нисходящее на кратномъ слогѣ) и ‵ (восходящее на кратномъ слогѣ), ′ (второе восходящее на долгомъ слогѣ) и ˜ (второе нисходящее на долгомъ слогѣ). Эти шесть удареній Белић связываетъ слѣдующимъ закономъ: первичныя ударенія ^, ‴ и ′, продолжатели древнихъ удареній на прерывисто-долгомъ, кратком и длительно-долгомъ слогѣ, въ случаѣ «измен'ы састава» замѣнились: первичное ^ — вторичнымъ ″ на томъ же слогѣ (svę̑to — svę̏toje), первичное ‴ — вторичными ″ или ‵ на сосѣднемъ слогѣ, смотря по его количеству (bē̑lŏ — bē̏loje, golŏ — gòloje; bŏso — bosòje), первичное ′ — вторичнымъ ˜ на томъ же слогѣ (stáro — stā̃roje). Дѣйствіе этого закона Белић предваряетъ дѣйствіемъ законовъ Фортунатова и комбинируетъ съ дѣйствіемъ закона, по которому ударенія ^ и ‴ пріобрѣли рецессивный характеръ, а ударенія ″, ‵, ′ и равнымъ образомъ ˜ сохранили устойчивый

характеръ. Количественныхъ отношеній въ неударяемыхъ слогахъ Белић почти не касается.

Ученіе Белић'а вызываетъ, прежде всего, цѣлый рой упрековъ методологическаго характера. Изъ нихъ ограничимся двумя. Совершенно неудаченъ выборъ понятій, какими оперируетъ Белић. Въ основу всего ученія положено понятіе «измен'ы састава». Что это такое? Хорошо, пусть «измена састава» еще уловима въ отношеніяхъ между мѣстоименными и именными формами прилагательныхъ — но вотъ въ отношеніяхъ между Prs. и остальными глагольными формами, въ отношеніяхъ между Pl. G. на -ъ -ь или Pl. NA. Nlr. на -а и остальными именными формами она совершенно неуловима. Такого туманнаго понятія въ основу ученія класть нельзя. Совершенно неудаченъ и выборъ матеріала, какимъ оперируетъ Белић. Кругъ зрѣнія Белић ограничиваетъ почти исключительно прилагательными (если угодно, даже Sg. NA. Nlr. прилагательныхъ). Между тѣмъ, въ словянскихъ языкахъ, какъ это явствуетъ изъ изложенія самого Белић'а, прилагательныя обнаруживаютъ невѣроятную неустойчивость въ своей акцентологіи (ср. § XII) — въ каждомъ сербскомъ округѣ, въ каждой русской губерніи они ударяются по разному. На такомъ неустойчивомъ матеріалѣ ученія строить нельзя.

Ученіе Белић'а вызываетъ, далѣе, цѣлый рой упрековъ по существу. Изъ нихъ ограничимся двумя. Прасловянское ´ въ его отличіи отъ ` никакими словянскими данными не поддерживается. Что касается чешскихъ явленій, вродѣ jáma, гдѣ Белић видитъ выраженіе своеобразія прасловянскаго ´, то вѣдь оно идетъ нога-въ-ногу съ чешскими явленіями вродѣ kůže = kóže, гдѣ о прасловянскомъ ´ не можетъ быть и рѣчи. Точно такъ же прасловянское ~ (*нисходящее устойчивое* ударение на долгомъ слогѣ) никакими словянскими данными не поддерживается. Что касается нѣсколькихъ приводимыхъ Белић'емъ кашубскихъ прилагательныхъ, то они допускаютъ вовсе не одно истолкованіе, а нѣсколько. Что касается приводимыхъ Белић'емъ словенскихъ явленій, то они давнымъ-давно объяснены безъ всякого допущенія прасловянскаго ~ (въ словенскомъ языкѣ ударение, соотвѣтствующее чакавскому ″ устойчивому, въ положеніи передъ нѣкогда долгимъ слогомъ

развилось не въ , а въ ˆ). Что касается приводимыхъ Белић'емъ штокавскихъ прилагательныхъ вродѣ stârō, то ихъ нѣтъ нужды сопоставлять непремѣнно съ чакавскими прилагательными вродѣ stârō (см. ниже), разъ въ діалектѣ Брлић'а, по акцентологіи примыкающемъ къ чакавскимъ, засвидѣтельствованы прилагательныя вродѣ stárō (письма Брлић'а къ Вук'у Кирацић'у — Белић, Акценатске студије, стр. 22). Остаются только нѣкоторыя темныя чакавскія явленія. Что касается чакавскихъ Pl. G. вродѣ lopât, то это, несомнѣнно, аналогическая замѣна прежнихъ Pl. G. вродѣ lȏpāt : do-lȏpāt подъ вліяніемъ Pl. G. вродѣ lâp на почвѣ неподвижности ударенія на послѣднемъ слогѣ основы въ остальныхъ формахъ; брошенное Белић'емъ вскользь замѣчаніе, будто штокавское лопāгā : dò-лопāтā «ново је», конечно, шутка. Что касается остальныхъ приводимыхъ Белић'емъ чакавскихъ явленій — прилагательныхъ вродѣ stârō, Prs. вродѣ vîdīn, gînēn (при Prs. вродѣ vȏlīn), — то о нихъ можно замѣтить, что Белић поступилъ бы правильнѣе, если бы, вмѣсто того чтобы теряться въ шаткихъ праславянскихъ построеніяхъ, со свойственнымъ ему остроуміемъ и наблюдательностью подошелъ къ вопросу, не антецинировало ли чакавское ˝ устойчивое въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ долготы послѣдующаго слога, преобразуясь при этомъ въ ¯ (= ˆ) устойчивое. Это явленіе можно бы сравнить, если не по процессу, то по причинамъ съ близко сходнымъ явленіемъ въ сосѣднемъ словенскомъ языкѣ (указано выше) и, если не по причинамъ, то по процессу съ нѣкоторыми чакавскими же явленіями: umîješ, kopâješ съ удлиненіемъ вслѣдствіе стяженія > umîš, kopâš (= umîš, kopâš); mî : a-mî, vî : a-vî съ эмфатическимъ удлиненіемъ mî : a-mî, vî : a-vî (= mî : a-mî, vî : a-vî — при соотвѣтствующихъ штокавскихъ у Мажуранича мй : à-мй, вй : à-вй) . . . Если изъ ученія Белић'а устранить удареніе ´ въ его отличіи отъ ` и удареніе ˜, то останутся ударенія ˆ, ˝, ¨ и ˋ. Это наши старые знакомцы ударенія ˆ, ´, ¨ и ` (§ I). А о нихъ мы уже имѣли сужденіе.

Безспорной заслугой Белић'а является фундаментальный обзоръ акцентологіи прилагательныхъ въ историческихъ славянскихъ языкахъ.

Приложеніе II.

Праиндоевропейская система интонацій слога.

Предварительныя замѣчанія о праиндоевропейскихъ истинныхъ и ложныхъ дифтонгахъ.

§ XXVIII. Дифтонги (на гласный, носовой, плавный) въ праиндоевропейскомъ языкѣ были глубоко различны въ зависимости отъ своего положенія въ словѣ, въ зависимости отъ того, гдѣ они находились — не въ исходѣ слова, т. е. не въ послѣднемъ слогѣ слова или въ послѣднемъ слогѣ слова передъ согласнымъ, или въ исходѣ слова. Различіе сказывается въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, дифтонги, находившіеся не въ исходѣ слова, всегда возглавляли долгій слогъ, хотя бы оба ихъ компонента въ отдѣльности были кратки (греч. οἶκος, лит. maĩnas, antras и т. п.), а дифтонги, находившіеся въ исходѣ слова, возглавляли либо долгій, либо краткій слогъ, смотря по количеству ихъ перваго компонента (греч. Sg. D. χώρᾳ — Pl. N. χῶραι, Pl. G. οἴκων — Sg. A. οἶκον и т. д.). Во-вторыхъ, дифтонги, находившіеся не въ исходѣ слова, обладали какими-то такими особенностями, въ связи съ которыми въ европейскихъ индоевропейскихъ языкахъ первый ихъ компонентъ, если былъ дологъ, сокращался (Pl. I. ǫoiko̅is > греч. οἷκοις), а дифтонги, находившіеся въ исходѣ слова, обладали какими-то такими особенностями, въ связи съ которыми въ европейскихъ индоевропейскихъ языкахъ первый ихъ компонентъ, если былъ дологъ, сохраняль долготу (Sg. D. ǫoiko̅i > греч. οἴκῳ, Pl. G. ǫoiko̅m > греч. οἴκων).

Чрезвычайно важно, что въ нѣкоторыхъ, очень немногочисленныхъ, случаяхъ особенности, которые были свойственны дифтонгамъ, находившимся не въ исходѣ слова, оказывались свойственными дифтонгамъ, находившимся въ исходѣ слова. Греч. Sg. L. οἴκοι имѣетъ οι, возгла-

вляющее долгій слогъ, какъ если бы оно находилось не въ исходѣ слова. Греч. Sg. L. γαμαι имѣетъ αι представляющее сокращеніе первого компонента (ср. лит. galvoj-è и т. п.), какъ если бы оно находилось не въ исходѣ слова. Сходнымъ образомъ греч. Sg. V. Λητοῖ, Ζεῦ и т. п. имѣютъ αι, ευ и т. п., возглавляющія долгій слогъ, какъ если бы они находились не въ исходѣ слова. О другихъ случаяхъ — ниже.

Сейчасъ указанное обстоятельство не позволяетъ остановиться на терминахъ «не исходный» и «исходный» дифтонгъ — то, что̀ обычно налицо не въ исходѣ, иногда оказывается налицо и въ исходѣ слова. слова. Лучше выбрать какіе-либо другіе термины, напримѣръ термины «истинный» и «ложный» дифтонгъ, памятуя, что обычная позиція истиннаго дифтонга — не исходъ слова, а рѣдкая его позиція — исходъ слова, и что постоянная позиція ложнаго дифтонга — исходъ слова.

§ XXIX. Существо различія между истинными и ложными дифтонгами не можетъ составлять загадки. Несомнѣнно, что для истинныхъ дифтонговъ характерно было то, что слоговая функція распредѣлялась между обоими ихъ компонентами, а для ложныхъ дифтонговъ то, что слоговая функція сосредоточивалась на одномъ первомъ ихъ компонентѣ. Изъ этого объясняется прежде всего то, что истинные дифтонги возглавляли всегда долгій слогъ, а ложные дифтонги либо долгій, либо краткій слогъ, смотря по количеству ихъ перваго компонента, — вѣдь въ первомъ случаѣ, кромѣ перваго компонента, на количество слога вліялъ и второй (при обоихъ краткихъ компонентахъ $1+1=2$), а во второмъ случаѣ этого не было. Изъ этого объясняется далѣе и то, что въ истинныхъ дифтонгахъ первый ихъ компонентъ, если былъ дологъ, въ европейскихъ индоевропейскихъ языкахъ сокращался, а въ ложныхъ дифтонгахъ не не сокращался — вѣдь въ первомъ случаѣ, кромѣ одного долгаго компонента, на количество слога вліялъ и другой, хотя бы краткій, и создавалась обстановка для возникновенія сверхдолготы слога, а это естественно вело къ той или иной формѣ сокращенія (при первомъ долгомъ и второмъ краткомъ компонентахъ $2+1=3$), а во второмъ случаѣ этого не было.

Въ виду того что различіе между истинными и ложными дифтонгами есть различіе въ отношеніи компонентовъ къ слоговой функціи,

цѣлесообразно ввести слѣдующій пріемъ въ изображеніе тѣхъ и другихъ дифтонговъ: истинные дифтонги изображать какъ послѣдовательность двухъ слоговыхъ звуковъ въ одномъ слогѣ (Sg. L. u̯o͡g͡hoi, g̑hm̥͡māi). а ложные дифтонги какъ послѣдовательность слогового и неслогового звуковъ (Pl. N. u̯o͡g͡hoi̯, Sg. D. g̑hm̥͡mā̯i). Такъ какъ не исходные дифтонги всегда были истинными дифтонгами, то для нихъ, безъ риска недоразумѣнія, діакритическіе знаки можно опускать (u̯oi̯͡kos = u̯oi̯͡kos, senti = se͡nti). Такъ какъ исходные дифтонги на носовой и плавный всегда были ложными дифтонгами, то для дифтонговъ на носовой и плавный безъ риска недоразумѣнія, діакритическіе знаки можно опускать во всѣхъ случаяхъ. Діакритическіе знаки въ концѣ концовъ нужны лишь для исходныхъ дифтонговъ на гласный.

§ XXX. Истинные дифтонги на гласный въ исходѣ слова мы наблюдаемъ въ двухъ категоріяхъ случаевъ.

1) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они замѣнили двухслоговыя сочетанія того же звукового состава, т. е. с а ŏ ĕ въ первомъ слогѣ и ī (ū) во второмъ, — а эти двухслоговыя сочетанія нѣкогда возникли въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ второй компонентъ былъ присоединенъ къ первому какъ новый морфологическій элементъ слова. Праиндоевропейскіе случаи этого рода слѣдующіе.

Sg. L. именъ на -o|e, напр. u̯o͡g͡hoi. Здѣсь -oi замѣнило -oi, а -oi составилось какъ -o + i съ тѣмъ самымъ -i, которое въ изолированномъ видѣ существовало въ Sg. L. именъ на согласный, напр. māteri (-i абстрагировано изъ склоненія именъ на согласный).

Sg. L. именъ на -ā и (i̯) ē, напр. g̑hm̥͡māi и g̑hemi̯͡ēi. Здѣсь -āi и -(i̯) ēi замѣнили -āi и (i̯) ēi, а -āi и (i̯) ēi составились какъ -ā + ī и -(i̯) ē + i съ тѣмъ самымъ -i, которое въ изолированномъ видѣ существовало въ Sg. L. именъ на согласный, напр. māteri (-i абстрагировано изъ склоненія именъ на согласный).

Du. NA. именъ на -o|e Ntr., напр. regoi. Здѣсь -oi замѣнило -oī, а -oī составилось какъ -o + ī съ тѣмъ самымъ -ī, которое въ изолированномъ видѣ существовало въ Du. NA. именъ на согласный, напр. materī matrī (-ī абстрагировано изъ склоненія именъ на согласный).

Du. NA. именъ на -ā и -(i̯) ē, напр. ĝhm̥mai̯ и ĝhem̥i̯ei̯. Здѣсь -ai̯ и -(i̯) ei̯ замѣнили -āī и -(i̯) ēī, а āī и -(i̯) ēī составились какъ -ā + I и (i̯) ē + ī съ тѣмъ самымъ -ī, которое въ изолированномъ видѣ существовало въ Du. NA. именъ на согласный, напр. māterī, mātŕī (-ī абстрагировано изъ склоненія именъ на согласный). Почему -ai̯ и -(i̯) ei̯ съ краткими -a и -(i̯) e, ср. др.-инд. sunṣē и т. п., разъяснится ниже.

2) Въ звательныхъ формахъ, напр. Lātoi̯, di̯ei̯, nokteī, sūneu.

Ложные дифтонги на гласный въ исходѣ слова мы наблюдаемъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они двухслоговыхъ сочетаній того же звукового состава не замѣняли и гдѣ форма не имѣла звательнаго употребленія. Праиндоевропейскіе случаи этого рода слѣдующіе.

Sg. N. типа lātō(i̯). Между ō и i̯ здѣсь нѣтъ никакой морфологической грани (то и другое вмѣстѣ заканчиваетъ основу), и возводить -ō(i̯) къ двухслоговому сочетанію того же звукового состава нѣтъ никакихъ основаній.

Sg. L. типа noktē(i̯), sūnō(u̯). Между компонентами дифтонговъ нѣтъ никакой морфологической грани (то и другое вмѣстѣ заканчиваетъ основу), и возводить -ē(i̯), -ō(u̯) къ двухслоговымъ сочетаніямъ того же звукового состава нѣтъ никакихъ основаній.

Du. NA. типа u̯ogĥō(u̯). Эти образованія возникли либо какъ Sg. N. въ коллективномъ (точнѣе, нàровомъ) употребленіи, представляя аналогію образованіямъ типа lātō(i̯) (Meringer и др.), либо какъ результатъ морфологической ассимиляціи по отношенію къ числительному du̯ō(u̯). Въ обоихъ случаяхъ между ō и u̯ нѣтъ никакой морфологической грани, и возводить -ō(u̯) къ двухслоговому сочетанію нѣтъ никакихъ основаній. Въ первомъ случаѣ -ō(u̯) заключаетъ основу Sg. N. въ коллективномъ (точнѣе, нàровомъ) употребленіи. Во второмъ случаѣ -ō(u̯) заканчиваетъ морфологически-праціонную числительную основу.

Pl. N. типа u̯ogĥoi̯. Эти образованія, известные лишь въ части діалектовъ, возникли какъ результатъ морфологической ассимиляціи по отношенію къ мѣстоименнымъ образованіямъ toi̯, i̯oi̯. Въ этихъ toi̯, i̯oi̯ между o и i нѣтъ никакой морфологической грани, и возводить -oi̯ къ

двухслоговому сочетанію того же звукового состава нѣтъ никакихъ основаній — -o̯i̯ заключаетъ морфологически-ирраціональную мѣстоименную основу.

Мѣстоименные Sg. D. (и G., A.) moi̯, t(u̯)oi̯, s(u̯)oi̯. Между o и i̯ нѣтъ никакой морфологической грани, и возводить -o̯i̯ съ двухслоговому сочетанію того же звукового состава нѣтъ никакихъ основаній— -o̯i̯ заключаетъ морфологически-ирраціональную мѣстоименную основу.

Sg. D. типа mātrai̯. Между a и i̯ нѣтъ никакой морфологической грани, и возводить -ai̯ къ двухслоговому сосгоянію того же звукового состава нѣтъ никакихъ основаній. Sg. D. типа u̯ogʰōi̯ и Sg. D. типа ĝhm̥māi̯, ĝhemīe̯i̯. -ōi̯ изъ -o + ai, a āi̯ и -(i̯)ēi̯ изъ -ā + ai и -(i̯)ē + ai.

Первичные формы Med. типа bheresai̯, bheretai̯, bherontai̯. Между a и i̯ нѣтъ никакой морфологической грани, и возводить -ai̯ къ двухслоговому сочетанію того же звукового состава нѣтъ никакихъ основаній.

§ XXXI. Ориентируясь въ категоріяхъ случаевъ истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ на гласный въ исходѣ слова, мы можемъ безъ труда представить себѣ возникновеніе различія истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ.

Прежде всего, слѣдуетъ представить себѣ состояніе, когда двухслоговыя сочетанія съ i̯ (u̯) въ качествѣ второго компонента оставались двухслоговыми сочетаніями, а дифтонги всѣ были ложными дифтонгами (дифтонгами, гдѣ слоговая функція сосредоточена на первомъ компонентѣ).

Далѣе, слѣдуетъ представить себѣ процессъ переработки ложныхъ дифтонговъ въ истинные дифтонги — процессъ пріобщенія второго компонента дифтонговъ къ слоговой функціи. Не въ исходѣ слова процессъ этотъ не могъ встрѣтить никакихъ препятствій и прошелъ до конца. Въ исходѣ же слова процессъ этотъ встрѣтилъ опредѣленное препятствіе и въ самомъ началѣ задержался. Дѣло въ томъ, что въ исходѣ слова неслоговое образованіе i̯ u̯ m r l поддерживалось тѣми случаями внѣшняго sandhi, гдѣ послѣдующее слово начиналось на гласный и гдѣ эти i̯ u̯ m n r l отходили въ составъ первого слога послѣдующаго слова (u̯ogʰo|i̯-esṇt, а рядомъ и u̯ogʰoi̯|-senti, какъ u̯ogʰo|m- eṇeĝʰom,

а рядомъ и ǫo̯ĝhom - ǫe̯ĝhō(m). Препятствіе могло не чувствоваться лишь въ одной категоріи случаевъ — въ звательныхъ формахъ: эти формы синтактически представляли отдѣльныя маленькія ирраціональныя (самостоятельныя или вводныя) предложенія и фонетически были отъ окружающихъ ихъ словъ болѣе или менѣе изолированы.

Наконецъ, слѣдуетъ представить себѣ процессъ переработки двухслоговыхъ сочетаній съ i̯ (ŭ) въ качествѣ второго компонента въ дифтонги съ сохраненіемъ за i̯ (ŭ) участія въ несеніи слоговой функціи, т. е. въ истинные дифтонги. Новое явленіе развилось въ обстановкѣ уже подготовленной (истинный дифтонгъ какъ типъ звукосочетанія былъ уже выработанъ).

§ XXXII. Большого вниманія требуетъ количественная структура истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ, о которой кое-что въ намекахъ было сообщено выше.

Какъ мы знаемъ, количество слога возглавляемаго истиннымъ дифтонгомъ опредѣлялось совокупностью количествъ обоихъ его компонентовъ, а количество слога возглавляемого ложнымъ дифтонгомъ опредѣлялось количествомъ одного первого его компонента. Если въ количественной структурѣ ложныхъ дифтонговъ никакихъ поводовъ къ какимъ-либо сокращеніямъ не было, то они были въ количественной структурѣ истинныхъ дифтонговъ: въ истинномъ дифтонгѣ создавалась обстановка для возникновенія сверхдолготы — трехъ мѣръ ($2 + 1 = 3$, какъ въ Sg. L. ĝhm̥mā͡i, или $1 + 2 = 3$, какъ въ первонач. Du. NA. regō͡i) и даже четырехъ мѣръ ($2 + 2 = 4$, какъ въ первонач. Du. NA. ĝhm̥mā͡i).

Еще въ праиндоевропейское время протекъ процессъ *пропорціональнаго сокращенія* компонентовъ въ истинныхъ дифтонгахъ. Компоненты въ истинныхъ дифтонгахъ сократились такъ, что первоначальное количественное отношеніе между ними приблизительно сохранилось, но вмѣстѣ они стали составлять двѣ мѣры: $2 + 1 = 3 >$ приблиз. $^4/_3 + ^2/_3 = 2$; $1 + 2 = 3 >$ приблиз. $^2/_3 + ^4/_3 = 2$; $2 + 2 = 4 > 1 + 1 = 2$. Особенно интересенъ послѣдній случай ($2 + 2 = 4 > 1 + 1 = 2$), такъ какъ въ немъ достигалось настоящее сокращеніе долготы до краткости, тогда какъ въ другихъ случаяхъ сокращеніе было только относительнымъ. Этотъ послѣдній случай представленъ въ Du. NA.

типа ĝhm̥mâi > ĝhm̥mai и ĝhem̥iêi > ĝhem̥iei, ср. др.-инд. snuṣē и т. п. (не snuṣāi и т. п.). Необходимо замѣтить, что истинные дифтонги съ количественно преобладающимъ вторымъ компонентомъ не могли представлять собою жизнеспособнаго типа звукосочетанія — они были представлены слишкомъ ограниченнымъ числомъ случаевъ: Du. NA. типа regoî да еще, не въ исходѣ слова, оптативными образованіями типа bheroît (-oî- изъ -oĭ-, которое составилось изъ -o + ĭ- съ тѣмъ самымъ ĭ, которое въ изолированномъ видѣ существовало въ атематическомъ спряженіи). Совершенно естественно, что для эпохи распаденія мы можемъ утверждать только Du. NA. типа regoi и оптативные образованія типа bheroit. . . Зато истинные дифтонги съ количественно преобладающимъ первымъ компонентомъ представляли собою типъ звукосочетанія вполнѣ жизнеспособный.

Въ послѣпраиндоевропейское время въ европейскихъ индоевропейскихъ языкахъ протекъ процессъ *количественнаго уравновѣшенія* компонентовъ въ истинныхъ дифтонгахъ съ количественно преобладающимъ первымъ компонентомъ: приблиз. $^1/_3 + ^2/_2 = 2 > 1 + 1 = 2$. Кромѣ безчисленныхъ случаевъ не въ исходѣ слова, въ исходѣ слова европ. ĝhm̥mâi > ĝhm̥mai (греч. χαμαι).

Процессъ пропорціональнаго сокращенія компонентовъ въ истинныхъ дифтонгахъ, надо думать, развивался въ непосредственной связи съ процессомъ самого возникновенія этихъ истинныхъ дифтонговъ, такъ что трех- и четырехмѣрныхъ слоговъ въ праиндоевропейскомъ языкѣ, надо думать, никогда не существовало.

§ XXXIII. Интересно прослѣдить качественныя отраженія различія истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ въ прасловянскомъ языкѣ.

Дифтонги на носовой въ прасловянскомъ языкѣ отражаются качественно различно смотря по тому, возглавляли ли они въ праиндоевропейское время долгій слогъ — а это было въ томъ случаѣ, если дифтонгъ на носовой (находясь не въ исходѣ слова) былъ истиннымъ дифтонгомъ, хотя бы съ краткимъ первымъ компонентомъ, и въ томъ случаѣ, если дифтонгъ на носовой (находясь въ исходѣ слова) былъ ложнымъ дифтонгомъ съ долгимъ первымъ компонентомъ, — или краткій слогъ — а это было въ томъ случаѣ, если дифтонгъ на носовой (находясь въ

исходѣ слова) былъ ложнымъ дифтонгомъ съ краткимъ первымъ компонентомъ. Такъ, серединное om̥ (= om̥) > o̯, исходное ōm > o̯, исходное om < ъ. Подробности въ статьѣ «Изъ праславянской фонетики».

Говоря объ отраженіяхъ въ праславянскомъ языкѣ дифтонговъ на гласный, необходимо прежде всего подвергнуть особому разсмотрѣнію два случая — одинъ прямо относящійся къ дѣлу, а другой къ дѣлу вовсе не относящійся, но обычно къ нему относимый. Imp. Sg. 2—3 на -i (въ противоположность Imp. Pl. Du. на -ě-) и формы mati dъ̑ti. Обычно выдвигаемая мысль, будто -i въ Imp. Sg. 2—3 восходитъ къ -ois-, -oit-, чрезвычайно соблазнительна, но далеко не убѣдительна: ни въ одномъ другомъ случаѣ не исходное oi не даетъ i. Методологически правильнѣе обратиться къ объясненію -i въ Imp. Sg. 2—3 внѣ спеціально для него создаваемой теоріи, обычными фонетическими средствами. Въ названной выше статьѣ я пытался объяснить -i въ Imp. Sg. 2—3 какъ продолжателя того оптативнаго ī, которое было свойственно атематическому спряженію и которое было занесено въ тематическое спряженіе въ эпоху разрушенія атематическаго спряженія какъ распространеннаго флективнаго типа и перехода ряда глаголовъ изъ атематическаго спряженія въ тематическое. Морфологическая несогласованность Imp. Sg. 2—3 и остальныхъ формъ Imp. насъ удивлять не должна — это явленіе широко извѣстно какъ въ индоевропейскихъ, такъ и въ неиндоевропейскихъ языкахъ и обусловлено своеобразной семантикой Imp. Sg. 2—3. Обычно Imp. Sg. 2—3 по сравненію съ остальными формами Imp. представляетъ тѣ или иные архаизмы. Здѣсь добавлю, что наличіе второго смягченія задненебныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ гьбі, вовсе не непремѣнно свидѣтельствуетъ о происхожденіи -i из -oi-, такъ какъ смягченіе могло быть занесено изъ другихъ формъ Imp. въ процессѣ противоположенія консонантизма Praes. и Imp. Аналогическое проникновеніе явленій второго смягченія задненебныхъ изъ остальныхъ формъ Imp. въ Imp. Sg. 2—3 можно сравнить съ другимъ явленіемъ — аналогическимъ проникновеніемъ ослабленнаго вокализма, наоборотъ, изъ Imp. Sg. 2—3 въ остальные формы Imp. (ослабленный вокализмъ въ Imp. разъясняется только въ обстановкѣ атематическаго спряженія)... Обычно выдвигаемая мысль, будто mati, dъ̑ti восходятъ прямо къ

mātē(r), dhuktē(r), тоже чрезвычайно соблазнительна, но далеко не убѣдительна: ни въ одномъ другомъ случаѣ ē не даетъ i. Методологически правильнѣе обратиться къ объясненію mati, dъťi внѣ спеціально для нихъ созлаваемой теоріи, обычными фонетическими средствами. Въ названной выше статьѣ я пытался поддержать мысль Соболевскаго, что -i въ mati, dъťi обязано вліянію со стороны образованій типа orьуńi. vedǫťi.

Устраняя изъ обсужденія Impr. Sg. 2—3 на -i и формы mati, dъťi. мы видимъ, что дифтонги на гласный въ праславянскомъ языкѣ отражаются качественно различно смотря по тому, возглавляли ли они въ пранндоевропейское время долгій слогъ — а это было въ томъ случаѣ, если дифтонгъ на гласный (находясь не въ исходѣ слова) былъ истиннымъ дифтонгомъ, хотя бы съ краткимъ первымъ компонентомъ, и въ томъ случаѣ, если дифтонгъ на гласный (находясь въ исходѣ слова) былъ ложнымъ дифтонгомъ съ долгимъ первымъ компонентомъ, — или краткій слогъ, если дифтонгъ на гласный (находясь въ исходѣ слова) былъ ложнымъ дифтонгомъ съ краткимъ первымъ компонентомъ. Такъ, серединное oi (= o͡i) > ē, исходное o͡i > ē (Sg. L. ǫghoi > vozě, Sg. L. ronkāi > ronkai > rǫćě, Du. NA. peroi > perě, Du. NA. ronkai > rǫćě), исходное āi̯ > ē (Sg. D. ronkāi̯ > rǫćě), исходное oi̯ > краткое ĭ, которое не перешло въ ь потому, что возникло позднѣе перехода ĭ > ь, ср. ū изъ дифтонга, которое не перешло въ ȳ потому, что возникло позднѣе перехода ū > ȳ (Pl. N. ǫghoi̯ > vozi, мѣст. moi̯, t(u̯)oi̯, s(u̯)oi̯ > mi, ti, si, Sg. D. mātrai̯ > materi, Sg. 2. bheresai̯ > bheresi съ ś по аналогіи beresь). Подробности въ статьѣ «Изъ праславянской фонетики».

Мысль объ oi̯ > ĭ на праславянской почвѣ находитъ полнѣйшее подтвержденіе въ нѣкоторыхъ литовскихъ фактахъ, которые принято оставлять въ тѣни. Въ литовскомъ языкѣ есть случаи i изъ исходныхъ i- овыхъ дифтонговъ, не подходящіе подъ законъ Leskien'a. (По закону Leskien'a послѣдній въ словѣ слогъ, если обладалъ интонаціей A — длительной долготой, сократился, въ частности вмѣсто i- оваго дифтонга получилъ ĭ, ср. Du. NA. rankì). Это Pl. N. прилагательныхъ типа gerì, minkštì (при интонаціи A въ окончаніи было бы gerì, mìnkšti), мѣст.

mì, tì, sì, Sg. D. типа sùn(i), т. е. тѣ самые случаи, гдѣ и праславянскій языкъ знаетъ переходъ oi̯ > ī, кромѣ Sg. 2. на -esai̯, которое въ литовскомъ языкѣ вообще не сохранилось. Нелишне отмѣтить, что въ литовскомъ языкѣ Opt. типа te-nešẽ и формы mótė, duktẽ съ перечисленными формами не связаны.

---

§ XXXIV. Въ вопросѣ о праиндоевропейскихъ интонаціяхъ слога есть двѣ стороны. Съ одной стороны, надо выяснить, какія это были интонаціи. А съ другой стороны, надо выяснить, каковы были условія существованія этихъ интонацій и каково было ихъ происхожденіе. Съ первой стороны вопросъ наиболѣе безболѣзненно разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Праиндоевропейскій языкъ зналъ двѣ интонаціи: интонацію A и интонацію B. Интонація A была свойственна только долгимъ слогамъ (длительная долгота Фортунатова), а интонація B была свойственна какъ долгимъ слогамъ (прерывистая долгота Фортунатова), такъ и краткимъ слогамъ (краткость Фортунатова). Интонацію A цѣлесообразно обозначать знакомъ _ внизу, а интонацію B знакомъ ◡ внизу; долготу знакомъ ¯ вверху, а краткость знакомъ ˘ вверху. Знакъ долготы, безъ риска недоразумѣнія, можно опускать при знакѣ интонаціи A, а знакъ краткости во всѣхъ случаяхъ.

Со второй стороны вопросъ разрѣшается неизмѣримо сложнѣе, тѣмъ болѣе что на путяхъ къ его разрѣшенію успѣло накопиться немало наскоро составленныхъ совершенно неосновательныхъ мнѣній. Къ разсмотрѣнію одного изъ нихъ, едва ли не самаго вреднаго, мы ближайшимъ образомъ и переходимъ.

§ XXXV. Существуетъ убѣжденіе, что въ дифтонгахъ съ долгимъ первымъ компонентомъ интонація A замѣнялась интонаціей B, если этотъ дифтонгъ (въ извѣстныхъ условіяхъ sandhi) утеривалъ второй компонентъ. Основательныхъ данныхъ къ укрепленію такого убѣжденія нѣтъ— выдвигаются только: для середины слова Sg. A. g^{u}ō̯m (греч. дор. βῶν, др.-инд. gâm) и di̯ēm (греч. ζῆν др.-инд. dyâm), при которыхъ предположительно и rēm (g^{u}ōm, di̯ēm, rēm изъ g^{u}ōum, di̯ēum, rēim, образованныхъ по ассоціаціи съ g^{u}ōus, di̯ēus, rēis), а для исхода слова

Sg. N. типа akmō? (лит. akmů), s(u̯)esō? (лит. sesů), dhuktē? (лит. duktē) (ākmō, s(u̯)esō, dhuktē? изъ akmōn, s(u̯)esōr, dhuktēr); германскіе факты, какъ извѣстно, объясняются на всякіе лады и окончательное сужденіе о нихъ сложится не ранѣе, чѣмъ сложится окончательное сужденіе о данныхъ греческо-древне-индійскихъ и литовскихъ. При отсутствіе основательныхъ данныхъ за — наличіе основательныхъ данныхъ противъ: нельзя забывать, кромѣ безчисленныхъ случаевъ для середины слова, Sg. N. Lātǫ (греч. Λατώ) (Lātǫ изъ Lātōi), Sg. L. kolę (лит. šalè) (kolę изъ kōlēi), Du. NA. kr̥pǫ (греч. καρπώ при праславянск. vozà) (kr̥pǫ изъ kr̥pōu̯), Du. DI. ronkābha ronkāma (лит. rankóma > rankóm и rankomà > rankōm, праславянск. rǫkàma и rǫkāmà: каш. rąkāma) (ronkābha ronkāma изъ ronkābhām ronkāmām), быть можетъ Sg. 1. nekǫ лит. nešù (nekǫ изъ nekōm) и др. Неудивительно, что обычно, кромѣ развѣ Streitberg'a, стремятся выразить свое убѣжденіе съ тѣми или иными ограниченіями. По Hirt'y, напримѣръ, измѣненіе интонаціи задерживалось въ случаѣ утери гласнаго (кромѣ g^{u}ōm, di̯ōm, rēm) и т. Ограниченія въ этомъ духѣ трудностей впрочемъ не разсѣиваютъ. Единственный способъ разсѣять эти трудности — пересмотрѣть вопросъ въ корнѣ.

Самой скромной доли научной наблюдательности достаточно, чтобы увидѣть, что праие. ĝ^{u}ǫm, di̯ēm, rēm это одно, а лит. akmů, sesů, duktē, не имѣющія доказанной параллели въ другихъ языкахъ, это совсѣмъ другое. Самой скромной доли научной наблюдательности достаточно и для того, чтобы увидѣть, что праие. g^{u}ōm, di̯ēm, rēm выступаютъ въ кругу многочисленныхъ другихъ родственныхъ явленій, причемъ суть дѣла оказывается вовсе не въ утерѣ второго компонента дифтонга. Картина развертывается слѣдующая.

1) Въ праиндоевропейскомъ языкѣ при формахъ Sg. G. типа su̯-es, su̯ekru̯-es, ki̯i̯-es, Sg. D. типа su̯-ai̯, su̯ekru̯-ai̯, ki̯i̯-ai̯ и т. п. нѣкогда были образованы и формы Sg. N. съ той же основой, причемъ передъ согласнымъ (номинативнымъ s) -u̯- и -i̯- > -ūu̯- и -ī̯- = ū и ī, но съ той интонаціей, которая была свойственна слогамъ съ истиннымъ дифтонгомъ соотвѣтствующаго строенія, съ интонаціей B:

формы Sg. N. типа sū-s, suekrū-s, kī-s, ср. греч. ὑς, ἰχθῦς (рядомъ съ ἰχθύς, гдѣ сказывается воздѣйствіе ἰχθύος < ἰχθυός, ἰχθύι > ἰχθυί и т. п.), κῖς. По ассоціаціи съ формами Sg. N. типа sū-s, suekrū-s, kī-s — формы Sg. A. типа sū-m, suekrū-m, kī-m и формы Pl. A. типа sū-ns, suekrū-ns, kī-ns (рядомъ съ другими, болѣе ранняго происхожденія формами). Такъ какъ формы Sg. G. типа suu-es, suekruu-es, kiį-es, Sg. D. типа suu-ai, suekruu-ai, kiį-ai и т. п. относились къ формамъ Sg. A. типа sū-m, suekrū-m, kī-m, Pl. A. типа sū-ns, suekrū-ns, kī-ns точто такъ же, какъ формы Sg. G. g^{u}ou-es, Sg. D. g^{u}ou-ai и т. п. относились къ формамъ Sg. A. g^{u}ō-m, Pl. A. g^{u}ō-ns, то при sū-m, šuekrū-m, kī-m возникло и g^{u}ō-m, а при sū-ns, suekrū-ns, kī-ns и g^{u}ā-ns (рядомъ съ g^{u}ouns болѣе ранняго происхожденія). Въ той же линіи развитія и формы Sg. A. diēm, rēm, Pl. A. diēns, rēns (рядомъ съ другими, болѣе ранняго происхожденія формами). Греч. дор. (βῶν): βῶς и νᾶν : νᾶς и іон. βοῦν : βοῦς и ναῦν : ναῦς, несомнѣнно, греческія новообразованія.

Въ ближайшую связь съ описанными явленіями надо, по всей видимости, поставить нѣкоторыя праславянскія, точнѣе, діалектическія праиндоевропейскія явленія. Дѣло касается всей совокупности случаевъ, гдѣ праславянскій языкъ указываетъ интонацію B въ окончаніяхъ склоненія несогласно съ другими индоевропейскими языками: въ 1-омъ склоненіи Sg. A. (-ō), Pl. NA. (-ȳ), Du. NA, (-ē̄), во 2-омъ склоненіи Pl. A. (-ȳ), Du. NA. Ntr. (-ē̄), въ 3-емъ склоненіи Pl. (N) A. (-ī), Du. NA. (-ī), въ 4-омъ склоненіи Pl. A. (-ȳ), можетъ быть Du. NA. (-ȳ). Нетрудно подмѣтить, что всѣ эти праславянскіе случаи связаны между собою не въ плоскости фонетической, а въ плоскости морфологической — передъ нами послѣдовательно A. (или NA.). Сообразимъ, что въ результатѣ описанныхъ выше праиндоевропейскихъ явленій въ рамкахъ 5-го склоненія всѣ s-овые формы Sg. N., m-овыя формы Sg. A., ns-овыя формы Pl. A., если основа исходила на долгій гласный, каково бы ни было его происхожденіе, получили въ послѣднемъ слогѣ интонаціи B — не A. Если такъ, то не отражаетъ ли праславянскій языкъ пере-

несенія тѣхъ же явленій за границы 3-го склоненія со включеніемъ въ общій рядъ и i-овыхъ образованій Dn. NA.?

2) Въ литовскомъ языкѣ въ эпоху, когда исходное m еще не перешло въ n, всѣ исходные согласные, кромѣ m и s, т. е. n, r, d и t, отпали, причемъ, если послѣдній слогъ имѣлъ интонацію A, эта интонація A замѣнилась интонаціей B. Случаи замѣны интонаціи A интонаціей B въ связи съ отпаденіемъ исходнаго n слѣдующіе: во-первыхъ, Sg. N. типа akmon > akmō, akmū̃; во-вторыхъ, Sg. N. типа ĝhemi̯en > ĝhemi̯ē, žẽme (ĝhemi̯en > ĝhemi̯ē žẽmė на литовской почвѣ отражаетъ воздѣйствіе i̯ēn-оваго склоненія точно такъ же, какъ Sg. G. ĝheni̯ens, zemь̄ || zemę на праславянской почвѣ). Случаи замѣны интонаціи A интонаціей B въ связи съ отпаденіемъ исходнаго r слѣдующіе: во-первыхъ, Sg. N. типа sesor > sesō, sesū̃; во-вторыхъ, Sg. N. типа dhukter > dhuktē, duktẽ. Случаи замѣны интонаціи A интонаціей B въ связи съ отпаденіемъ исходнаго t слѣдующіе: во первыхъ, Praes. 3. типа stətat > stətā, stãto; во вторыхъ, Praet. 3. типа nekat > nekā, nẽšo; въ-третьихъ, Praet. 3. типа stətet > stətē, stãtė; въ-четвертыхъ, Opt. 3. типа nekoit > nekoi te-nešẽ (ср. праславянск. trę̄sь̄te съ опредѣленнѣйшими отраженіями интонаціи A); въ-пятыхъ, Sg. N. mēnot > mēnō, mė́nū̃ (если не mēnon); Sg. G. типа tãko, гдѣ окончаніе возникло на почвѣ стяженія, интонація B въ окончаніи исконная. Исключеній ни въ направленіи замѣны интонаціи A интонаціей B передъ исходными i̯, u̯, и m, ни въ направленіи отсутствія замѣны интонаціи A интонаціей B передъ исходными n, r, d и t — ни одного.

§ XXXVI. Въ обстановкѣ здраваго пониманія праиндоевропейскихъ аналогическихъ образованій и литовскихъ фонетическихъ образованій типа akmū̃, žẽmė, sesū̃, duktẽ, stão, nẽšo, stãtė, te-nešẽ, mė́nū̃ мы получаемъ возможность заняться систематическимъ обслѣдованіемъ соотношенія между строеніемъ слога и характеромъ интонаціи.

1) Въ слогѣ съ долгимъ нестяженнымъ монофтонгомъ существовала интонація A. Это наукой твердо признано.

2) Въ слогѣ съ долгимъ стяженнымъ монофтонгомъ существовала интонація B. Это наукой твердо признано.

3) Въ слогѣ съ краткимъ монофтонгомъ существовала интонація B. Это наукой твердо признано.

4) Въ слогѣ съ ложнымъ дифтонгомъ при первомъ долгомъ нестяженномъ компонентѣ существовала интонація A. Примѣры: Sg. N. Lāt̨o(i̯), греч. Λᾱτώ, діал. Λᾱτῴ, Sg. L. nokte(i̯), праславянск. noťî при лит. šalè, nešt̀ė, Sg. L. sūn̨(u̯), праславянск. sȳnù, Du. NA. u̯ogĥo(u̯), праславянск. vozà, лит. takù, греч. καρπώ Du. GL. (по происхожденію Sg. L. и u̯ogĥo) праславянск. vozù, Sg. N. lime(n), греч. λιμήν, Sg. N. pət̨e(r), греч. πατήρ, Sg. A. ronkam лит. raũką̀ (съ сокращеніемъ долготы послѣдняго слога по закону Leskien'a и, въ связи съ совпаденіемъ -ą̄ < ām и -ą < -om, съ усвоеніемъ ударенія по образцу словъ 2-го склоненія) при греч. θεάν, Sg. I. ronkā(m) и ronkoi̯ā(m), лит. raũkà и праславянск. rǫkòjǭ, Du. DI. ronkābha(m) и ronkāma(m), праславянск. rǫkàma и, подъ вліяніемъ vozomà, rǫkāmà: кашубск. rą̄kāma при лит. mergóma > mergóm и, подъ вліяніемъ takamà > takam̃, mergomà > mergõm, Sg. A. neĥǫ(m), лит. nešù при праславянск. mogǫ̀. О праславянск. rǫ̀kǫ см. § XXXV, 1. Не мѣшаетъ указать, что однимъ изъ признаковъ ложнаго дифтонга при первомъ долгомъ нестяженномъ компонентѣ (всегда въ исходѣ слова) является неустойчивость второго компонента, будь это гласный (i̯ u̯) или сонорный (m n r). Устойчивость второго компонента только въ Sg. A. на -ām, въ силу дѣйствія аналогіи со стороны другихъ m-овыхъ образованій Sg. A. (-om, -im, -um).

5) Въ слогѣ съ ложнымъ дифтонгомъ при первомъ долгомъ стяженномъ компонентѣ существовала интонація B. Примѣры: Sg. D. ronkāi̯ съ -āi̯ изъ -ā + ai̯, греч. θεᾷ при лит. raũkai, праславянск. rǫ̀cě, Sg. D. kṛ̨pōi̯ съ -ōi̯ изъ -o + ai̯, греч. καρπῷ при лит. tãkui, Pl. G. kṛ̨pōm, греч. καρπῶν при лит. takũ. По поводу образованій Pl. G. надо разсѣять заблужденіе, обязанное Streitberg'y, будто съ праие. -ōm слѣдуетъ прямо связывать праславянск. -ъ. Съ образованіями Pl. G. дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Суфиксъ Pl. G. — -ŏm, ср. др.-инд. asmākām, yuṣmākām, въ стяженіи съ тематическимъ -ā — -ām, готск. -ō, въ стяженіи съ тематическимъ -o или -e — -ōm, греч. -ῶν,

лит. -ū или -ēm, готск. -ē. По причинамъ, которые остаются неясными, между -ōm или -ēm, первоначальное употребленіе котораго ограничивалось склоненіемъ именъ на -o|e, и -o̯m, первоначальное употребленіе котораго ограничивалось атематическими склоненіями, возникла конкурренція. Въ результатѣ въ однихъ діалектахъ -ōm или -ēm проникло въ атематическія склоненія, ср. въ атематическихъ склоненіяхъ греч. -ων, лит. -ū, готск. -ē, а въ другихъ діалектахъ — тѣхъ, которые лежатъ въ основаніи праславянскаго языка, — ŏm проникло въ склоненіе именъ на -o|e; такъ какъ въ этихъ діалектахъ -ōm фонетически совпало съ -ām, то сульбы -ōm, вытѣсненнаго черезъ -o̯m, раздѣлило и -ām. Нельзя забывать, что происхожденіе -ōm или -ēm изъ стяженія доказывается, кромѣ интонаціи B, также устойчивостью m.

6) Въ слогѣ съ ложнымъ дифтонгомъ при первомъ краткомъ компонентѣ существовала интонація B. Примѣры: Pl. N. kr̥o̯i, греч. καρποι, праславянск. vòzi, лит. gerì, mìnkštì, мѣст. mo̯i, t(u̯)o̯i, s(u̯)o̯i, греч. μοι, σοι (οἱ собственно Sg. L. типа Ἰσθμοῖ), праславянск. mi, ti, si, лит. mì, tì, sì, Sg. D. mātra̯i, праславянск. materi, лит. šùn(i), Med. bheresa̯i, праславянск. bereši, Sg. A. kr̥o̯m греч. καρπόν, праславянск. vòzъ, лит. tãką и т. п. Нельзя не отмѣтить, что по отношенію къ -a̯i -o̯i въ наукѣ до послѣдняго времени царитъ большое смущеніе, обусловленное нетвердостью въ сужденіи о дифтонгахъ. Одни, руководясь указаніями балтійско-словянской акцентологіи, утверждаютъ для этихъ -a̯i -o̯i прерывистую долготу, другіе (напр. Hirt), руководясь указаніями греческаго акута и литовскаго -i, утверждаютъ для нихъ длительную долготу, причемъ и тѣ, и другіе не могутъ справиться съ греческой краткостью. Дѣло, конечно, въ интонаціи B при краткости. Здѣсь и балтійско-славянская акцентологія, и греческій акутъ (греческій акутъ продолжаетъ, во-первыхъ, интонацію A при долготѣ, а во-вторыхъ, интонацію B при краткости), и литовское -i, и греческая краткость. О литовскомъ -i въ Pl. N. (прилагательныхъ) надо сказать, что оно по происхожденію не имѣетъ ничего общаго съ литовскимъ -ai въ Pl. N. (существительныхъ). Происхожденіе литовскаго -ai въ Pl. N. (суще-

ствительныхъ) слѣдующее Такъ указываетъ Pl. N. типа nešą̃, совпадающее съ Sg. NA. типа nešą̃ < nešont, формы Pl. N. въ литовскомъ языкѣ по происхожденію могутъ быть Sg. N(A). Ntr. въ собирательномъ употребленіи. Если такъ, то -ai въ Pl. N. (существительныхъ) нельзя не отождествить съ -ai съ нарѣчіяхъ, представляющихъ окаменѣлыя формы Sg. NA. Ntr. Что касается -ai в нарѣчіяхъ, представляющихъ окаменѣлыя формы Sg. NA. Ntr., то его нельзя не сопоставить съ -a < -od въ Sg. NA. Ntr., объясняя какъ -a < -od + i < id, ср. къ послѣднему id-aĩt. Всѣ элементы этого объясненія, хотя въ несобранномъ видѣ, у Явниса въ его литовской грамматикѣ. Сходнымъ образомъ о прасловянск. -i въ Prs. Sg. 2. надо сказать, что оно по происхожденію не имѣетъ ничего общаго съ прасловянск. -ě въ остаточномъ образованіи Perf. Sg. 1. vědě. По происхожденію это -ě- то же, что̀ ѣ въ věděti и т. п. vědě это перфективная форма, усвоившая основу Aor (-ě < -ē).

7) Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ не изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первомъ долгомъ нестяженномъ компонентѣ существовала интонація B. Хотя и внѣ различенія истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ, это наукой твердо признано. Необходимо замѣтить, что акцентологическое различіе балтійско-словянскихъ продолжателей сочетаній типа -eiə-, -emə- и сочетаній типа -ei-, -em- есть въ сущности акцентологическое различіе балтійско-словянскихъ продолжателей сочетаній типа -ēi-, -ēm- и сочетаній типа -ei-, -em-, такъ какъ балтійско-словянскіе языки являются наслѣдниками праиндоевропейскаго діалектическаго (значительно отдаленнаго отъ эпохи распаденія) перехода сочетаній типа -eiə-, -emə- въ сочетанія типа -ēi-, -ēm-. Объ этомъ переходѣ, наукою твердо признанномъ, надѣюсь представить соображенія въ работѣ, посвященной праиндоевропейскому чередованію гласныхъ.

8) Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ не изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первомъ долгомъ стяженномъ компонентѣ существовала интонація B. Хотя и внѣ различенія истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ, это наукой твердо признано.

9) Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ не изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первомъ краткомъ компонентѣ существо-

вала интонація B. Хотя и внѣ различенія истинныхъ и ложныхъ дифтонговъ, это наукой твердо признано.

10. Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первоначально первомъ долгомъ (нестяженномъ) и второмъ тоже долгомъ (нестяженномъ) компонентахъ существовала интонація A. Примѣръ: Du. NA. gonkai̯ съ -ai̯ изъ ā + ī, лит. rankì. О праславянск. gǫ́sь см. § XXXV, 1. По поводу даннаго случая нельзя не вспомнить укоренившагося въ наукѣ предразсудка, будто преобразованіе двухслоговыхъ сочетаній съ ī въ качествѣ второго компонента представляетъ явленіе въ точности параллельное стяженію гласныхъ не верхнихъ. Это, конечно, невѣрно, и притомъ, какъ въ идеѣ (стяженіе гласныхъ не верхнихъ прошло черезъ фазисъ ассимиляціи послѣдующаго предшествующему, а въ этомъ фазисѣ надо ожидать спеціальныхъ явленій сокращенія), такъ и въ фактахъ, ср. только, что приведенный случай и ниже случаи.

11) Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первоначально первомъ долгомъ (нестяженномъ) и второмъ краткомъ компонентахъ существовала интонація A. Примѣръ: Sg. L. ĝhm̥tai̯ съ -ai̯ изъ -ā + ĭ, греч. χαμαί при праславянск. gǫ́sь.

12) Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первоначально первомъ краткомъ и второмъ долгомъ (нестяженномъ) компонентахъ существовала интонація A. Примѣръ: tremsoi̯te съ -oi̯- изъ -o + ī-, праславянск. trę̀sète. О лит. te- nešẽ см. § XXXV, 2. О праславянск. Du. NA. jèzerě см. § XXXV, 1.

13) Въ слогѣ съ истиннымъ дифтонгомъ изъ двухслогового сочетанія того же звукового состава при первоначально первомъ краткомъ и второмъ тоже краткомъ компонентахъ существовала интонація B. Примѣръ: Sg. L. u̯ogĥoi̯, греч. Ἰσθμοῖ при праславянск. vòzě, лит. patẽ.

§ XXXVII. Установивъ соотношеніе между строеніемъ слога и характеромъ интонаціи, мы имѣемъ полную возможность установить происхожденіе различія интонацій A и B.

Происхожденіе различія интонацій A и B относится къ эпохѣ, кото-

рая характеризуется слѣдующими явленіями: во-первыхъ, незнакомствомъ съ истинными дифтонгами (на мѣстѣ каковыхъ еще были ложные дифтонги, съ одной стороны, и двухслоговыя сочетанія того же звукового состава, съ другой стороны, ср. § XXXI), а во-вторыхъ уже совершившіеся ассимиляціей послѣдующаго гласнаго не верхняго предшествующему гласному не верхнему и уже совершившимся сокращеніемъ обоихъ, но еще не совершившимся объединеніемъ въ одномъ слогѣ. Соотношеніе между строеніемъ слога и характеромъ интонаціи въ эту эпоху было такое:

1) $\underline{\breve{a}}$ (=$\underline{\bar{a}}$).
2) $\underset{\smile}{\breve{a}}\underset{\smile}{\breve{a}}$ (>$\underline{\breve{a}}$).
3) $\underset{\smile}{\breve{a}}$ (=$\underset{\smile}{\breve{a}}$).
4) $\underline{\bar{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (=$\underline{\bar{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$).
5) $\underset{\smile}{\breve{a}}\underset{\smile}{\breve{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (>$\underline{\bar{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$).
6) $\underset{\smile}{\breve{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (=$\underset{\smile}{\breve{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$).
7) $\underline{\bar{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (>$\underline{\widehat{a\imath}}$).
8) $\underset{\smile}{\breve{a}}\underset{\smile}{\breve{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (>$\underline{\widehat{a\imath}}$).
9) $\underset{\smile}{\breve{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (>$\underset{\smile}{\widehat{\breve{a}\imath}}$).
10) $\underline{\bar{a}}\,\underline{\bar{\imath}}$ (>$\underline{\widehat{\breve{a}\imath}}$).
11) $\underline{\bar{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (>$\underline{\widehat{a\imath}}$).
12) $\underline{\breve{a}}\,\underline{\bar{\imath}}$ (>$\underline{\widehat{\breve{a}\imath}}$).
13) $\underline{\breve{a}}\,\underline{\breve{\imath}}$ (>$\underline{\widehat{a\imath}}$).

Нетрудно видѣть, что въ эту эпоху всякій долгій слогъ имѣлъ интонацію A, а всякій краткій слогъ имѣлъ интонацію B, и что позднѣйшія преобразованія въ строеніи слоговъ протекли такъ, что интонація A фонетически нигдѣ не возникла вновь и нигдѣ не утратилась.

Итакъ:

Различіе интонацій A и B возникло въ праиндоевропейскомъ языкѣ въ одну изъ эпохъ, предшествовавшихъ эпохѣ распаденія, какъ осложненіе различія долготы и краткости.

Д. Бубрихъ.

Важнѣйшія опечатки въ трудѣ Д. В. Бубриха: «Сѣверно-кашубская система ударенія».

Стран.	*Строка*	*Напечатано.*	*Читать.*
4	3 сн	и n g, k, γ, χ	и g, k, γ, χ
10	11 »	сильное	слабое
12	3 св.	barànńinąˊ	barànńinąˊ
14	1 »	ńòteĪćі	ńòteĪćі, do-ńòtelćі
15	15 сн.	при рядомъ	рядомъ
17	1 св.	твор.	тверд.
18	19, 18, 16, 12, 10 сн.	прасловянскаго	прасловянск.
22	19 »	-ъka, -ьka	< -ъka, -ьka
»	17 »	-ьćа	< -ьćа
27	17 »	prȁcāma, pⁿò-prācāma	‖ prȁcāma, pⁿò-prācāma
30	14 сн.	рядомъ	рядомъ съ
45	5 св.	χĪŏpćĪ	χĪŏpsćĪ
46	4 »	rëʒĪ	(выпустить)
47	1 »	tė́	tȅ
»	5 »	toďą̀, za-tòďą̄	tobą̀, za-tòbą̄
49	7 »	tři	třĪ
50	13 »	pⁿòtřèmāj	pⁿotřèmāj
51	6 »	zaro-	zarò-
»	10 сн.	daròāvl	daròvāĪ
»	9 »	daràĪë	daràlë

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать*
52	11 св.	ńèsmë	ńè-māmë
»	11 сн.	-jiʒeś	-jìʒeš
»	4 »	соотвѣтствующимъ	соотвѣтствующими
58	1 св.	v^{n}n-řek	v^{n}òn-řek
59	9 »	при-	припри-
»	11 »	vĕcigńemë	vĕcīgńemë
»	11 »	vecëgńimë	vĕcëgńimë
»	12 »	vīĕgnąl̄a	vĕcīgnąl̄a
»	13 »	p^{n}ocīgńece	p^{n}oc̀īgńemè, p^{n}o-cīgńece
70	11 »	-sǫ	-są
72	17 »	и т. д. и	и т. д.,
76	3 »	группы В	группы Б
		(та же опечатка и въ другихъ мѣстахъ).	
77	8 »	мѣстахъ	случаяхъ
»	13 »	послѣдовавшимъ	послѣдовавшія
»	4 »	masculini	masculini на -ā > a
80	16 сн.	drėmàlā	drɛ̄màlā
83	9 св.	kōkà́ń	kāzà́ń
88	5 »	-ǫl̄ā	-ąl̄ā
96	9 сн.	vëšī	vëšè
96	4 »	приспособленія	прпспособленіе
97	18 св.	примѣряясь	примиряясь
100	11 сн.	D.	A.
102	11 »	одинъ	одномъ
103	8 св.	перехо-	переро-
106	10 »	zɛ̄vòti	zɛ̄vá́ti
107	2 сн.	слога	слогѣ
108	3 св.	праиндо-европейской	праиндоевропейской
»	5 сн.	отдѣльныхъ словянскихъ языковъ	въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ
109	5 »	lѣta	lѣ̀ta
110	18 св.	sr̂da	br̂da

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
112	4 св.	особенности	особенностей
114	6 сн.	Чак. ″	Чак. ″
»	3 »	zazǫ́brina	zazǫ̀brina
115	11 св.	⸗vàlīśi	⸗vâlīśi
»	11 сн.	словянскому	словенскому
116	4 »	-līsta	-līsta
118	3 »	словянскомъ	словенскомъ
121	7 »	-nti	-ѣti
122	4 св.	brǫ̆ny	bǫ̆rny
»	5 »	bo͞rnȳ	bo͞rnȳ
»	7 »	skovo͡rdѣ	skovo͞rdѣ
»	10 »	bro͞nѣ (bo͡orna⸗ъ)	bo͞rnѣ (bo͞rna⸗ъ)
125	2 сн.	listѣ⸗ъ	līstѣ⸗ъ
125	13 »	do-vē̆stьjь	do-vē̆stьjь
126	1 »	vě̆stьmī	vě̆stьmī
»	13 »	возникало (см. ниже)	(см. ниже) возникало
127	2 »	bodāća	bogāća
»	4 »	ko͞rl̓ъmъ	ko͞rl̓ъmъ
»	8 »	ko͞rl̓emъ	ko͞rl̓emъ
»	9 »	ko͞rl̓ě	ko͞rl̓ě
»	10 »	ko͞rl̓ī	ko͞rl̓ī
»	11 »	ko͞rl̓ī⸗ъ	ko͞rl̓ī⸗ъ
128	2 »	korȳto	korȳto
»	5 св.	(ѣtъmь)	(lѣtъmь)
»	9 »	bolѣ̆sni	bolѣ̆zni
»	1 сн.	pakostь⸗ъ	pàkostь⸗ъ

Оглавление

	Стр
Предисловіе	1
Транскрипція	3
Ч. I Сѣверно-кашубская система ударенія въ ея современныхъ чертахъ.	5
Ч. II. Сѣверно-кашубская система ударенія въ ея происхожденіи	62
Приложеніе I. Прасловянская акцентологическая система.	113
Приложеніе II. Праиндоевропейская система интонацій слога	177
Важнѣйшія опечатки	195

ФУНДАМЕНТАЛЬ
БИБЛИОТ
СЛАВЯНСТВЕНН